

ДВЕ ВЕЛИКИХ ВОЙНЫ

Сборник научных трудов
к 100-летию начала
Первой мировой войны
и 70-летию победы в
Великой Отечественной войне

Уральский государственный юридический
университет
Кафедра истории государства и права

ДВЕ ВЕЛИКИХ ВОЙНЫ

Сборник научных трудов
к 100-летию начала
Первой мировой войны
и 70-летию победы в
Великой Отечественной войне

Екатеринбург
2015

УДК 340, 342, 93/94
ББК 67.2, 63.3(0), 63.3(3)
Т 63

Редколлегия:

доктор юридических наук, профессор *А.С. Смькалин*
кандидат юридических наук, доцент *Н.Н. Зипунникова*
кандидат исторических наук, доцент *Насибуллин Р.А.*
кандидат исторических наук, доцент *Д.А. Суровень*
(отв. ред.)

Т 63 **Две великих войны: Сборник научных трудов к 100-летию начала Первой мировой войны и 70-летию победы в Великой Отечественной войне.** – Екатеринбург: УрГЮУ, 2015. – 325 с.

ISBN 978-5-7845-0454-8

Рассматриваются проблемы истории общества, государства и права периодов Первой и Второй мировых войн и Великой Отечественной войны. Проанализированы различные аспекты социальной, политической и военной истории, истории государства и права, истории отдельных институтов государственного, уголовного и уголовно-исполнительного права, законодательства об образовании и т.д.

Научным работникам, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется Отечественной историей, историей государства и права, историко-юридическими вопросами.

Статьи представлены авторами в 2015 году.

ISBN 978-5-7845-0454-8

© Авторы статей, 2015

© Уральский государственный юридический университет,
2015

World wars in the history of mankind

War, the phenomenon in itself disgusting, but it is twice more disgusting when covers the enormous territory, involves millions of people and a large number of the countries participating in it.

Two destructive wars of the last century are the indisputable proof of it. The present collection is also devoted to problems of scientific judgment of it.

Scientists and researchers, generally they are lawyers and historians, using new base of sources: archival materials, memoirs and memoirs of participants of those far events, periodicals, tried to cover such problems as: the reasons of preparation of wars, life and activity of citizens in occupied territories, detention regime of foreign prisoners of war in the USSR and other not less significant questions.

Articles of the first part of the collection are devoted to history of World War I of 1914-1918.

The name "World War I" testifies that the similar didn't happen for all history of mankind. It is enough to tell that for the first time the number of the dead as a result of military operations was estimated in millions. An important factor was also that for the first time in the world the weapons of mass destruction (gas attacks) were used.

Great war as it was called initially, proceeded 1568 days: from July 28, 1914 to November 11, 1918, and also it had no precedents in the history. It put an end to four dynasties, became the reason of revolutions and generated the new states. The modern weapon claimed about nine million lives for years of war. It was war of the latest technologies and the frightening new arms. It was war, which killed ideals, war without nobility, without romanticism, without valor. And so consider not only foreign researchers, this collection of scientific articles is the proof of it.

Passed a little more than twenty years since World War I, and the question of the section of the world on Earth arose again. USSR offers on creation of system of collective security were ignored by the western countries. Violating the Statute of League of the Nations, Great Britain and France in 1938 concluded the Munich agreement with Germany. At the initiative of the government of the Soviet Union negotiations between Great Britain, France and the USSR on mutual aid in case of attack of Germany began. But the government of Great Britain conducted confidential negotiations with Hitler. Being afraid

to appear in the international isolation (Great Britain and France had non-aggression pacts with Germany), the Soviet government accepted the offer of Germany on the conclusion of the nonaggression pact (Molotov-Ribbentrop Pact), it was signed on August 23, 1939. However, further events developed even more promptly. On September 1, 1939 the German troops perfidiously intruded on the territory of Poland. And it is considered to be this date the beginning new – World War II. It was even more destructive and brutal, than World War I.

In war 61 states were involved, over 81% of the population of the Globe, military operations were conducted in the territory of 40 states, and also on sea and ocean theaters. On June 22, 1941 nazi Germany, at the head of the European forces, perfidiously attacked the USSR, and began, for our country, the Great Patriotic War (1941-1945). This war was the heaviest of all wars of world history of mankind. It claimed over 27 million lives of the Soviet people. It is enough to tell that these losses made 40% of all human losses in World War II. It is fair to note that the crucial role in fight against fascism laid down on shoulders of the USSR. It is confirmed also by figures. Against the Soviet troops during various periods of war from 190 to 266 divisions of the fascist block fought while from 9 to 20 divisions resisted to Anglo-American troops in North Africa in 1941-1943, in Italy in 1943-1945 – from 7 to 26 divisions, in Western Europe after June, 1944 – from 56 to 75 divisions. On the Soviet-German front the main forces of the fascist block – 607 divisions were crushed and captivated whereas allies for all the time of war crushed and captivated 176 divisions. The fascist army suffered 80% of the general losses in fights and battles with the Soviet army. And though we are separated from victorious completion of war by 70 years, questions of scientific judgment of the Victory always were the focus of attention of the Russian and foreign researchers.

And if the course of military operations, the organization of defense and production of military production in the back are rather well investigated – hundreds of movies, broadcasts, one thousand books are devoted to them (from scientific works to memoirs of participants of events), the directions considered in this collection weren't exposed to such careful scientific analysis earlier.

Мировые войны в истории человечества

Война, само по себе явление отвратительное, но она вдвойне отвратительнее, когда охватывает громадную территорию, задействует миллионы людей и большое количество участвующих в ней стран.

Две разрушительные войны прошлого века являются бесспорным доказательством этого. Именно задачам научного осмысления этого и посвящен настоящий сборник.

Учёные и исследователи, а в основном это юристы и историки, используя новую источниковую базу: архивные материалы, воспоминания и мемуары участников тех далеких событий, периодическую печать, старались осветить такие проблемы как: причины подготовки войн, жизнь и деятельность граждан на оккупированных территориях, режим содержания иностранных военнопленных в СССР и другие не менее значимые вопросы.

Статьи первой части сборника посвящены истории Первой мировой войны 1914-1918 гг.

Само название «Первая мировая война» свидетельствует о том, что подобного не случалось за всю историю человечества. Достаточно сказать, что впервые количество погибших в результате военных действий исчислялось миллионами. Важным фактором было и то, что впервые в мире было применено **оружие массового поражения** (газовые атаки).

Великая война, как её называли изначально, продолжалась 1568 дней: с 28 июля 1914 г. до 11 ноября 1918 г. и не имела прецедентов в истории. Она положила конец четырём династиям, стала причиной революций и породила новые государства. Современное оружие унесло за годы войны около девяти миллионов жизней. Это была война новейших технологий и устрашающего нового вооружения. Это была война, убившая идеалы, война без благородства, без роман-

тики, без доблести.¹ И так считают не только зарубежные исследователи, данный сборник научных статей является доказательством этого. Сборник открывается статьёй к.и.н., доцента Р.А. Насибуллина «Первая мировая война и февральская революция 1917 года в России...», дающая анализ сложной политической обстановки в стране в рассматриваемый период.

Всякая война предусматривает наличие военнопленных. Именно это и рассматривается в исследовании д.ю.н., профессора А.С. Смыкалина «Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Урале».

В годы войны, несмотря на сложную ситуацию в стране, продолжается подготовка научных и технических кадров в высших учебных заведениях. Статья к.ю.н., доцента Э.Ф. Шамсумовой «Высшее образование в период Первой мировой войны и Великой Отечественной войны» анализирует ситуацию с высшим образованием в годы Первой мировой войны и Великой Отечественной войны.

Война – это не только изменения в международной политике, несомненно, на её характер оказывала влияние и внутриполитическая обстановка, наличие политических организаций в стране. Именно этому скрытому аспекту посвящена статья д.и.н., профессора Б.Ф. Ливчака «О политической роли массонов во второй русской революции».

Прошло чуть более двадцати лет со времени Первой мировой войны, и вопрос о разделе мира на Земле возник вновь. Предложения СССР о создании системы коллективной безопасности игнорировались западными странами. Нарушая Статут Лиги Наций, Великобритания и Франция в 1938 году заключили мюнхенское соглашение с Германией. По инициативе правительства Советского Союза начались переговоры между Великобританией, Францией и СССР о взаимопомощи в случае нападения Германии. Но правитель-

¹ Руперт Колли. Первая мировая война. – М.: Колибри, 2014. С. 7.

ство Великобритании вело секретные переговоры с Гитлером. Опасаясь оказаться в международной изоляции (Великобритания и Франция имели пакты о ненападении с Германией), советское правительство приняло предложение Германии о заключении договора о ненападении (пакт Молотова–Риббентропа), он был подписан 23 августа 1939 года. Однако, дальнейшие события развивались ещё более стремительно. 1 сентября 1939 года немецкие войска вероломно вторглись на территорию Польши. И эту дату принято считать началом новой – Второй мировой войны. Она была ещё более разрушительной и бесчеловечной, чем Первая мировая война.

В войну было втянуто 61 государство, свыше 81% населения Земного шара, военные действия велись на территории 40 государств, а также на морских и океанских театрах.¹ 22 июня 1941 года нацистская Германия, во главе европейских сил, вероломно напала на СССР, и началась, для нашей страны, Великая Отечественная война (1941-1945 гг.). Эта война была тяжелейшей из всех войн мировой истории человечества. Она унесла свыше 27 миллионов жизней советских людей. Достаточно сказать, что эти потери составили 40% всех людских потерь во Второй мировой войне. Справедливо отметить, что решающая роль в борьбе с фашизмом легла на плечи СССР. Это подтверждают и цифры. Против советских войск в различные периоды войны действовало от 190 до 266 дивизий фашистского блока, в то время как англо-американским войскам в Северной Африке в 1941-1943 гг. противостояло от 9 до 20 дивизий, в Италии в 1943-1945 гг. – от 7 до 26 дивизий, в Западной Европе после июня 1944 г. – от 56 до 75 дивизий. На советско-германском фронте были разгромлены и пленены основные силы фашистского блока – 607 дивизий, тогда как союзни-

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 190.

ки за всё время войны разгромили и пленили 176 дивизий. 80% общих потерь немецко-фашистская армия понесла в боях и сражениях с Советской армией.¹ И хотя нас отделяет от победоносного завершения войны уже 70 лет, вопросы научного осмысления Победы всегда были в центре внимания российских и зарубежных исследователей.

И если ход военных действий, организация обороны и производства военной продукции в тылу достаточно хорошо исследованы – им посвящены сотни кинофильмов, радиопередач, тысячи книг (от научных работ до воспоминаний участников событий), то направления, рассмотренные в данном сборнике, ранее не подвергались такому тщательному научному анализу.

«Урал – опорный край державы», говорил поэт. Поэтому переоценить роль этого важного стратегического региона страны невозможно. Именно этим вопросам посвящены статьи д.и.н., профессора В.П. Мотревича «Развитие земледелия на Урале в условиях Великой Отечественной войны» и д.и.н., профессора В.В. Запарий «Металлургия Урала на этапе Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)». Регион являлся не только тылом промышленного производства, но здесь также проходила подготовка обученных военному делу резервов для действующей армии. Об этом говорит в своей статье «Вневойсковая подготовка резервов в Свердловске в годы Великой Отечественной войны» д.и.н., профессор С.И. Константинов.

Последнее время, в связи с возрастающей ролью Церкви в жизни общества, стало больше внимания уделяться проблемам взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви. Но не все этапы развития этих государственно-конфессиональных отношений изучены достаточно хорошо. О роли Русской Православной Церкви и её взаимоотношениям с советским государством в 1941-1945

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. С. 23.

гг. рассказывает к.и.н., доцент В.Н. Ильченко.

Всякая война непосредственно связана с такими понятиями как плен, измена Родине, коллаборационизм. В настоящее время, последнее даже имеет свою типологию. Этой проблеме посвящена статья аспиранта кафедры истории государства и права А.А. Фомина «Политико-правовые причины и условия проявления коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны».

Обширные биографические воспоминания о прошедших войнах лежат в основе статьи к.и.н., доцента Р.А. Насибуллина «Две войны Бориса Ливчака».

Содержание сборника не замыкается исключительно только на хронологии мировых войн, но и посвящено иным проблемам в жизни и деятельности советского государства, хотя тема войны и здесь, безусловно, является определяющей. Это напрямую относится к публикациям к.ю.н. А.В. Гоцуленко «Об основных направлениях деятельности органов государственной безопасности СССР Уральского региона по защите и укреплению промышленного потенциала страны в предвоенные годы» и к.ю.н., доцента О.Н. Стариковой «Деятельность специальных лагерей НКВД–МВД СССР на оккупированной территории 1945-1955 гг.». Проблеме криминогенной обстановки в тылу посвящена статья к.и.н., доцента В.В. Каплюкова «К вопросу о коррупционных проявлениях на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны».

Исследованию деятельности, жизни и работы немецких военнопленных на Урале, в конкретном лагере, посвящена статья аспирантки Г.Р. Кудояровой «Основание, расположение и функционирование лагеря для военнопленных № 197 Свердловской области в годы Великой Отечественной войны».

Ряд авторов статей, учёных–историков и учёных–юристов, попытался рассказать на страницах этого сборника о малоизвестных эпизодах мировых войн, от окончания которых нас уже отделяют 100 и 70 лет. В заключении хо-

телось бы отметить следующее. Без сомнения, любая война приносит в дом человека печаль, горе и страдания. Этот процесс удесят�еряется, если это война *мировая*, охватывающая миллионы людей, жителей многих государств и континентов. Ужасы этих безжалостных войн навсегда останутся в памяти человечества. «Жить – значит помнить» – говорил академик Д.С. Лихачёв. И наша задача, как учёных-исследователей, детально и скрупулёзно изучающих это явление – чтобы оно никогда не повторилось.

Заведующий кафедрой истории
государства и права Уральского
государственного юридического
университета, доктор юридиче-
ских наук, профессор, академик
военно-исторических наук

А.С. Смыкалин

Статьи расположены в хронологическом порядке

Часть I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Насибуллин Р.А.

Первая мировая война и Февральская революция 1917 года в России: для успеха войны с внешним врагом нельзя развязывать споры о государственном строе и сменять власть

В статье проанализированы причины Февральской революции 1917 года, концепция российских революций проф. Б.Н. Миронова о трудностях успешной российской модернизации, уроки Первой мировой войны.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 года, её причины, успешная российская модернизация, её трудности, конфликт элит, информационная война, уроки Первой мировой войны.

Многие отечественные историки сходятся во мнении, что именно Первая мировая война породила Февральскую революцию 1917 года¹, которая привела к развалу российского государства, анархии, к захвату власти леворадикальной сектантской партией коммунистов. Коммунисты заключили мир с уже проигравшей Германией, установили в стране однопартийную диктатуру и массовый террор. В результате четырехлетней войны, иностранной интервенции и безумных экономических экспериментов в стране произошла гуманитарная катастрофа. Каковы же причины русской на-

Насибуллин Рафил Ахнафович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

¹ Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов материалы. Международной научной конференции 7-8 сентября 2004 года / Под ред. В.П. Козлова. – М.: Наука, 2006. С. 5.

циональной катастрофы 1917 года?¹

Падение монархии объясняли тем, что царизм ведёт страну к военной катастрофе из-за своей неспособности к эффективному управлению, а между тем стратегическая победа над Германским блоком к февралю 1917 года была уже обеспечена. Союзники без участия России добились победы над истощённым борьбой на два фронта Германским блоком в ноябре 1918 г., а с участием семимиллионной русской армии эта победа пришла бы быстрее. Недостатки русской монархии носили относительный характер и были сравнимы с неразберихой и злоупотреблениями в других воюющих странах.

А.И. Солженицын, сравнивая поражения 1914-1915 и 1941-1942 гг., отмечал: «Советское отступление 1941-42 года было тридцатикратным, потеряна была не Польша, но вся Белоруссия, Украина и Россия до Москвы и Волги, и потери убитыми и пленными – двадцатикратны, и несравнен голод повсюду и вместе с тем заводское и сельское напряжение, народная усталость, и ещё более ничтожны министры, и уж конечно несравненно подавление свобод, – но именно потому, что власть не продрогла в безжалостности, что и в голову никому бы ни пришло заикнуться о недоверии правительству, – это катастрофическое отступление и

¹ См.: *Насибуллин Р.А.* О причинах падения монархии и социально-политической ответственности российской интеллигенции за Февральскую революцию 1917 года // *Интеллигенция и мир. НИИ интеллигентоведения при ИвГУ.* – 2007, № 3. С. 17-34; *Насибуллин Р.А.* Февральская революция 1917 г. в России в исследовании Г.М. Каткова // *Февральская революция 1917 года в России: история и современность. Сборник научных статей по материалам регионального научного семинара (Екатеринбург, 2 марта 2007 г.).* – Екатеринбург, 2007. С. 45-53; *Насибуллин Р.А.* Условия перехода России к конституционному государству в трудах русских дореволюционных государствоведов // *Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 7.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 284-300.

вымирание не привело ни к какой революции».¹

По оценке видного русского историка, профессора Оксфордского университета Георгия Михайловича Каткова (1903-1985)², Февральская революция не была стихийным выступлением большинства населения, озлобленного тяготами войны. Она произошла в Петрограде. Причём мятеж поднялся среди не более 7% населения Петрограда из 2,5 млн. чел. и 5% войск – 10 тысяч из 200-тысячного столичного гарнизона. Армия, провинция, крестьянство оставались спокойны. Падение монархии стало полной неожиданностью для всей России, крестьянское большинство которой не утратило монархических представлений, не было подготовлено к падению монархии. Оно оказалось перед свершившимся необратимым фактом двойного отречения Николая II и Михаила, но, в то же время, и защитить монархию было не в состоянии.

В Петрограде не было не только голода, но и подлинного недостатка хлеба, имели место только очереди за хлебом, ажиотажный спрос под влиянием слухов о том, хлеб скоро кончится. Решивший успех восстания столичный гарнизон недостатка в хлебе не испытывал. А.И. Солженицын писал, что «никакой голод не вызывает революции, если поддерживается национальный подъём или чекистский террор, или и то и другое вместе. Но в феврале 1917 не было ни того, ни другого – и хлеб подай!».³ Голодные люди борются

¹ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией (1980-1983) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. – Ярославль: Верхняя Волга, 1995. Т. 1. С. 498.

² Катков Г.М. Февральская революция / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2006. – 488 с.

³ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией... С. 462. «Как бы ни был силен голод, но если к виску голодающих представлен револьвер, т. е. введено военное или осадное положение, отдан приказ о расстреле на месте при любой попытке захвата (хлеба – Р.Н.), то бунты и волнения могут быть заторможены. Эффект голода будет

ся за выживание, а не за смену власти.

«Возникшие к началу 1917 г. продовольственные трудности объяснялись не реальным дефицитом продовольствия, а нежеланием крестьянства поставлять продукты на рынок по низкой цене и просчётами властей в организации поставок в крупные города. Как это ни покажется кому-нибудь парадоксальным, но во время войны материальное положение российского населения было лучше, чем немецкого. В Германии действовала трудовая повинность для мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Правительство ввело карточную систему на хлеб 31 января 1915 г. и концу 1916 г. распространило на всю страну на важнейшие продукты питания – картофель, мясо, молоко, жиры, сахар. Городская норма потребления хлеба составляет 200-225 г. на человека в день, мяса – 250 г. в неделю. В 1917 году норма хлеба понижалась до 170 г. в день, масла и жиров – до 60-90 г. в неделю... За годы войны 750 тысяч немцев умерли от голода».¹ «В России нормированию подлежали хлеб и сахар, и только в Петрограде и Москве к концу 1916 г. по карточкам выдавалось большинство продуктов питания. В столице накануне Февральской революции выдавалось на человека 615 г. хлеба хорошего качества, а рабочим и военным – 820 г.».²

Выдающийся историк февральской революции Сергей Петрович Мельгунов (1879-1956) писал: «Успех революции, как показал весь исторический опыт, всегда зависит не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивле-

нейтрализован другим «сильно действующим» средством. Вот почему во время некоторых сильнейших голодовок в России, на Западе, в Индии, когда условия, необходимые для возникновения волнений были налицо, они всё-таки не возникали или не принимали значительных масштабов». (*Сорокин П.А. Социология революции.* – М.: Астрель, 2008. С. 320).

¹ *Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации.* 2-е изд. – М.: Весь мир, 2014. С. 187-188.

² *Миронов Б.Н. Страсти по революции...* С. 188.

ния».¹ В мае 1916 года на вопрос Председателя Государственной Думы М.В. Родзянко: «Скажите... что Вам не хватает в России», – представитель французского Правительства министр-социалист (!) А. Тома отвечал: «Нам не хватает сильной центральной Русской власти, так как... Россия должна быть морально очень крепкой, чтобы переносить в критические минуты, которые мы сейчас переживаем, то состояние тихой анархии, которое царит в Вашей стране и прямо бросается в глаза».² Слабость правительственной власти привела к предложению начальника штаба генерала М.В. Алексеева о сосредоточении военной и гражданской власти в руках диктатора, которым должен был быть военный. Этот вопрос обсуждался на заседании Совета министров, в Ставке 27 и 28 июня 1916 года, но принять решительные меры Николай II не решился.³

На основе скрупулёзного изучения истории Февральской революции С.П. Мельгунов, который в 1917 г. являлся одним из лидеров (наряду с В.А. Мякотиным и А.В. Пешехоновым) радикальной партии народных социалистов, пришёл в эмиграции к следующему выводу: «Ненормальные условия военного времени требовали “диктатуры”, в форму которой вылилось управление в Западной Европе даже искони демократических стран. Но там диктатура появилась как бы с согласия общественности, в России таковая могла

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. – М.: Вече, 2006. С. 19.

² Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001 (репринт парижского издания 1939 г.). С. 254-255.

³ Там же; Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914-1918: в 4 т. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв. ред. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2014. С. 30-31. Недостаточную решительность Николая II точно определил Л.А. Тихомиров в декабре 1905 г.: «Царь одинаково не может ни уступать, ни сопротивляться, а это, конечно, способно из ничего создать гибель». – Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. – М.: Вече, 2006. С. 565.

быть только диктатурой наперекор общественности. Так создался порядок, при котором условия военного времени, наперекор всем жизненным требованиям, создали “обстановку полного бессилия” власти. Это “бессилие власти” и было “причиной того, что умеренные элементы пошли на революционный переворот”, признаёт историк (П.Н. Миллюков – *Р.Н.*), пытавшийся в своё время в качестве активного политика создавшийся порядок объяснить “глупостью” или “изменой”».¹

Непосредственной причиной падения монархии в России в феврале 1917 года стала невозможность установления национальной диктатуры правящим классом в условиях Первой мировой войны, слабость царской власти, утрата царём и правящей бюрократией в значительной мере способности к власти, способности приказывать. «Не найдя в себе силы на диктатуру, страна получила анархию и тиранию. Революция стала преступлением».² Лидер правых в Государственном совете, экс-министр внутренних дел, выдающийся государственный деятель России Пётр Николаевич Дурново (1845-1915) в своей речи 19 июля 1915 года признал: «Корень зла... в том, что мы боимся приказывать. Боялись приказывать, и вместо того, чтобы распоряжаться, писались циркуляры, издавались бесчисленные законы, а власть, которая не любит слабых помещений, тем временем улетучивалась в поисках более крепких оболочек, которые и находила там, где ей совсем не место. Между тем мы были обязаны твердо помнить, что в России ещё можно и должно приказывать и Русский Государь может повелеть всё, что по Его Высшему разумению полезно и необходимо для его народа, и никто, не только неграмотный, но и грамотный не дерзнёт его послушаться. Послушаются не только Царского повеления,

¹ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире... С. 567-568.

² Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. С. 523.

но и повеления того, кого Царь на то уполномочит». ¹

Ведущий теоретик русского монархизма Лев Александрович Тихомиров (1852-1923) так ответил П.Н. Дурново: «Наши союзы с поддержкой целой массы городов и заводов стремятся произвести фактический государственный переворот, задавить Царя, созвать Думу и составить правительство, не им назначенное <...>. Только страшно сильное правительство могло направлять к подобию единства эту разношёрстную нацию. П.Н. Дурново прав, что теперь нужно уметь приказать <...>. Теперь бы нужен был диктатор, который бы заставил работать, <...> и показал бы стране, что власть не за немцев, не изменники. Вся масса народа стала бы за него горой». Л.А. Тихомирову ситуация представлялась безнадёжной: «Но нет человека! <...> [Дурново] упускает из виду, что уже нет никого, кто мог бы приказать. Это было и сплыло. <...> Сама по себе Россия не представляет сколько-нибудь достаточных умственных сил. Все средне ординарны, ни единого исключения ни в правительстве, ни в «парламентском» мире, ни в общественных кругах, ни, увы, даже в армии». И хуже всех – царь: «Я бы на его месте – объявил им (либеральной оппозиции – *Р.Н.*), что с такими подданными жить не могу, отказываюсь от престола». ² Оба выдающихся русских монархиста оказались пессимистами.

Большой интерес представляет новаторская концепция российских революций 1905 и 1917 гг. главного научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Бориса Николаевича Миронова, изложенная в монографии «Благосостояние населения и революции в им-

¹ *Бородин А.П.* П.Н. Дурново: Портрет царского сановника // *Отечественная история*. – 2000. № 3. С. 56.

² *Бородин А.П.* Пётр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. – М.: Алгоритм, 2013. С. 229-230.

перской России: XVIII – начало XX века».¹

Учёный пришёл к выводу, что русские революции начала XX века происходили в условиях бесспорных успехов модернизации страны XVIII – начала XX вв., начиная от преобразований Петра I до реформ Николая II.² Россия органически и на паритетных основаниях вошла в число наиболее влиятельных в мире государств, уступая лишь США, Англии, Германии, отчасти Франции, опережая Австро-Венгрию, Италию и Японию.

Основой солидной источниковой базы исследования Б.Н. Миронова стали впервые вводимые в научный оборот антропометрические данные: в большинстве своём это сведения о росте российских новобранцев за 215 лет в 1701-1915 гг., в том числе в региональном измерении. Современные западные экономические историки принимают в качестве замещающего интегрального индикатора уровня жизни, получившего в специальной литературе название биологического статуса, конечный рост людей, под которым понимается дефинитивная длина тела, достигаемая при наступлении полной физической зрелости. Его использование опирается на доказанный в биологии человека факт, что дефинитивный средний рост людей характеризует степень удовлетворения их базисных потребностей в пище, одежде, жилище, медицинском обслуживании и т.п. Люди, чьи базисные потребности удовлетворяются лучше, превосхо-

¹ См.: *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – М.: Новый хронограф, 2010. – 911 с.; *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. – М.: Весь мир, 2012. – 848 с.

² Российской модернизации посвящался первый фундаментальный труд: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 2-е изд., испр. – СПб.: Изд-во “Дмитрий Буланин”, 2000. Т. I.–II. – 548 с. + 368 с.

дят ростом тех, чьи базисные потребности удовлетворяются хуже; и наоборот. Из этих представлений следует, что в рамках одного этноса высокие люди, взрослые и дети, в массе своей лучше питались, имели лучший уход и жилищные условия, меньше болели и т.д., то есть обладали более высоким биостатусом, чем люди с низким ростом. Данные о среднем росте позволяют оценить, как удовлетворяются базисные потребности людей, и благодаря этому судить о динамике благосостояния населения в целом.

«Существенное и систематическое увеличение конечной (т.е. при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791-1915 гг. на 7,7 см (с 161,3 до 169,0) и веса за 1811-1915 гг. – на 7,4 кг (с 59,1 до 66,5) даёт уверенность в том, что благосостояние крестьянства действительно повысилось».¹

Полученная картина дополняется и проверяется другими сведениями о повышении уровня жизни в Российской империи.

В 1861-1913 гг. национальный доход увеличился в 3,84 раза, а на душу населения – в 1,63 раза; произошло повышение производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения – в 1,7 раза (за 1885-1913 гг.); количество зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, увеличилось на 34% (за 1886-1913 гг.); реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих возросла в 3,8 раза, промышленных рабочих – в 1,4 раза (за 1861-1913 гг.); за 1856-1915 годы средний рост взрослых мужчин увеличился на 5 см – со 164 до 169 см. По расчётам Б.Н. Миронова отношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных (децильный коэффициент) в 1901-1904 гг. в Российской империи составляло 6,3, в то время как в Великобритании в 1910 г. – более 70, в США в 1910 г. – 18. Для сравнения, этот показатель в со-

¹ *Миронов Б.Н. Страсти по революции...* С. 183, 276.

временных США – 14, а в России сегодня – 16.¹

Б.Н. Миронов приходит к выводу, что русская модернизация (переход от традиционного общества к современному индустриальному) при самодержавной монархии, несмотря на все её издержки, была успешной, так как она привела к улучшению условий жизни, к росту благосостояния населения. Более того, в последние 120 лет существования империи (1795-1914 гг.) благосостояние российских граждан повысилось и не только в узком материальном смысле: население приобрело гражданские и политические права, был существенно облегчён доступ к благам цивилизации для непривилегированных социальных групп.

Естественно возникает вопрос: почему же в России в начале XX века произошли три революции? Б.Н. Миронов, опираясь на международный опыт, обобщённый теоретиками модернизации, полагает, что в России, как и в других странах, высокие темпы и успехи модернизации порождали новые противоречия и проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных – могли благополучно разрешаться. Успехи и прогресс не исключают революции. Причины русских революций надо искать не в провале, а в успехах модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну.² «Русские революции не имели объективных предпосылок с точки зрения марксистско-ленинской теории; они являлись в первую очередь политическим и культурным переворотом; их причины надо искать не в провале, а в успехах модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну, в политических практиках, в особенностях политического дискурса».³ «Именно высокие тем-

¹ *Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 181-183, 275-277, 225.*

² Там же. С. 185.

³ *Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века, 2012. С. 556.*

пы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться».¹ Успешная в целом модернизация России была прервана революцией 1917 года.

Успешная модернизация «имеет одно почти фатальное следствие – увеличение социальной напряженности и конфликтности в обществе. Причём, как ни парадоксально, чем быстрее и успешнее идёт модернизация, тем, как правило, выше конфликтность. Например, существует прямая связь между быстрым экономическим ростом и политической нестабильностью. Революции с наибольшей вероятностью вспыхивают после продолжительного периода социальных и экономических улучшений, за которыми следует период резкого ухудшения условий жизни».²

«Если бедность плодит голодных, то улучшения вызывают более высокие ожидания», – напоминает нам Я. Кэмпбелл максимуму А. Токвиля из его сочинения об истоках Французской революции. Военные трудности после длительного периода повышения благосостояния также послужили важным фактором революции»³. Б.Н. Миронов замечает, что с начала XX века рост потребностей и запросов населения России значительно опережал неуклонное увеличение уровня жизни народа. И эта искусственно создававшаяся диспропорция, вызывавшая недовольство широких масс, навязывалась противниками монархии: в первую очередь – либерально-радикальной интеллигенцией. Благодаря этой диспропорции интеллигенция (общественность) в массе своей была искренне убеждена, что жизнь народа ухудшается, и что при самодержавии просто невозможен какой-либо про-

¹ *Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 64, 190.*

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 64.

гресс, что стоит свергнуть «прогнивший» царизм – и все проблемы разрешатся практически сами собой. Причём граничащая с верой убежденность общественности в кризисе «фатально неспособного к прогрессивному развитию» самодержавия являлась столь прочной и непогрешимой, что всё, что ей противоречило, просто не воспринималось.¹

По мнению Б.Н. Миронова, русские революции 1905 и 1917 гг. были обусловлены не столько экономическими и социальными, сколько политическими факторами, в том числе, блестящей PR-активностью противников монархии, сопровождавшейся потоками дезинформации, манипуляцией массовым сознанием и прессингом вплоть до террора колеблющихся и активных монархистов. Лидером, вдохновителем, организатором революционных действий выступала либерально-радикальная интеллигенция, искусственно заострявшая и преувеличивавшая российские проблемы. А народные массы были вовлечены оппозицией в так называемое «освободительное движение» путём умелой агитации и пропаганды. Без народной поддержки либерально-радикальная интеллигенция, во-первых, не имела сил свергнуть монархию и удержаться у власти и, во-вторых, участие народа обеспечивало легитимность свержения.²

Б.Н. Миронов утверждает, что «непосредственная причина революций заключалась в борьбе за власть между разными группами элит: контрэлиты в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом и на революционной волне отнять власть у старой элиты. Именно она создала в стране атмосферу экономического и политического кризиса, подго-

¹ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века, 2010. С. 598, 672, 692; *Миронов Б.Н.* Страсти по революции... С. 199.

² *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века, 2010. С. 600-605, 692.

товила почву для революции и вывела народ на улицы в решающий момент, воспользовавшись недовольством, вызванным вышеперечисленными проблемами (социальными, экономическими, национальными, политическими, культурными – *Р.Н.*), усугублёнными бедствиями войны. Хорошо известно: степень недовольства умелой пропагандой можно дозировать – то разжигать до крайней степени, то понижать ... Оппозиция искусственно заостряла внимание общества на реально существующих проблемах, преувеличивала их важность и, самое главное, предлагала быстрое и лёгкое их решение – свергнуть монархию и привести к власти оппозицию». ¹ «Либерально-радикальная интеллигенция идентифицировала себя в качестве самой прогрессивной социальной группы российского общества, которая самоотверженно и бескорыстно борется за политические и социальные реформы, обеспечивающие счастье народа, в первую очередь – крестьян». ²

Таким образом, Б.Н. Миронов считает, что «для революции одинаково важны как сильно недовольные и готовые к революционным действиям массы, так и энергичные

¹ *Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 66-67. В начале XX века «...дискурс интеллигенции специфическим образом сконструировал представление (находившееся в противоречии с фактами) о российском социуме конца XIX – начала XX вв. как пребывающем в состоянии общего, или системного, кризиса». Следовательно, «кризис самодержавия» – это политический «проект», созданный для изменения существующего строя, а непосредственная причина революций «заключалась в борьбе за власть между разными группами элит: контрэлиты в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом и на революционной волне отнять власть у старой элиты. В этом смысле революции начала XX в. обуславливались не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами». – *Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века, 2012. С. 695, 700.**

² *Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 191.*

умелые организаторы и лидеры. Не происходят они и в условиях жестоких репрессий и крайних лишений, ибо в этом случае массы обречены на конформизм и пассивность... Для революции необходимо также и наличие ресурсов: денег для организационных мероприятий, контактов со сторонниками и единомышленниками, времени и энергии для конспирации, развитых средств массовых коммуникации, хотя бы минимального пакета гражданских прав и свобод, наконец. Нужна поддержка со стороны авторитетных социальных групп и организаций. Словом, революция становится возможной при одновременном действии многих факторов».¹

Основной причиной изменения самодержавно-бюрократического строя России в 1905-1907 гг. и падения самодержавно-представительной думской монархии в 1917 году явилось то, что монархия утратила легитимность, перестала соответствовать настроениям большинства российской интеллигенции, исповедовавшей либеральные или радикально-социалистические взгляды, а консервативно-национальная интеллигенция, которая выступала за самодержавие с законосовещательным народным представительством, была явно в меньшинстве. Действительно, Николай II решился на принятие Манифеста 17 октября 1905 года только под давлением общественного мнения, формируемого преимущественно либеральной интеллигенцией. Через два дня после издания манифеста 17 октября 1905 года император Николай II в письме к матери в Данию отметил, что манифест 17 октября фактически является конституцией, что «во всей России только об этом и кричали, и писали, и просили... Единственное утешение – это надежда, что такова воля Божия, что это тяжёлое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого хаотического состояния, в каком она находится почти год».²

¹ Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 220-221.

² Цит. по: Смыкалин А.С. Этапы конституционного строительства в

Большинство российской интеллигенции к концу XIX века было не удовлетворено существующим самодержавно-бюрократическим строем, а после 1906 года и самодержавно-представительным строем. Эти слои перестали поддерживать монархию, ряды её убеждённых сторонников таяли. В конце концов, в феврале 1917 года даже командующие фронтами перестали выполнять её приказы, хотя они и считали, что участвуют в спасении династии и монархии.

Борьбу за власть вело имущее и образованное меньшинство, а народные массы, занятые физическим трудом, не стремящиеся к политической власти и свободе, некомпетентные в сложных вопросах управления, внутренней и внешней политики, могли служить лишь орудием этой борьбы. Консервативные монархисты, как, например, П.Н. Дурново, считали, что народные массы – крестьяне, рабочие, ремесленники, мелкие торговцы с их общинной психологией, занятые физическим трудом, испытывающие хроническую нужду, были политически крайне неразвиты и не стремились к политической свободе и конституционному государству. Крестьянин мечтал о даровом наделении его чужой землей, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта. В этой ситуации, с точки зрения П.Н. Дурново, любые политические уступки бессмысленны, компромисс невозможен, а удовлетворение требований – невыполнимо. Он и предусматривает на случай социальной революции одно – «усмирение».¹ Либеральная оппозиция же «ни-

дореволюционной России // Государство и право. – 2004. № 3. С. 79-80; Боханов А.Н. От самодержавной к самодержавно-парламентской монархии // Россия в начале XX века / Под ред. академика А.Н. Яковлева. – М.: Новый Хронограф, 2002. С. 436.

¹ Аналогично было мнение легального марксиста, бывшего соратника В.И. Ленина, затем либерала, а в эмиграции консерватора – П.Б. Струве. В 1934 году, во время дискуссии, Струве заявил, что у него есть лишь один повод для критики последнего Императора Николая II, а именно, что тот был слишком мягок с революционерами, которых ему следова-

какой реальной силы не представляет», за нею «нет никого, у неё нет поддержки в народе». Она, по словам П.Н. Дурново, «сплошь интеллигентна, и в этом её слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия». Уступать ей – не имеет смысла: она не сможет «сдерживать расходившиеся народные волны». Соглашение с ней – опасно: правительство «ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов», ибо откажется «от роли беспристрастного регулятора социальных отношений» и выступит «перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения». Её претензия на исполнительную власть абсурдна: обязанная своим положением в Думе «искусственному выборному закону» и «прямому воздействию правительственной власти» на выборах, оппозиция, – не без сарказма замечал П.Н. Дурново, – «в сущности, требует от правительства психологию дикаря, собственными руками теряющего идола и затем с трепетом ему поклоняющегося».¹

При таком настроении невежественных народных масс предоставление им политических прав, введение всеобщего избирательного права приведёт к тому, что они передадут власть социалистическим интеллигентским партиям, которые пообещают им наибольшее материальное благополучие, независимо от степени осуществимости этих обещаний

ло бы «безжалостно уничтожать». Когда Струве спросили, не считает ли он, что и его следовало бы уничтожить, то тот ответил: «Да, и меня первого! Именно так! Как только какой-нибудь революционер поднимал голову – бац! – прикладом по черепу» (*Фомин С.В. Джордавилльский отшельник // Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории.* – М.: Форум, 2000. С. 11-12; *Пайнс Р.* Струве: правый либерал, 1905-1944. – М.: Моск. школа полит. исследований, 2001. Т. 2. С. 493). Часть русской либерально-радикальной интеллигенции поняла это только в эмиграции, через 30 (!) лет.

¹ *Бородин А.П.* Пётр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус... С. 240.

и способов их осуществления. В 1917 году именно так и произошло. От имени невежественного народа мандат на власть реально могли получить две социалистические партии – эсеров или большевиков, руководящее положение в которых занимала деклассированная интеллигенция очень разных национальностей.

Выдающийся русский государствовед, философ, консервативный либерал Борис Николаевич Чичерин (1828-1904) отмечал, что радикальные партии ищут опоры в массах. Но, по своей природе, массы вовсе не склонны принимать живое участие в политической жизни, когда не затрагиваются непосредственные их интересы. Только сильно распространённое неудовольствие или искусственное возбуждение страстей делает их орудием радикализма. Демократы-радикалы постоянно твердят о воле народной, но эта воля редко их поддерживает. Главной опорой радикализма являются низшие слои средних классов, которые, не имея состояния, недовольны своим положением, а, между тем, достаточно образованы, чтобы стремиться к переменам. В промышленно развитых странах к ним примыкает и пролетариат. Пролетариат составляет армию, без которой радикализм всегда остается ничтожным.¹ Образование без собственности возбуждает в человеке недовольство существующим общественным устройством, в котором нелегко проложить себе дорогу. Образование возвышает требования от жизни при недостатке средств к их осуществлению. Поэтому в этих кругах самая благоприятная почва для радикализма.²

Это наблюдение Б.Н. Чичерина в дальнейшем многократно подтверждалось. После Октябрьской революции 1917

¹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М.: Тип. тов. И.Д. Сытина, 1899. С. 695. См.: Насибуллин Р.А. Б.Н. Чичерин о классификации политических партий в конституционном государстве // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2008. Вып. 2. С. 149-152.

² Чичерин Б.Н. О народном представительстве... С. 16-17.

года правящая коммунистическая партия объявила об установлении диктатуры пролетариата. Выдающийся русский философ права, государствовед Николай Николаевич Алексеев (1879-1964) писал: «Однако в советском государстве фактически вовсе не властвует рабочий класс, а деклассированная интеллигенция очень разнообразного национального состава, объявившая себя хранительницей интересов пролетариата. Эгоистическая и себялюбивая диктатура такой интеллигенции ещё хуже, чем диктатура класса, ибо она вырождается в диктатуру наихудшей бюрократии».¹

Революции 1905 и 1917 гг., как отмечал консервативный мыслитель Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953), сделала главным образом «второсортная русская интеллигенция». «Именно второсортная, – подчеркивал он. – Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских первого сорта при всём их критическом отношении к отдельным частям русской жизни – революции не хотел и революции не делал. Революцию делали писатели второго сорта – вроде Горького, историки третьего сорта – вроде Милюкова, адвокаты четвёртого сорта – вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с университетских кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти что безымянных профессоров. Жаль, что на Красной площади рядом с Мавзолеем Ильича не стоит памятник неизвестному профессору!».²

Либеральная интеллигенция проповедовала, что самодержавие как форма правления исторически себя изжило и обречено в России на исчезновение, как это было в странах

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. С. 345.

² Солоневич И. Великая фальшивка февраля. – М.: Изд-во “Алгоритм”, изд-во “БСК”, 2007. С. 54-55.

Запада. Либералы полагали, что по какому-то неумолимому закону истории российское общество после 1905 года перейдет от самодержавия к конституционной монархии, где власть получают образованные представители имущих классов, а затем, в процессе постепенной демократизации, власть станет властью всего народа.

Идеологи конституционного государства насаждали слепую, безоглядную веру в конституционное государство, в демократию, которая только и способна принести свободу и счастье людям. Для многих российских интеллигентов конституционное государство, демократия заменили религиозную веру, превратились в священную догму, высшую цель жизни. Они отличались нетерпимостью к критике в адрес конституционного государства. Периодическая и юридическая печать в основном была либеральной. Видный государственный деятель начала XX века В.И. Гурко писал: «За предшествующие сорок лет русская интеллигентная мысль достигла одного весьма важного результата. Она сумела внушить общественности, что всякая защита существующего строя совершенно недопустима. Монархия и беспросветная реакция были ею до такой степени отождествлены и соединены знаком равенства, что в глазах передовой общественности они слились воедино. При таких условиях надо было обладать исключительным гражданским мужеством, чтобы открыто исповедовать сколько-нибудь правые убеждения».¹

Один из лидеров кадетской партии Василий Алексеевич Маклаков (1869-1957) вспоминал в эмиграции: «Трезвая оценка различных сторон конституции заменилась нерассуждающей мистической верой в неё. Никто не имел возможности спокойно обсуждать её дурные и хорошие сторо-

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 495.

ны, ставить вопрос о её пригодности для России».¹

«Опыт советского режима за последние пятьдесят лет (1917-1967) показал, что нет никаких оснований ни для аналогий с западными монархиями, ни для веры в то, что самодержавие в России устарело, поскольку самодержавие сохранилось вопреки революции. Сам факт, что после 1917 года страной многие годы почти самовластно правили три человека, совершенно разные по характерам и биографиям (Ленин, Сталин, Хрущёв – *Р.Н.*), просто подтверждает мнение, что есть глубокие причины того, почему политический контроль одного человека легко устанавливается и сохраняется в России», – отмечал Г.М. Катков.² Геополитические, природно-климатические, этнические, психологические предпосылки определяют существование в России сильной авторитарной власти. Очевидно, что и современная Россия по объективным причинам фактически является самодержавным, авторитарным государством с сильной властью президента «всяя Руси» и, фактически, законосовещательным Федеральным Собранием.

По мнению консервативных монархистов, не существует идеальной формы правления. Всякая форма правления имеет свои достоинства и недостатки. Идеальная форма правления невозможна, так как человек несовершенен. Он склонен злоупотреблять свободой выбора между добром и злом, используя свободу не только для совершения добра, но и зла. Государственные учреждения не способны изменить сложную природу человека, не способны улучшить человека. Политическая свобода, т.е. участие граждан в государственной власти, не может изменить человека к лучшему. Эта свобода лишь раскроет человека со всеми его достоинствами и недостатками, приведёт не только к хоро-

¹ Цит. по: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. – М.: Русский путь, 1995. С. 365.

² *Катков Г.М.* Февральская революция... С. 448.

шему, но и к дурному.

Консерваторы считали, что каждому народу присуща своя, самобытная форма правления, которая вырабатывается органическим путём с учётом различных факторов: природно-климатических, географических, размера территории, численности населения, наличия или отсутствия внешней угрозы, этнического и религиозного состава населения, особенностей национального характера государственнообразующего народа. Об этом подробно писал консервативный публицист Николай Иванович Черняев (1853-1910).¹ Следовательно, формы правления не подлежат свободному выбору народов. Они не могут быть организованы по заранее намеченному плану: они «не создаются, а сами возникают». Самодержавная монархия в России – это не отсталый по сравнению с Западной Европой государственный строй, а непохожий, вызванный историческими особенностями России. Русский народ самостоятельно выработал эту органичную для него форму правления.

Положение русской верховной государственной власти в это период было поистине трагичным. Во имя мира и благополучия в стране, монархическая власть отказалась от исконной неограниченной власти. Центр тяжести власти сохранился в руках императора и правительства, а интеллигенция получила допуск к управлению, благодаря учреждению в 1905-1906 гг. народного представительства – Государственной думы и Государственного совета.

Либеральная и революционная интеллигенция отрицали историческую самодержавную монархию, требовали, по оценке Л.А. Тихомирова, чтобы она «устранила самую себя, отдала Россию им. Но на такой почве возможна только борьба, полное торжество победителя, полное уничтожение побеждённого. Тяжкий смысл этого положения едва

¹ Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. – М.: Изд-во “Москва”, 1998. – 432 с.

ли у нас сознавался властью, которая, будучи основана на нравственном единении с нацией, с трудом представляла себе, чтобы среди “своих” могли перед ней стать принципиальные враги. Но зато сама революционная интеллигенция, как “мирная” (либеральная – *Р.Н.*), так и “боевая” (революционная – *Р.Н.*), вполне понимала положение и систематически направляла все свои усилия к тому, чтобы все устроительные меры власти, всякий шаг развития страны, обратить в орудие борьбы против данного строя».¹

По мнению консерваторов, «основная ошибка Государя Императора Николая II заключалась в том, что вместо Собора был создан парламент. И вот именно на эту ошибку и указывает Лев Тихомиров: будут партии, и партии погубят Россию».² Николай II поддался теориям государственного права и допустил перенос на русскую точку зрения западноевропейского парламентаризма, который и у себя на родине, в Западной Европе, успел к этому времени продемонстрировать свою полную неспособность наладить нормальный государственный быт. Лев Тихомиров предлагал народное представительство по старомосковскому образцу: церковь, земство, купечество, наука, профессиональные союзы, кооперация промысла и прочее. То есть, представительство, органически связанное с органически выросшими общественными организациями. Вместо этого мы получили монопольное представительство интеллигенции, начисто оторванной от народа, «беспочвенной», книжной, философски блудливой и революционно неистовой».³

Л. Тихомиров предлагал сословно-профессиональное народное представительство: «Задача народного представи-

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб.: Российский Имперский Союз-Орденъ, 1992. С. 383.

² Солоневич И.Л. Парламент и собор // Солоневич И.Л. Великая фальшивка февраля. – М.: Изд. “Алгоритм”, изд. “БСК”, 2007. С. 264-265.

³ Солоневич И.Л. Миф о Николае Втором // Там же. С. 284-285.

тельства здесь (при монархии – *Р.Н.*) сводится к тому, чтобы представительство Монархом народного духа, идеала, и его приложение к актам текущей политики не было фиктивным. Поэтому народное представительство в монархии имеет целью, во-первых, объединить Монарха с народным умом, совестью, интересами и творческим гением; во-вторых, не допустить разъединения основных элементов государства, то есть Царя и народа, и подчинения их служебным силам, каковыми являются у Царя его чиновники, а у народа его выборные представители. Первые – перехватывая на себя выражение воли Царя – образуют бюрократию, вторые, перехватывая на себя выражение воли народа – образуют систему политиканскую».¹ Л.А. Тихомиров давал схему органического народного представительства: представительство Церкви, дворянства, крестьянских волостей, казачества, фабрично-заводских рабочих, земств и др.² Эта ошибка – создание партийно-интеллигентской Государственной Думы оказалась роковой в условиях войны.

В падении монархии сыграла губительную роль Первая мировая война. Б.Н. Миронов подчёркивает: «Кризис российского социума следует считать проявлением роста и развития. Он не вёл фатально к революции, а лишь создал для неё предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств – военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточённой борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией».³ «Общество, находящееся в процессе модернизации от традиционализма к современности, является хрупкой структурой вследствие болезненности перестройки и роста напряженности и конфликтности. Серьёзные испытания переносятся с трудом и при перенапря-

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность.... С. 578.

² Там же. С. 580.

³ Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 228.

жении сил возможна революция как откат в прошлое или как прыжок в будущее. Таким невыносимым испытанием и стала Первая мировая война – к этому всё более склоняются как российские, так и зарубежные учёные».¹

«Именно Первая мировая война расшатала власть, дисциплину и общественный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, удерживаемым до войны в определённых границах, а также дала возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях войны и агитировать в пользу революции».² России для выхода из зоны риска требовалось значительное время – хотя бы лет двадцать, как говорил П.А. Столыпин, социального покоя.³ «Но этому помешала война, нарушившая эволюционный путь развития. Тяготы войны, помноженные на безответственное поведение либеральных и революционных элит и ослабление государственной власти, оказались непереносимыми для общества. Страна погрузилась в революцию, проходившую в соответствии с классической моделью – кризис “старого режима”; установление власти “умеренных”; победа радикалов, создающих “царство террора и добродетели”; термидор, или контрреволюционный переворот, и послереволюционная диктатура».⁴ Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении конца... «Вследствие безответственного поведения либеральных и революционных элит страна на несколько лет погрузилась в хаос».⁵

Аналогично мнение А.И. Солженицына: «И всё же не сама по себе война определила революцию. Её определял

¹ Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 64, 142.

² Там же. С. 187.

³ Там же. С. 219.

⁴ Там же. С. 219-220.

⁵ См.: Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социс. – 2013, № 10. С. 38.

издавший страстный конфликт общества и власти, на который война наложилась. Всё назревание революции было не в военных, не в экономических затруднениях как таковых, но – в интеллигентском ожесточении многих десятилетий, никогда не пересиленном властью».¹ За русскую катастрофу 1917 года ответственны преимущественно либералы.

Русский провидец П.Н. Дурново в записке Николаю II в феврале 1914 года совершенно правильно предсказал логику развития русской революции: «Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам. Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием на Берлин. Неизбежны и военные неудачи, неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение. Начнётся с того, что все неудачи будут приписывать правительству. В законодательных учреждениях начнётся яростная кампания против него. В стране начнутся революционные выступления. Армия, лишившаяся наиболее надёжного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению».²

¹ *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией... С. 499.

² *Дурново П.Н.* Записка (Николаю II – чем грозит России вступление в мировую войну на стороне Англии) // *Просвещённый консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология.* – М.: Грифон, 2012. С. 332-356.

Свою борьбу за власть во время войны с монархией либералы прикрывали «патриотическими» утверждениями о том, что монархия ведёт страну к военной катастрофе не только из-за своей неспособности к эффективному управлению, но и порочного нежелания или нерешительности добиваться победы. Либералы распространяли клевету о всесиилии Распутина, об измене в высших сферах, о подготовке позорного сепаратного мира могущественной кликой прогерманских «тёмных сил» в окружении царя и царицы, об участии царицы – немки по происхождению в предательских происках прогерманских сил. Несостоятельность легенды о сепаратном мире убедительно доказана С.П. Мельгуновым в монографии «Легенда о сепаратном мире. Канун революции».¹ Отсюда следовал «патриотический» вывод о необходимости смены царя для победы в войне.

Дискредитация монархии либералами прокладывала путь успеху восстания и принятию страной падения монархии. Военный мятеж в Петрограде был в значительной мере обязан своим успехам колебаниям находившихся под влиянием антиправительственной агитации офицеров и их отсутствию в казармах в ответственный момент.² Либералы, чьим политическим чаяниям способствовали одно время временные неудачи русской армии в войне, начали терять почву под ногами. Если бы победа в войне, с помощью союзников, была достигнута в 1917 году, все надежды либералов на приход к власти потерпели бы поражение.³

В конце 1917 – начале 1918 годов лидер либеральной антимонархической оппозиции П.Н. Милюков писал одному из близких друзей: «Конечно, мы должны признать, что ответственность за совершающееся лежит на нас, то есть на

¹ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. – М.: Вече, 2006. – 616 с.

² Катков. Г.М. Февральская революция... С. 445, 306-307.

³ Там же. С. 444, 450.

блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твёрдое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намёки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянёт... пролетариев, но проклянёт и нас, вызвавших бурю. Что же делать теперь, спросите Вы... Не знаю, то есть внутри себя мы оба знаем, что спасение России – в возвращении к монархии... все события последних двух месяцев ясно доказали, что народ не способен был воспринять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие агитирующие за республику делают это из страха. Всё это ясно, но признать этого мы просто не можем. Признание есть крах всего дела всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем, не можем и соединиться с теми правыми, подчиниться тем правым, с которыми так долго и так успешно боролись».¹ Запоздалое признание Милюкова в собственной глупости и измене, не вошедшее в его широко известные мемуары.

Восстание и мятеж Петроградского гарнизона привели к почти бескровному падению монархии лишь потому, что либеральная интеллигенция решила воспользоваться ими, чтобы достичь своей цели прихода к власти.² Не только слабость царской власти, но и нетерпение и безответствен-

¹ Цит. по: *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской Империи, 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. – Челябинск: Социум, 2010. С. 582; *Галенин Б.Г.* Царская школа. Государь Николай II и Имперское русское образование. – М.: Культурно-просветительный русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2014. С. 330-332.

² *Катков. Г.М.* Февральская революция... С. 447.

ность образованного общества привели к конфликту власти, правительства с большинством интеллигенции. Большая часть интеллигенции утратила чувство национальной солидарности, руководствуясь в условиях мировой войны не национальными, а преимущественно партийными интересами¹, ставя цель – отнять власть у Императора. Либералы, видя слабость царского правительства, желая победы нации в войне, выдвигали «патриотический» вывод о необ-

¹ П.И. Новгородцев отмечал, что в среде либеральной русской интеллигенции «долго партийное чувство преобладало над национальным. Ведь так недалеко мы от того времени, когда ни одна из прогрессивных партий не решалась назвать себя русской национальной партией, когда такое наименование считалось предосудительным и постыдным. Я не говорю уже о партиях социалистических и интернационалистических, для которых национальное есть пережиток прошлого, и те партии, которые считали себя государственными и сверхклассовыми, ставили себе как раз в заслугу, что они не национальны, а сверхнациональны, что на равных правах они включают в свой состав представителей всех народностей, живущих в России, а потому и стоят выше национальных особенностей и разделений. Казалось единственно правильным и прогрессивным, чтобы в политических партиях люди соединялись отвлечёнными узами либерализма и гуманизма, началами равенства и свободы, принципами демократии и правового государства. И не приходило в голову, что, помимо таких отвлечённых принципов, все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и ещё одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно - преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своим это и есть именно высшая духовная связь. Она отнюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает её на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры. Это не угнетение, а приобщение к высшему единству, единству и общению не только формально-юридическому, но и духовному. Теперь нам кажется совершенно естественным и простым говорить о верховенстве и первенстве русского народа и русской культуры на русской земле и в русском государстве». – *Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Сочинения.* – М.: Раритет, 1995. С. 437-438.

ходимости смены царя для победы в войне.

Пожалуй, здесь можно только привести слова историка Русского зарубежья С.П. Мельгунова, который, хотя в 1917 году и был в лагере тех, кто считал, что сумеют без царя управлять Россией и привести её к победе, в эмиграции честно отказался от многих своих (навязанных интеллигентским обществом!) заблуждений: «Никакая стихия не может оправдать тех, кто в революционную бурю взялись вести государственный корабль... Глубокой исторической фальшью звучит в наше время концепция, утверждающая, что революция была сделана во имя войны... Для успеха войны нельзя было сменять власть. Переворот дезорганизовывал, а не организовывал победу».¹ Что касается антимонархических речей «некоторых думских ораторов о необходимости» в условиях войны «проводить реформы местного управления и всякие другие реформы нашей внутренней жизни», то они, с точки зрения академика М.М. Богословского, были «похожи на разговоры и соображения о перестройках и переделках в горящем доме, когда, прежде всего, надо заняться тушением пожара».²

Профессор А.Ф. Смирнов, автор фундаментального исследования о дореволюционной Государственной Думе, пришёл к выводу: «Конфронтация исторической власти и Государственной Думы закончилась гибелью обеих борющихся сил. Это главный её итог, не делающий чести участникам этой самоубийственной схватки на краю пропасти... Думская трибуна была использована сговорившимися авантюристами в целях дискредитации, изоляции Императора. Оппозиционная печать, находившаяся под контролем заговорщиков, подхватывала “разоблачения”. Велась настоящая информационная война против “исторической власти”, кото-

¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. – М.: Бородино-Е, 2003 (по изданию 1931 г.). С. 218-219.

² Бородин А.П. Пётр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус... С. 243.

рую Император прекратить оказался не в силах, и в результате проигрыша в этой войне оказался изолирован и свергнут с престола. Последствия были катастрофичны. Противники Императора, увлечённые разоблачениями “самовластья”, игнорировали то обстоятельство, что Император олицетворял единство русской державы, её целостность, её независимость и суверенность. Именно игнорирование общегосударственных, общенародных интересов было характерно для всей думской деятельности оппозиции, с 1915 года объединённой в Прогрессивный блок».¹

Выводы Б.Н. Миронова разделяет и профессор Н.А. Нарочницкая: «Почему же десятилетняя деятельность Государственной Думы Российской империи не смогла предотвратить Февральскую революцию и Октябрьский переворот? Да хотели ли это предотвратить депутаты и партии тех созывов Думы? Они-то, не только левые радикалы – большевики, меньшевики и эсеры, но и кадеты, либералы всех мастей хотели разрушать, а не созидать. В последние перед Первой мировой войны годы Россия развивалась семимильными шагами, и патриархальные устои просто взорвались, не выдержав столь бурного роста и ломки. По выплавке стали, железнодорожному строительству, книгопечатанию и количеству студентов на душу населения Россия догоняла уже Германию. Двадцать лет без войн и революций, как мечтал Столыпин, и Россия оторвалась бы от остального мира так, как сегодня оторвалась Америка.² Но бурная модернизация рвала социальную ткань, она лопалась от перенапряжения, и выпадавшее из своего мира консерва-

¹ Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи... С. 581-582.

² В результате несомненного разгрома Германии и её союзников Россия становилась к концу 1917 г., как и в период 1815-1856 гг., континентальным европейским и мировым гигантом и имела хорошие шансы стать сверхдержавой – гораздо более мощной, чем впоследствии Советский Союз. У истории нет сослагательного наклонения, зато есть многовариантность.

тивное крестьянство не находило новых социальных связей. Происходила массовая люмпенизация населения, а люмпен – легкая добыча для революционной пропаганды. Революционный взрыв в немалой мере был уготован слишком стремительными переменами... А трибуна прежним (только ли?) думцам нужна была для обострения общественных антагонизмов, а не для охраны государства, ценить его они научились лишь в эмиграции. Это их увещевал великий реформатор Столыпин: “Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!”. И это ему, израненному покушениями, кричали те, кто устраивал террор: “Палач!” – “Нет, я не палач, – оправдывался им в ответ беззаветно преданный Отечеству человек, – Я врач, я лечу больную Россию!”. Столыпин погиб от рук левых, но его одинаково ненавидели и те, кто держал наготове бомбу, и те, кто не хотел выпустить из рук розгу...».¹

Очевидно, и это важный урок Первой мировой войны, что в борьбе с сильным внешним врагом необходима сильная власть, национальная диктатура, которая в воюющей России могла быть установлена только вопреки национально незрелой либерально-радикальной интеллигенции. Ни какой либеральной оппозиции, ни каких либеральных средств массовой информации. Монолитное единство фронта и тыла. На такое царская власть не решилась.

Важнейший урок Первой мировой войны состоит в том, что для успеха войны с внешним врагом нельзя развязывать споры о государственном строе и сменять власть. Н.А. Нарочницкая справедливо отмечает: «Пожалуй, один из главных уроков Первой мировой состоит в одной очевидной, но горькой истине: нельзя в тылу Отечественной войны, войны с внешним врагом, развязывать споры об устройстве государства. Нация, которая способна отложить на

¹ Нарочницкая Н.А. Чтобы не повторять ошибок прошлого (Мифы Первой Мировой) // URL: <http://www.narochnitskaia.ru>.

время такие споры ради сохранения Отечества, побеждает и продолжает себя в истории, сохраняет возможность спорить дальше. Если же нация в переломный момент раскалывается, то это неизбежно приводит к обрушению государственности, огромным утратам и братоубийственным гражданским столкновениям. Задумаемся, ведь в начале Первой мировой А.И. Деникин и Г.К. Жуков, фигурально выражаясь, сражались в одном окопе. Какая дьявольская сила заставила их впоследствии обратить друг против друга оружие на радость недругам России?¹ ... Фанатики революции выступили в тот самый момент, когда Россия стояла в нескольких шагах от победы в войне! ... Итог нашей жертвы в Первой мировой войне учит нас, что внешние вызовы должны объединять нацию. Грешно и подло использовать трудности для внутривнутриполитических целей».² Всё это актуально для нас и сегодня.

Источники и использованная литература:

1. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – 640 с.
2. *Бородин А.П.* П.Н. Дурново: Портрет царского сановника // *Отечественная история*. – 2000, № 3. С. 48-69.
3. *Бородин А.П.* Пётр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. – М.: Алгоритм, 2013. – 448 с.
4. *Боханов А.Н.* От самодержавной к самодержавно-парламентской монархии // *Россия в начале XX века / Под ред. академика А.Н. Яковлева*. – М.: Новый Хронограф, 2002. С. 433-461.

¹ П. Васин: «... уже в 1917 г. или 1918 г. русские солдаты и офицеры, в том числе Брусилов, Деникин, Жуков, Василевский, Рокоссовский, Чапаев, Рыбалко, могли оказаться в Берлине, Вене, Будапеште, Софии и Кенигсберге. Как позировали бы перед фотоаппаратами и видеокамерами, как плясали бы под гармошку и Бранденбургских ворот... Впрочем, многие из них окажутся в перечисленных городах, но только через 30 лет. И идти туда они будут по тем же дорогам, что шли в 1914-1917 гг.». – *Васин П.* Уроки Первой мировой войны: безопасность государства // URL: <http://www.zavtra.ru>.

² Там же.

5. *Васин П.* Уроки Первой мировой войны: безопасность государства // URL: <http://www.zavtra.ru>.
6. *Галенин Б.Г.* Царская школа. Государь Николай II и Имперское русское образование. – М.: Культурно-просветительный русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2014. – 600 с.
7. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001 (репринт парижского издания 1939 г.). – 440 с.
8. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 808 с.
9. *Дурново П.Н.* Записка (Николаю II – чем грозит России вступление в мировую войну на стороне Англии) // Просвещённый консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология. – М.: Грифон, 2012. – С. 332-356.
10. *Катков Г.М.* Февральская революция / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2006. – 488 с.
11. *Кольев А.Н.* Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. – 800 с.
12. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. – М.: Русский путь, 1995. – 445 с.
13. *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. – М.: Вече, 2006. – 616 с.
14. *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. – М.: Вече, 2006. – 576 с.
15. *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. – М.: Бородино-Е, 2003 (по изданию 1931 г.). – 254 с.
16. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – М.: Новый хронограф, 2010. – 911 с.
17. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. – М.: Весь мир, 2012. – 848 с.
18. *Миронов Б.Н.* Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социс. – 2013. № 10. С. 29-40.
19. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 2-е изд., испр. – СПб.: Изд-во “Дмитрий Буланин”, 2000. Т. I.–II. – 548 с. + 368 с.
20. *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. – М.: Весь мир, 2014. – 336 с.
21. *Нарочницкая Н.А.* Чтобы не повторять ошибок прошлого (Мифы Первой Мировой) // URL: <http://www.narochnitskaia.ru>.
22. *Насибуллин Р.А.* Б.Н. Чичерин о классификации политических партий в конституционном государстве // Вестник Удмуртского уни-

- верситета. Экономика и право. – 2008. Вып. 2. С. 149-152.
23. *Насибуллин Р.А.* О причинах падения монархии и социально-политической ответственности российской интеллигенции за Февральскую революцию 1917 года // Интеллигенция и мир. НИИ интеллигентоведения при ИвГУ. – 2007. № 3. С. 17-34.
24. *Насибуллин Р.А.* Условия перехода России к конституционному государству в трудах русских дореволюционных государствоведов // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 7. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 284-300.
25. *Насибуллин Р.А.* Февральская революция 1917 г. в России в исследовании Г.М. Каткова // Февральская революция 1917 года в России: история и современность. Сборник научных статей по материалам регионального научного семинара (Екатеринбург, 2 марта 2007 г.). – Екатеринбург, 2007. С. 45-53.
26. *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь // *Новгородцев П.И.* Сочинения. – М.: Раритет, 1995. С. 424-442.
27. *Пайпс Р.* Струве: правый либерал, 1905-1944. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 2. – 680 с.
28. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914-1918: в 4 т. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв. ред. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2014. – 652 с.
29. Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7-8 сентября 2004 года / Под ред. В.П. Козлова. – М.: Наука, 2006. – 388 с.
30. *Смирнов А.Ф.* Государственная Дума Российской Империи, 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. – Челябинск: Социум, 2010. – 624 с.
31. *Смыкалин А.С.* Этапы конституционного строительства в дореволюционной России // Государство и право. – 2004. № 3. С. 79-84.
32. *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией (1980-1983) // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. – Ярославль: Верхняя Волга, 1995. Т. 1. С. 457-503.
33. *Солоневич И.* Великая фальшивка февраля. – М.: Изд-во “Алгоритм”, изд-во “БСК”, 2007. – 304 с.
34. *Солоневич И.Л.* Миф о Николае Втором // *Солоневич И.Л.* Великая фальшивка февраля. – М.: Изд-во “Алгоритм”, изд-во “БСК”, 2007. С. 271-301.
35. *Солоневич И.Л.* Парламент и собор // *Солоневич И.Л.* Великая фальшивка февраля. – М.: Изд-во “Алгоритм”, изд-во “БСК”, 2007. С. 257-270.

36. *Сорокин П.А.* Социология революции. – М.: Астрель, 2008. – 784 с.
37. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – СПб.: Российский Имперский Союз-Орденъ, 1992. – 680 с.
38. *Фомин С.В.* Джордавилльский отшельник // Архимандрит *Константин (Зайцев)*. Чудо русской истории. – М.: Форум, 2000. С. 3-29.
39. *Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. – М.: Изд-во “Москва”, 1998. – 432 с.
40. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1899. – 838 с.

Nasibullin R.A.

**World War I and February revolution of 1917 in Russia:
for success of war against the external enemy it is impossible
to untie disputes on a political system and to replace the power**

In this article, the reasons of February revolution of 1917, the concept of the Russian revolutions of the professor B.N. Mironov about difficulties of successful Russian modernization, lessons of World War I are analyzed.

Keywords: February revolution of 1917, its reason, successful Russian modernization, its difficulties, conflict of elite, information war, lessons of World War I.

Смыкалин А.С.

Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Урале

В данной статье, в связи с событиями Первой мировой войны, анализируются: количество иностранных военнопленных на Урале в 1914-1918 годах, нормативно-правовая база содержания военнопленных в России. Проводится анализ архивных материалов и обзор источников периодической печати этого периода времени. Рассматривается военный плен на Урале в годы Первой мировой войны и его влияние на судьбы тысяч иностранцев, находившихся в начале XX века на территории России. Исследуется процесс формирования Красной армии и формирования “белого” движения на Урале из числа иностранных военнопленных.

Ключевые слова: Первая мировая война, иностранные военнопленные на Урале, Гражданская война в России, судьбы бывших военнопленных.

Любая война предполагает наличие военнопленных. Установить их абсолютные цифры просто невозможно. Тем не менее, считается, что во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) их было около 8 млн. человек. Как установили исследователи, австро-венгерские пленные от общего числа потерь составили – 32%, пленные Италии – 26%, Франции – 12%, Великобритании – 7%.

Германская армия захватила в плен 2,5 млн. человек, русской армии удалось захватить 2,9 млн. военнопленных, французские и британские войска пленили 720 тыс. человек, армия США захватила 48 тыс. пленных.¹

Смыкалин Александр Сергеевич – заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета, профессор, доктор юридических наук, академик военно-исторических наук.

¹ Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) // URL:

Сухие цифры не передают те ужасные условия, в которые попали люди. Например, в России военнопленные страдали от голода, около 40% всех военнопленных, захваченных русской армией, погибли или остались без вести пропавшими. Что касается австро-венгерских военнопленных то 37,5 тыс. погибли в Сибири и на Урале от оспы и тифа.

Всего в годы Первой мировой войны на Урале находилось около 300 тыс. пленных. Это были люди имеющие гражданство Австро-Венгрии, Германии и Турции.¹ Военнопленные размещались в лагерях среди местного населения. Большинство из них работало на уральских заводах, в лесном и сельском хозяйстве. После окончания войны основная часть из них уехала на родину, но некоторые остались на Урале навсегда.

Тогда и появились первые воинские захоронения иностранных военнопленных на Урале. Это такие места, как Нижняя Салда (Свердловская область), Слободской (Кировская область). Имеют место, помимо братских захоронений и индивидуальные могилы военнопленных Первой мировой войны на гражданских кладбищах.

Первые партии пленных появились на Урале в 1914 году. Этот факт получил отражение в местной периодической печати. Газета «Уральская жизнь» информировала своих читателей, что 7 августа 1914 года через станцию Екатеринбург-1 в Вятку (Киров) проследовало 234 германских подданных, взятых в Прибалтийском крае в качестве военнопленных. В Оренбурге к концу августа 1914 года пребывало уже боле 3 тыс. пленных, а в Тюмени в здании Романовского училища к концу сентября 1914 года был оборудован госпиталь для лечения австрийских и германских во-

<http://forum.vgd.ru/post/316/9469/p576732.htm#pp576732>.

¹ Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург, 1998. С. 120.

еннопленных.

Прибытие военнопленных продолжалось и далее. 8 октября в 8 часов утра на станцию Екатеринбург-1, прибыл из Челябинска поезд с военнопленными, едущими в Вятскую губернию. Всего военнопленных 172 человека, из них 12 офицеров... подавляющее количество славяне: чехи, хорваты, босняки, словаки, поляки, сербы. Остальные австрийцы и венгры... На прокорм выдают чинам по 25 коп. в день.¹

Отправка в отдаленные районы Сибири, Урала и Дальнего Востока военнопленных неславянского происхождения видимо была связана с их неблагонадежностью. Австрийцы, немцы, венгры, по мнению царского правительства, представляли организованную взрывоопасную силу в случае восстания.

В архивах, на Урале сохранилось достаточное количество документов освещающих жизнь и деятельность этих людей, подданных иностранных государств в 1917–1920 гг. Специфика их труда и частной жизни в плену зависела от их гражданской квалификации, национальности, социального статуса. Естественно, жандармские управления следили за перемещением иностранных подданных на территории Уральского региона, составлялись рапорты, донесения, обобщенные высказывания иностранцев, их намерения, данные о подготовке к побегам, отношение к своему и российскому правительству. Сохранились и справки о причинах заболеваний, смерти и местах захоронения иностранцев.

Широко использовался и труд военнопленных. Принудительно на Урале, начиная с 1915 года, особенно в период гражданской войны работали военнопленные австрийцы, немцы, венгры, чехи, поляки, китайцы, корейцы, турки.

Подтверждением широкого использования труда военнопленных в горнозаводском округе может служить публикация в газете «Уральская жизнь» в октябре 1914 года, в

¹ Уральская жизнь. – 1914. № 225, 9 октября.

которой отмечалось: «Южно-Екатеринбургскому горному округу владельцами горных заводов заявлено требование на 500 чел. военнопленных для работ. Изъявили желание иметь пленных Ревдинские заводы – до 150 человек, Вознесенские рудники – 100 человек, Шайтанские заводы – 50 человек, остальные предприятия – по 20–25 человек.¹

Нормативно-правовую базу использования труда военнопленных Первой мировой войны представляли следующие российские документы: 7 октября 1914 года правительство утвердило «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств», после утверждения этого документа Советом министров был разработан и утвержден ещё ряд законопроектов, регламентирующих использование труда пленных: «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» от 10 октября 1914 г., «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 2 февраля 1915 г., «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915 г. Сходные по своему содержанию, эти документы значительно отличались лишь в части оплаты труда бывших вражеских военнослужащих. В правилах от 7 и 10 октября 1914 года ни о каком материальном вознаграждении пленным за их работу вообще не говорилось. Что касается пленных, занятых в частных промышленных предприятиях, – а для Урала это было особенно актуально, – то на них распространялась следующая норма закона: «Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно для работ за плату, размеры коей устанавливаются предприятиями соответственно существующим местным цензам для каждой категории работ. Не менее 1/3 из заработной платы плен-

¹ Уральская жизнь. – 1914. № 226, 10 октября.

ных отчисляется в особый фонд, на особо открываемые счета подлежащих министерств, в их депозиты по казначействам, причём суммам этого фонда предприятиями ведутся личные счета для каждого военнопленного. Из остающейся затем части заработной платы пленных покрываются все расходы предприятия, возлагаемые на него настоящими правилами. Из этой же последней части заработной платы предприятиям предоставляется выдавать военнопленным, обнаружившим усердие в работе, на улучшение довольствия денежный отпуск – не свыше, однако, 20 копеек за каждый рабочий день на человека. Отпуск этот, по внесении его в расчётную книжку каждого рабочего военнопленного может быть выдаваем пленным на руки». Аналогичным образом решался вопрос об оплате труда пленных, занятых на сельхозработах.¹

В мае 1915 года военнопленные в Екатеринбурге работали городском карьере, использовались на замощении Турчаниновой улицы и Сибирского проспекта, на фабрике братьев Злоказовых и фабрике братьев Макаровых...

Труд военнопленных занимал определенный процент в экономике Урала. Конечно, в первую очередь промышленные предприятия интересовали специалисты. Но, к сожалению, знакомых с премудростями горнозаводского дела было немного и поэтому подавляющее большинство использовалось как простые чернорабочие.

Имеются следующие цифры: к ноябрю 1917 года на уральских заводских предприятиях было занято 20 794 пленных (12,2% общей численности всех рабочих), в горных предприятиях – 10 569 (25,2%), в лесных – 20 297 (36,1%).

Следовательно, можно сделать вывод, что использование труда пленных иностранцев вошло в систему в снача-

¹ Суржикова Н.В. Военнопленные в экономике Среднего Урала (1914-1917) // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 151-152.

ла Первой мировой войны и до конца гражданской войны, а это в свою очередь давало возможность освободить определенную долю русских рабочих.

Гражданская война и иностранная военная интервенция поставили Россию, в экономическом отношении, на грань краха. Достаточно сказать, что интервенты и белогвардейцы занимали $\frac{3}{4}$ территории бывшей России с населением 82 млн. человек (общая численность населения России составляла в тот период 142 млн. человек).¹ Были потеряны жизненно важные районы, которые обеспечивали центр России хлебом, каменным углем, железной рудой, чугуном, сталью. Хозяйственная разруха, вызванная гражданской войной, поставила Россию на грань катастрофы. В эту братоубийственную войну были вовлечены и иностранные военнопленные, оказавшиеся в тот момент в России.

В период Гражданской войны их не только принуждали работать на заводах и фабриках Урала, но **ещё и служить в армии**. Так, на Урале появляются иностранные военнослужащие.

Поскольку в России шла гражданская война, и общество было расколото на «белых» и «красных», сторонников старой монархической власти и большевиков, захвативших государственную власть, в этот процесс были вовлечены и иностранные военнопленные. Часть из них добровольно шла служить в Красную Армию, увлеченная большевистскими лозунгами пролетарского интернационализма и приближающейся мировой социалистической революцией, а другая часть встала под знамена белого движения, ещё защищавшего основы монархического строя. Сложнейшая политическая обстановка в России, плохое знание русского языка и действительности нередко приводили их к ошибочному решению.

¹ Сырых В. М. История государства и права России. – М.: Эксмо, 2007. С. 69.

В гражданской войне, также как и в Первой мировой войне, принимали участие многие иностранцы, находившиеся в это время в России: австрийцы, венгры, чехи, немцы, китайцы, турки и др.

Формирование Красной Армии

Именно в период гражданской войны иностранцы, оказавшиеся в России, тоже были поставлены по разные стороны баррикад.

Большевистская пропаганда, общение с русскими рабочими рождали чувство пролетарской солидарности, способствовали революционализации иностранных военнопленных. Нередко на массовых собраниях, происходивших в первые дни после Октябрьской революции 1917 года, происходило братание пленных с русскими рабочими. Идеи «мировой революции» стали близки и иностранным военнопленным. Большевистское правительство, учитывая масштабность подобных явлений, в декабре 1917 года создаёт Центральный комитет военнопленных. Одновременно при Народном комиссариате по иностранным делам было организовано Бюро революционной пропаганды, которое ставило своей целью распространение идей социалистической революции, как среди военнопленных, так и среди солдат на фронте и в тылу противника. Одним из первых мероприятий Центрального комитета военнопленных было обращение к советскому правительству с просьбой разрешить сформировать из военнопленных свои воинские формирования для защиты российской социалистической революции. Таких красногвардейских отрядов из числа военнопленных в 1917–1918 гг. было создано несколько десятков, более чем в 400 пунктах советской России.¹

На Урале, в городе Верхотурье 26 февраля 1918 года состоялся массовый митинг военнопленных разных национальностей, участники которого выступили против брато-

¹ Борьба классов. – 1937. № 3. С. 58.

убийственной войны. На следующий день, такой же митинг, по инициативе местного Союза интернационалистов-военнопленных прошёл в Екатеринбурге. Пленные высказывали желание с оружием в руках защищать завоевания русской революции. 7-8 апреля 1918 года в Екатеринбурге состоялась областная конференция военнопленных социал-демократов Урала. На конференцию прибыло большое количество делегатов из: Екатеринбургa, Алапаевска, Кушвы, Нижнего Тагила, Ирбита, Верхотурья, Челябинска, Шадринска, Кунгура и других городов. Всего 37 делегатов, которые представляли 6 312 организованных военнопленных, а всего военнопленных на Урале (в 1918 г.) было более 21 тысячи.¹

Интересными являются резолюции принятые на этой конференции. Собрание единогласно приняло следующую резолюцию: «Мы, собравшиеся здесь интернационалисты-военнопленные, заявляем: Святое дело русской революции мы принимаем за своё собственное и готовы защищать её с оружием в руках... Победа русской революции есть победа грядущей мировой революции, поражение её – поражение всего международного пролетариата...». И эти заявления не были голословными. Достаточно сказать, что уже на 15 сентября 1918 года в рядах Красной Армии насчитывалось 130 тыс. бывших иностранных военнопленных. Непосредственно на фронтах гражданской войны в это время сражалось около 50 тыс. иностранцев-коммунистов и беспартийных. Большинство из них находилось на Восточном фронте. Проводилась большая политическая, пропагандистская работа. Издавались газеты на немецком, венгерском, чешском и других языках.²

Следовательно, говоря о национальном составе частей Красной Армии сражавшихся в 1918 году на Восточном

¹ Шакинко И.М. Об участии интернациональных отрядов в гражданской войне на Урале // Труды Свердловского областного краеведческого музея. – Свердловск, 1960. Вып. 1. С. 6.

² Шакинко И.М. Указ. соч. С. 8-9.

фронте можно отметить, что здесь воевали чехи, австрийцы, венгры, китайцы, поляки и представители многих других национальностей.

В подтверждение приведем подлинный документ.

«Протокол № 13 от 22 мая 1920 г. РКП(б)
Мадыарской и немецкой группы
г. Курган (8 часов вечера)

...заслушивается заявление т. Кальмана о назначении двух членов на Зап. фронт, “изъявили согласие добровольно вступить в ряды Красной армии т. Изингард Вильгельм и Петнер Михаил”.

В своем заявлении тов. Кальман говорит, что каждый член иностранной секции обязан вступить батальон особого назначения и цель этого батальона поддерживать внутри Советской республики (порядок) нарушающийся контрреволюцией...».¹

Наибольшая опасность состояла не в участии военнопленных в борьбе за установление советской власти в России, а в агитации, которая велась среди них с использованием газет и листовок на немецком, чешском, венгерском, польском и других национальных языках. Ленин прямо подчеркивал: «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что ба ц и л л ы б о л ь ш е в и з м а захватили эти страны целиком...».²

Подтверждением сказанному может служить ещё один архивный документ, а именно: «Заявление редактора венгерской газеты «Мировая революция». В нём отмечается: «В виду предстоящей отправки австро-венгерских и германских подданных, бывших военных и гражданских плен-

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 101.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. Т. 29. С. 141.

ных мировой войны на родину... на заседании Венгерской Секции по агитации и пропаганде, было решено вести, среди этих товарищей, уходящих на родину, агитацию в самом широком масштабе... необходимо издать брошюры для просвещения и приготовления к социальной революции на Западе возвращающихся военнопленных...».¹

Необходимо отметить, что Комиссия по созданию интернациональных групп Красной Армии образованная ещё в июне 1918 года по инициативе Бела Куна проделала большую пропагандистскую работу, если учесть что во второй половине 1918 года нарастал поток бывших военнопленных, возвращавшихся на Родину. За май–октябрь 1918 года выехало из советской России 150 тыс., а за ноябрь–декабрь ещё 60 тыс. бывших австро-венгерских военнопленных.

В марте–апреле 1919 года Реввоенсовет Республики упраздняет все органы, которые к этому времени занимались формированием интернациональных частей, и передает все дела в распоряжение единой организации – Управление по формированию интернациональной Красной Армии, которое находилось в Нижнем Новгороде.

Так же, как и в разлагающейся русской армии, процессы замены путём выборов своих командиров, коснулись и австро-венгерской армии и других полков противников. В немецких полках создавались солдатские комитеты. Многие из военнослужащих бывшей кайзеровской армии вступали в интернациональные части Красной Армии и боролись за освобождение Украины... Революционные настроения наблюдались и среди австро-венгерских войск.

Так, 4 ноября 1918 года балтский уездный староста доносил подольскому губернскому старосте: «В Балте среди австрийских войск полная анархия. Австрийские солдаты обезоруживают и арестовывают своих офицеров. Один убит, трое арестованы. В тюрьме снят австрийский караул

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 32.

и освобождено четверо арестованных австрийцев. К поддержанию порядка меры приняты».¹

Разные политические оценки существуют в исторической науке по поводу участия интернациональных воинских подразделений в 1918–1920 гг. в советской России. От умеренных до крайне революционно-левых. Но факт существования их не может отрицаться.

С освобождением новых территорий иностранцев стремились не привлекать в Красную Армию, а возможно быстрее переправлять или непосредственно на родину, или на территорию Украины.

Интересно то, что, несмотря на значительный временной период, участие в интернациональном движении иностранных граждан в годы революции и гражданской войны в России не было забыто. Коммунистическое правительство СССР наградило, в связи с 50-летием годовщины революции, в 1967 году группу из 46 граждан Австрии, Индии, Италии, Финляндии, Франции, Федеративной Республики Германии и Западного Берлина.²

Формирование «белого» движения

В 1914 году, в самом начале войны, австрийские консульства начали лихорадочно собирать своих «подданных» и призывать их к мобилизации. Но к этим призывам не прислушались десятки тысяч чехов и словаков, включая и австро-венгерских граждан, проживающих в России. А те, которые к тому времени уже стали гражданами (подданными) России, поступали в распоряжение российской армии.

Формирование регулярных частей иностранных армий имело свои трудности. Русские чиновники считали, говоря об иностранцах, при формировании чешского легиона, в частности, – они справедливо считали чехов подданными

¹ Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов. – М.: Воениздат, 1960. С. 111.

² Правда. – 1967, 29 октября.

австрийского императора и говорили: «...предали своего императора, предадут и нашего царя...».

Вместе с тем, необходимо отметить, что на территории России количество военнопленных других государств насчитывало около 300 тыс. человек. В Сибири чешский генерал Радола Гайда даже объявил мобилизацию среди чехословацких военнопленных, которых насчитывалось примерно 200 тыс.¹

За четыре года мировой войны русская армия взяла в плен около двух миллионов иностранных солдат (точнее 1 885 595 солдат и 77 146 офицеров). Это были люди разных национальностей: венгры, австрийцы, немцы, чехи, китайцы и др. Военнопленные в России были размещены в 410 специальных лагерях и работали на 1 957 промышленных предприятиях. Большое количество военнопленных находилось и работало на предприятиях (казенных и частных) Уральского региона.² Продолжающаяся мировая война, сложная политическая и экономическая обстановка, разжигаемая большевиками пропаганда мировой революции, заставляла иностранцев, плохо знающих русский язык, решать, как им теперь быть. Поэтому не надо забывать, что далеко не все иностранные военнопленные поддерживали коммунистическое правительство большевиков. Некоторые моменты «оборотной стороны медали» нам стали известны только в 90-е годы XX века, а большинство неизвестно и сейчас.

Но, начнем с далекого 1914 года, когда на Урал стали поступать первые военнопленные армий противника. Для этого вновь обратимся к статистике числа военнопленных в России. Понятно, что это задача не простая, в условиях боевых действий, постоянной миграции, болезней и смерти

¹ Из Чехии на край света... Каталог выставки. – Екатеринбург, 2009. С. 2-3.

² *Шакинко И.М.* Об участии интернациональных отрядов в гражданской войне на Урале. С. 3.

невозможно точно определить количество военнопленных в России в годы Первой мировой войны, Временного правительства, Октябрьского переворота и иные послевоенные годы. Поэтому цифры эти весьма не бесспорны. Тем не менее, известно, что к 1917 году на территории России находилось свыше 2 млн. военнопленных – почти 500 тыс. венгров, около 450 тыс. австрийцев, примерно 250 тыс. чехов и словаков, более 200 тыс. югославян (термин 1917 г. – *А.С.*), 190 тыс. немцев, а также турки, итальянцы, галицийские украинцы, поляки, болгары, представители других национальностей.¹

Естественно, встал вопрос о трудоустройстве военнопленных. По некоторым данным в экономике России в 1917 году занято пленных 1,5 млн. человек. Основная масса, за исключением офицерского состава привлекалась к принудительному труду на производстве. Достаточно сказать, что на некоторых заводах Урала пленные составляли от 1/3 до 1/2 работавших.

Правовой статус этой категории рабочих был определен постановлением Временного правительства, подготовил которое в марте 1917 года Центральный комитет по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста (РОКК). ЦК имел право «самостоятельного и окончательного решения всех вопросов общего характера, касающихся русских военнопленных, находящихся во вражеских странах, и неприятельских военнопленных, водворенных в России (с точки зрения установления взаимности)».²

О том, что Международный Красный Крест выполнял свои функции через различные посольства и консульства

¹ *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. – 2002. С. 143-149.

² *Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства.* – Петроград, 1917. Отд. 1. 1-е полугодие. С. 602.

находящиеся на территории России, может свидетельствовать следующий документ, обнаруженный авторами в Центре общественных организаций Свердловской области (бывшем Партийном архиве Свердловской области). Сохранилось несколько отпечатанных бланков следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся австрийские подданные удостоверяем, что с сего числа получили от Датского генерального Консульства в Москве суммы, проставленные против наших имен (пособия)».¹ Но не только материальная поддержка входила в деятельность ЦК по делам военнопленных, широко обсуждались требования военнопленных об уравнивании оплаты труда с местными трудящимися, жилищные условия (например, право проживать в городских квартирах), медицинское обслуживание, создание земств, землячеств по национальному принципу и др.

Реальным шагом властей по улучшению положения иностранных военнопленных в России можно считать постановление Временного правительства от 17 июня 1917 года о приёме «...в подданство России неприятельских военнопленных, состоящих в рядах Русской армии или добровольческих воинских частях». Следующим нормативным актом, изменившим правовой статус военнопленных был документ, принятый Временным правительством 30 июня 1917 года Военный министр утвердил «Правила», устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков.

Согласно им, указанным категориям пленных разрешался обмен письмами между лагерями и переписка с соответствующими национальными организациями; создание касс взаимопомощи и библиотек, совместное содержание родственников и т.п. Офицерам и лицам интеллигентных профессий предоставлялось право проживания на частных квартирах. Тогда же военнопленные славянского происхождения

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 8-12.

при условии их лояльности и взятии на поруки получили возможность вступать в брак с русскими гражданками.¹

Октябрьская социалистическая революция 1917 года или большевистский государственный переворот коснулся и сотен тысяч иностранных военнопленных. Он способствовал их политизации и теперь надо было выбирать по какую сторону баррикад становиться. Либо поддержать советскую власть, о необходимости которой постоянно пропагандировали большевики, либо влиться в ряды «белого движения» и выступить против советской власти. Вопрос был очень непростой, учитывая, что военнопленные стали экономической составляющей русского общества и многие даже обрели семьи в России, т.е. речь шла о фактической массовой натурализации.

Оценка событий тех далеких лет показывает, что разложение большевистской пропагандой имело определенный успех. Значительная часть военнопленных (в основном это были рабочие и крестьяне в своих странах) поддержали леворадикальный курс большевиков.

В заключение можно отметить, что судьба сотен тысяч иностранных военнопленных оказала большое влияние на формирование «русского социума» и многие из них навеки связали свою жизнь с далеким Уралом и Сибирью.

Источники и использованная литература:

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 800. Л. 8-12, 32, 101.
2. Борьба классов. – 1937. № 3.
3. Вопросы истории. – 2002. № 1.
4. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) // URL: <http://forum.vgd.ru/post/316/9469/p576732.htm#pp576732>.
5. Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов. – М.: Воениздат, 1960. – 159 с.
6. Из Чехии на край света... Каталог выставки. – Екатеринбург, 2009. – 20 с.

¹ Вопросы истории. – 2002. № 1. С. 146.

7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. Т. 29. – 782 с.
8. Правда. – 1967, 29 октября.
9. Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. – Петроград, 1917. Отд. 1. 1-е полугодие. – 557 с.
10. Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. – 2002. № 1. С. 143-149.
11. Суржикова Н.В. Военнопленные в экономике Среднего Урала (1914-1917) // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 5. С. 150-161.
12. Сырых В. М. История государства и права России. – М.: Эксмо, 2007. – 461 с.
13. Уральская жизнь. – 1914. № 225, 9 октября.
14. Уральская жизнь. – 1914. № 226, 10 октября.
15. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург, 1998. – 621 с.
16. Шакинко И.М. Об участии интернациональных отрядов в гражданской войне на Урале // Труды Свердловского областного краеведческого музея. – Свердловск, 1960. Вып. 1. С. 89-97.

Smykalin A.S.

Foreign prisoners of war of World War I in the Urals

In this article, in connection with events of the First world war, number of foreign prisoners of war in the Urals in 1914-1918, standard and legal base of the maintenance of prisoners of war in Russia are analyzed. The analysis of archival materials and the review of sources of periodicals of this period of time is carried out. Military captivity in the Urals in the years of World War I and its influence on destinies of thousands of foreigners who were in the beginning of the XX century in the territory of Russia is considered. Process of formation of Red army and formation of the "white" movement in the Urals from among foreign prisoners of war is investigated.

Keywords: World War I, foreign prisoners of war in the Urals, Civil war in Russia, destinies of the former prisoners of war.

Шамсумова Э.Ф.

Высшее образование в период Первой мировой войны и Великой Отечественной войны

В статье предпринята попытка анализа путей развития законодательства о высшем образовании в условиях военного времени, причём сопоставляются период Первой мировой войны (Российская империя) и Великой Отечественной войны (СССР).

Ключевые слова: образование, высшее образование, правовое регулирование высшего образования, Первая мировая война, Великая Отечественная война, реформы образования, акты Министерства народного просвещения, акты ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ВУЗы СССР, университеты.

В конце XIX – начале XX широкомасштабная индустриализация, изменения социально-политической жизни России потребовали рабочий класс нового поколения, специалистов другого более высокого уровня. Последнее вызвало безусловные преобразования и в сфере образования при прежних нормативных регуляторах («Свод уставов учёных учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения» 1893 года издания и по продолжению 1906, 1908, 1909 и 1910 гг.¹).

Рассмотрим развитие высшего образования в годы **Первой мировой войны**.

Один из исследователей Г.И. Ханин отмечает: колоссальное отставание России по высшему, как и общему образованию, накопившееся за века, преодолеть за короткий срок оказалось невозможным и царская Россия по числу специалистов с высшим образованием на душу насе-

Шамсумова Эмма Файсаловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

¹ Свод законов Российской Империи. – СПб., 1896. – Т. XI. Ч. I.

ния многократно отставало от развитых стран. И это в большой степени сказалось в её поражениях в ходе Первой мировой войны и в конечном крушении в 1917 году и царизма, и Временного правительства. Впрочем, и в ходе первой мировой войны российская экономика успешно решила сложные задачи развития многих отраслей оборонной промышленности, опираясь на свои собственные инженерно-технические и научные кадры.¹ Весьма противоречивое мнение, ибо возникновение возможности столь успешно решить поставленные войной задачи никак не связывается с предшествующей подготовкой кадров и научного потенциала. Так, другой исследователь Д.Л. Сапрыкин в своей монографии «Образовательный потенциал Российской империи» выделяет: система российского высшего образования по абсолютным показателям была сопоставима с системами других ведущих европейских стран. При этом российская система высшего образования развивалась значительно быстрее. Между 1906 и 1914 годами имел место беспрецедентный рост системы высшего образования. В итоге к началу Первой мировой войны российская система высшего образования сравнивалась с ведущими европейскими и в относительных масштабах (в отношении к численности населения). Количество студентов высших учебных заведений на каждые 10000 жителей на 1911-1914 гг. составило: Россия – 8, Великобритания – 8, Германия – 11, Франция – 12. В царствование Николая II система высшего образования в России развивалась исключительно быстро. Причем наиболее быстро развивался сектор специального естественно-научного и технического образования.²

¹ Ханин Г.И. Высшее образование и российское общество // Эко: Всероссийский экономический журнал. – 2008. № 8. С. 75-93; № 9. С. 121-133.

² Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. – М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 40.

Организация единой системы образования предполагала полную «координацию» общего и профессионального образования, через создание возможности переходов между общеобразовательными и профессиональными учебными заведениями одного уровня. Это произошло в процессе реформ 1915-1916 годов, проведенных П.Н. Игнатьевым при полнейшей поддержке Николая II. Так была создана единая стройная система национального образования включавшая: 1) 3–4-летний цикл начального образования, 2) 4-летний цикл послена начального образования (первые четыре класса гимназий, курс высших начальных училищ или соответствующих профессиональных учебных заведений, 3) 4-летний цикл полного среднего образования (последние классы гимназий или профессиональных средних учебных заведений), 4) высшие учебные заведения университетского или специального типа, 5) система образования для взрослых. К разработке проекта «новой школы» привлекли видных педагогов (например, П.Ф. Каптерева), учителей-практиков, членов IV-й Государственной думы. Невзирая на военное время, всего за полгода были подготовлены и изданы основные документы по реформе общего и профессионального образования. По замыслу авторов проекта средняя школа должна была состоять из двух ступеней – с трёхлетним и четырёхлетним сроками обучения. При этом для первой (базовой) ступени согласовывались курсы первых трёх классов гимназий, высших начальных училищ (в городах) и четырёхклассных народных школ (в сельской местности). Это означало, что окончивший первую ступень любой школы или училища мог без экзаменов продолжить заниматься в гимназии на второй ступени. В перечень дисциплин, преподаваемых на базовой ступени, входили закон Божий, русский язык, математика, история, география, естествоведение, гимнастика, танцы, ручной труд, пение и рисование. На второй ступени (четвёртый – седьмой классы гимназии) учитывались индивидуальные интересы учащихся: устанавливались три отделения – новогуманитарное, гуманитарно-

классическое и реальное. В каждом из них углублённо изучали соответствующие профилю предметы: на новогуманитарном – русский и иностранные языки, историю; на гуманитарно-классическом – древние языки; на реальном – физику, математику или естествоведение (последние два предмета по выбору). Но большинство дисциплин оставались общими для всех отделений, а потому учащемуся было бы нетрудно перейти на другое отделение, если у него изменятся интересы.¹

Значительным достижением в разработке реформы средней школы стала подготовка проектов программ по 16 предметам, они были опубликованы в обобщающем труде «Материалы по реформе средней школы» (1915 г.). Программы характеризовались рядом общих черт: углублением материала при исключении из него второстепенных знаний; учётом возрастных психологических особенностей учащихся; сближением изучаемого в школе материала с жизнью; предоставлением преподавателям инициативы в распределении учебного материала, его дополнении и конкретизации; постоянной связью преподавания с осуществлением воспитательных задач. Большое значение также имели выделение авторами «Материалов» общеобразовательного минимума (базового компонента по каждой дисциплине), сочетавшегося с принципом локализации в его дополнении и конкретизации; тщательная проработка ими содержания образования по годам обучения и ступеням по всем предметам; подготовка конкретных методик преподавания отдельных дисциплин.²

Таким образом, период Первой мировой войны не был лишён насущных проблем и в это время предпринима-

¹ История России и её ближайших соседей/ Сост. С.Т. Исмаилова. – М.: Аванта+, 1996. С. 693-695.

² Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX – XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. – 2006. № 3. С. 16.

лись серьёзные попытки к реформированию образования. В целом же во время царствования Николая II Россия прочно вошла в пятерку наиболее развитых стран в отношении уровня развития науки, научно-технического образования и «высокотехнологичных отраслей промышленности».

Рассмотрим развитие высшего образования в годы **Великой отечественной войны**.

В предвоенный период, когда страна нуждалась в рабочей силе и притоку граждан к производственному станку, советское правительство приняло Постановление от 26 октября 1940 г. № 638 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий». В преамбуле данного нормативно-правового акта указывались причины нововведений – это возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений. Предусматривалась ежегодная оплата в ВУЗах Москвы и Ленинграда 400 рублей в год, в иных административно-территориальных образованиях – 300 рублей, а в художественных, театральных и музыкальных – 500 рублей. Соответственно студентов, обучающихся на вечерних и заочных факультетах устанавливалась оплата за обучение 1/2 от стоимости дневных форм. По статистическим подсчетам этот размер составлял 9% от среднегодового дохода одного родителя, учитывая, что советские семьи по своему составу были многочисленны. Годовая плата примерно соответствовала средней месячной номинальной зарплате советских трудящихся того времени: в 1940 году она составила 338 рублей в месяц. Однако введение даже такой скромной суммы для многих советских граждан закрыло возможность продолжить образование после 7 класса. В результате проведенной реформы образования количество выпускников средних школ (8-10 классы), средних специальных учебных заведений и вузов

сократилось вдвое.

Накануне Великой Отечественной войны перед высшим образованием ставились стратегические задачи усовершенствования обороноспособности СССР. В феврале 1941 года на XVII-м съезде Всесоюзной конференции ВКП (б)¹ данные установки были оглашены. От высшей школы требовалось улучшения работы по подготовке кадров для устойчивого развития социалистической индустрии, а прежде всего тех отраслей, от которых зависела военная мощь государства.² Таким образом, можно сказать, что к началу Великой Отечественной войны советская высшая школа сложилась в качестве достаточно мощной и эффективной системы подготовки кадров для народного хозяйства.

Норма приема в ВУЗы в 1941 году была сокращена на 41% по сравнению с мирным временем. Для стабилизации студенческого контингента проводилась работа по привлечению в вузы девушек. Сроки обучения были сокращены до 3-3,5 лет. Основная масса студентов сочетала учёбу с работой.

Интенсивное наступление германских войск, временная потеря части советской территории с крупными столичными, промышленными и культурными центрами, прифронтовые условия жизни многих вузовских городов потребовали эвакуации из западных республик и областей сотен высших учебных заведений на восток страны. При этом эвакуировались профессора, преподаватели, студенты, вывозились научное и учебное оборудование, вузовские библиотеки.³ Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и СНК СССР поставили перед высшей

¹ ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. Ч. 2. С. 479-493.

² *Сиверцева Н.Л.* Великая Отечественная война и высшая школа // Социологические исследования. – 1995. № 5. С. 37.

³ Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа, 1980. С. 21.

школой задачу сохранить вузы и не прекращать подготовку специалистов для фронта и тыла. 27 июня 1941 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».¹ В результате эвакуации удалось в основном сохранить сложившиеся до войны коллективы профессорско-преподавательского состава и студентов, а также, хотя и частично, материальную базу многих университетов и институтов. Всего же за период эвакуации было вывезено полностью или частично 250 высших учебных заведений.²

В тяжелой обстановке военного времени Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР (ВКВШ) принял меры по укрупнению сохранившихся ВУЗов. Так, к декабрю 1941 года 110 ВУЗов были объединены и 55 высших учебных заведений закрыты ввиду малочисленности студентов. По данным на март 1942 года, в стране насчитывалось 196 временно закрытых и 87 объединенных ВУЗов.³

Одним из первых шагов перевода высшей школы на военные рельсы явилось введение ВКВШ новых учебных планов, сокращавших сроки обучения в вузах с 5 до 3,5 лет и с 4 до 3 лет.⁴

Однако, учитывая недостатки сокращенных учебных планов, 18 июня 1942 года СНК СССР постановил перевести вузы страны с начала 1942/43 учебного года на подготовку кадров с высшим образованием по нормативным учеб-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6-ти тт. – М.: Воениздат, 1961. Т. 2. С. 143.

² Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. С. 58.

³ Круглянский М.Р. Высшая школа и подготовка специалистов для фронта и тыла // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1970. С. 83.

⁴ Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. С. 69; Круглянский М.Р. Указ. соч. С. 76.

ным планам довоенного времени.¹

5 мая 1942 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О плане приема в ВУЗы в 1942 году и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений».² В соответствии с постановлением в значительной мере был облегчен порядок поступления в ВУЗы, освобождались от призыва в армию студенты выпускных курсов всех ВУЗов. Оно запрещало наркоматам, Совнаркомам союзных и автономных республик и местным Советам отбирать учебные здания, общежития, инвентарь и оборудование вузов, а также мобилизовывать студентов и преподавателей в Красную Армию и на различные работы без разрешения СНК СССР, кроме случаев, разрешенных Указами Президиума Верховного Совета СССР. Предприятиям и учреждениям разрешалось принимать на работу студентов с сокращенным рабочим днем. Постановление способствовало также повышению материального уровня студентов и улучшению условий работы профессорско-преподавательского состава. Правительство устанавливало план приема студентов на 1942/1943 учебный год в количестве 96125 человек. На 1 октября 1942 года в ВУЗы приняли 109 тыс. человек, т. е. план был перевыполнен на 113,4%. На этом этапе большую роль сыграли мероприятия правительства по освобождению от приемных испытаний лиц, которые окончили средние школы в 1940 и 1941 гг. с отметками «отлично» и «хорошо».³

Потребности военного времени вызывали необходимость создания государственной организации по ведению

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 2. С. 543.

² Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. М.И. Мовшович; под ред. А.М. Ходжаева. – М.: Сов. наука, 1945. С. 45, 550-551, 560.

³ Лутченко А.И. Подготовка инженерно-технических кадров в 1941-1945 гг. // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. – Москва: Наука, 1976. С. 95.

лекционной пропаганды. В 1943 году в составе ВКВШ при СНК СССР было образовано лекционное бюро, а в 1944 году аналогичные бюро создавались при комитетах и отделах культурно-просветительной работы во всех республиках, краях и областях. На них была возложена организация лекций о международном положении, текущих военно-политических событиях, по историческим, военно-патриотическим и другим вопросам.¹ 2 декабря 1944 года ЦК ВЛКСМ принял постановление «О мерах по улучшению работы комсомольских организаций высших учебных заведений». В нём отмечалась необходимость усилить идейно-политическую работу комсомольских организаций ВУЗов среди студентов, воспитывать молодежь в духе беспредельной преданности Родине, Коммунистической партии, рекомендовалось шире вовлекать студентов в научные кружки, развертывать военно-физкультурную работу.²

С 1943 года началось восстановление системы высшего образования и к 1945 году количество ВУЗов и численность студентов приблизилось к довоенному уровню.

Восстановление высших учебных заведений на освобожденной от немецко-фашистских захватчиков территории разворачивалось на основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 года.³

Центральной проблемой в деятельности ВУЗов стало повышение требований к качеству подготовки специалистов. Уже в 1942 году отменялось предоставленное распоряжением СНК РСФСР от 3 ноября 1941 года директорам про-

¹ Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. С. 200.

² Круглянский М.Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 75.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 7: 1938-1945. Изд. 9-е, доп. и испр. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 427-465.

фессиональных учебных заведений, расположенных в прифронтовой полосе, право выдавать дипломы об окончании без защиты дипломного проекта или сдачи государственных экзаменов.¹

С 1944 года вводились конкурсные экзамены, для подготовки к которым при ВУЗах открывались подготовительные отделения и курсы. Отменялось свободное посещение учебных занятий. СНК СССР принял ряд постановлений, повлиявших на строительство советской высшей школы и в послевоенный период. К ним относится постановление «О мероприятиях по укреплению системы заочного педагогического образования» (декабрь 1943 г.).

Во время войны ЦК ВКП(б) провёл консультации с правительствами союзных республик и решил отменить плату за обучение по национальному признаку, что привело к принятию ряда постановлений Совнаркома СССР по этому поводу. С 1942 по 1943 гг. от оплаты за образовательные услуги освободились студенты: Киргизской ССР, Таджикской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Азербайджанской ССР, Туркменской ССР и Кабардино-Балкарского педагогического института. Наряду с национальной политикой в области увеличения образованного населения в кавказских республиках, существовала стратегическая необходимость выпуска высококвалифицированных специалистов военных институтов и социального обеспечения служащих армии. Данные отношения были урегулированы следующими актами: Постановление Совнаркома СССР от 11 января 1941 г. № 70 «О сохранении бесплатности обучения и прежнего порядка назначения стипендии учащимся Московской аэросъёмочной школы», Постановление Совнаркома СССР от 2 июля 1941 года № 1803 «Об освобождении от платы за обучение де-

¹ Приказ ВКВШ от 17 ноября 1941 г., Инструктивное письмо ВКВШ от 18 ноября 1941 г.; Разъяснение ВКВШ от 7 февраля 1942 г. // Высшая школа. С. 198-200.

тей рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского флота». Окончательно высшее образование стало общедоступным и бесплатным 6 июня 1956 года с принятием Постановления Совета Министров СССР «Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР».

Таким образом, несмотря на тяжелейшие условия войны, руководство как царской России, так и СССР, понимая объективную необходимость дальнейшего развития образовательной сферы, её научную и практическую значимость, интенсивно занималось правовым урегулированием данного направления.

Источники и использованная литература:

1. ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. – Ч. 2. – 834 с.
2. Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. М.И. Мовшович; под ред. А.М. Ходжаева. – М.: Сов. наука, 1945. – 410 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 7: 1938-1945. Изд. 9-е, доп. и испр. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. – 574 с.
4. Свод законов Российской Империи. – СПб., 1896. – Т. XI. Ч. I.
5. *Богуславский М.В.* Реформы российского образования XIX – XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. – 2006. № 3. С. 5-21.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6-ти тт. – М.: Воениздат, 1961. – Т. 2. – 682 с.
7. История России и её ближайших соседей/ Сост. С.Т. Исмаилова. – М.: Аванта+, 1996. – 670 с.
8. *Круглянский М.Р.* Высшая школа и подготовка специалистов для фронта и тыла // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1970. С. 77-89.
9. *Лутченко А.И.* Подготовка инженерно-технических кадров в 1941-1945 гг. // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. – Москва: Наука, 1976. С. 81-97.
10. *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. – М.: ИИЕТ РАН, 2009. – 176 с.
11. *Сиверцева Н.Л.* Великая Отечественная война и высшая школа // Социологические исследования. – 1995. № 5. С. 35-44.

12. Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа, 1980. – 232 с.
13. Ханин Г.И. Высшее образование и российское общество // Эко: Всероссийский экономический журнал. – 2008. № 8. С. 75-93; № 9. С. 121-133.

Shamsumova E.F.

**The higher education during World War I
and Great Patriotic War**

In this article, an attempt of the analysis of ways of development of the legislation on the higher education in wartime conditions is made, and this development in the periods of World War I (Russian Empire) and Great Patriotic war (USSR) are compared.

Keywords: education, the higher education, legal regulation of the higher education, World War I, Great Patriotic War, education reforms, acts of the Ministry of national education, acts of All-Union Communist Party (bolsheviks) of the Central Committee and SNK USSR, higher education institutions of USSR, universities.

**К 110-летию участника Великой
Отечественной войны, профессора,
заведующего кафедрой истории
государства и права
Свердловского юридического института
Бориса Фёдоровича Ливчака**

Ливчак Б. Ф.

**О политической роли масонов
во Второй русской революции¹**

«Роль масонов в февральском движении по свержению самодержавия ещё подлежит всестороннему исследованию». ² Это замечание активного участника революции, близкого сотрудника В.И. Ленина, знатока сектантских движений в предреволюционной России – Д. В. Бонч-Бруевича в своё время не привлекло внимания; историков. В советской историографии Февральской революции масоны до последнего времени не получали не только рассмотрения, но и упоминания.

Бонч-Бруевич узнал о влиятельности масонов и их возможной роли в грядущей революции ещё в 1899 году от П.А. Кропоткина. Впоследствии он лично убедился в причастности масонов к противоправительственному движению. «Оппозиционная деятельность русских либералов имела непосредственную связь с масонами, через них прони-

Ливчак Борис Фёдорович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой истории государства и права Свердловского юридического института (1963-1971).

¹ Опубликовано в кн.: Свердловский юридический институт. Межвуз. сборник научных трудов. Вып. 56. – Свердловск, 1977. С. 135-141.

² *Бонч-Бруевич Д.В.* Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. – 1930. № 4. С. 182-183.

кала всюду и везде, в самые потаенные места самодержавного механизма... Мне доподлинно теперь известно, – писал он в 1930 г., – что такие общественные деятели, как М.М. Ковалевский... Струве и целый ряд трудовиков, и лиц, принадлежавших к конституционно-демократической (к-д) и народно-демократической партии, а также принадлежавших к так называемой народно-социалистической партии – действительно принадлежали к масонским разветвлениям различных их групп, лож, братств и орденов... они даже принимали деятельное участие в февральском движении».¹

Тема «Роль масонов в Февральской революции» оставалась в руках белоэмигрантских публицистов и историков. Наиболее; обобщенно она дана С.Н. Мельгуновым в книге «На путях к дворцовому перевороту» (Париж, 1931), где ей отведена глава «Масоны». Мельгунов и ранее занимался масонами: под его редакцией вышли в 1914–1915 гг. два тома «Масонство в его прошлом и настоящем». По Мельгунову, русское масонство, пережившее свой расцвет в последней трети XVIII века и двух первых десятилетиях XIX века, возродилось в девятисотых годах. Масонские ложи были тогда нелегальными и действовали в условиях строгой конспирации. Но догадка о том, что полиции стала известна тайна их организации, понудила «братьев-каменщиков» в 1911 году «уснуть». Тем не менее, масоны проникли во многие сферы и оказывали заметное влияние на общественное мнение. В 1915 году масонство активизировалось, но теперь оно ставило перед собой не характерную для своих предшественников политическую цель – преодоление межпартийных разногласий и объединение «левой» общественности, представителей оппозиционных самодержавию течений. Руководителями движения Мельгунов считает Н.В. Некрасова (депутата Государственной думы, члена ЦК ка-

¹ Бонч-Бруевич Д.В. Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине. С. 182-183.

детской партии), М.И. Терещенко (миллионера-сахарозаводчика) и Л.Ф. Керенского. К осени 1916 года в масонском руководстве оказались (в дополнение к названным) прогрессисты И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов. Квартира Коновалова сделалась центром всех оппозиционных совещаний – отсюда, по словам Мельгунова, идет «штурм власти», здесь закладывается мост между кадетами и левее стоящими группировками. В подготовке так и не состоявшегося дворцового переворота масоны оказались связующим звеном разных заговорщических групп. Такова вкратце версия о русских масонах 1915–1917 гг., предложенная Мельгуновым более 45 лет тому назад. Она резюмируется словами автора: «Масонство оказалось большой революционной силой», Мельгунов базирует свои выводы на очень скурых мемуарах по этой теме, а главным образом – на собственных наблюдениях, личном общении с деятелями, так или иначе связанными с масонством. Отсутствие более объективных источников лишает его версию надежной достоверности, чему соответствует и тон повествования, в общем, не очень категоричный.

Сюжет «Масоны во второй русской революции» не раз появлялся в зарубежной буржуазной литературе и вновь, был поставлен, можно сказать, во главу угла (в связи с пятидесятилетием Февральской революции) историком из второго поколения белоэмигрантов Г. Катковым в книге «Россия 1917 г. Февральская революция» (Нью-Йорк, 1967). Отвергая принятое в буржуазной историографии мнение о стихийности Февральской революции, Катков утверждает, что она имела тщательно законспирированные «две пружины»: германский генеральный штаб, якобы финансировавший стачечное движение в России в целях подрыва её военной мощи, и масонскую организацию, сплотившую оппозиционную режиму общественность. Лживая легенда о «немецких деньгах» извлечена из арсенала антибольшевистской травли 1917 года, а версию о масонах Катков принял от Мельгунова, придав ей более категоричный тон. «Нигде, –

пишет он, — влияние масонского движения не имело такого важного значения, как в подготовке заговора с целью положить конец режиму Николая II». ¹ Нельзя сказать, что Катков обогатил масонскую версию доказательствами. Как и его предшественник, он ссылается на масонскую конспирацию, заблокировавшую доступ к «уликам». Самым значительным из того, что ему удалось раздобыть, он обязан Е.Д. Кусковой, признавшей на склоне лет свою, Керенского и других принадлежность к «всесильной» и «вездесущей» организации масонов России 1915-1917 гг. (в письмах 1955-1957 гг.), а также «Воспоминаниям» П.Н. Милюкова, содержащим намеки на масонов в составе Временного правительства. ²

В советской исторической литературе вопрос о роли масонов в Февральской революции впервые был поставлен лишь в 1974 году Н.Н. Яковлевым в научно-популярном очерке из истории России периода первой мировой войны и Февральской революции «1 августа 1914» ³, где масонам отведено едва ли не главное место. Яковлев не только воспроизводит версию о значительной роли масонов в годы, предшествовавшие революции, и во время её, но распространяет воздействие масонов на больший круг событий с

¹ Цит. по кн.: *Иоффе Г.З.* Февральская революция в англо-американской буржуазной историографии. — М.: Наука, 1970. С. 133.

² Вот эти намеки: «Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым — и... Терещенко и Коноваловым... они связаны какой-то личной близостью не только политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырёх. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднего периода существования Временного правительства». — *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2. С. 333, 311-312.

³ *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. — М.: Молодая гвардия, 1974.

той, по сравнению с эмигрантскими историками, существенной разницей, что расценивает их роль как контрреволюционную от начала до конца. По Яковлеву, возобновившееся в 1915 году масонское движение стремилось «охватить высшую структуру Российской империи, особенно двор, бюрократию и армию» с конечной целью – овладеть государственной машиной, не допустить приближающуюся революцию, «а если она вспыхнет, потопить её в крови». Методы работы масонов – постепенное замещение царской бюрократии своими людьми на ключевых постах сначала в военной экономике через “добровольные организации” Союзы земств и городов – сулили планомерный переход власти в руки буржуазии». Для устранения царской администрации необходимо было её дискредитировать, и война с её стратегическими неудачами и растущей хозяйственной разрухой давала для этого более чем достаточный материал. «Патриотическое» пораженчество буржуазной оппозиции с её девизом «чем хуже, тем лучше» не останавливалось, как утверждает Яковлев (впрочем, не затрудняя себя доказательствами), перед саботажем и национальным предательством. Так, снарядный голод весны и лета 1915 года, как и нехватка винтовок и патронов, были созданы намеренно. Артиллерийское управление, ведавшее этими видами снабжения, возглавлял генерал А.А. Маниковский, а «имя генерала А.А. Маниковского всегда открывало список военных, входивших в масонскую организацию». Нехватка обуви и продовольствия для солдат явились следствием нараставшего хаоса, «создаваемого в определённой степени умышленно соперниками царизма в правящих кругах». Выдвижение ничтожества, каким был Николай II, на первую линию огня критики – на пост верховного главнокомандующего – было необходимо для компрометации власти, и эта ловушка была расставлена буржуазной оппозицией. Во всех этих и других антидинастических акциях Яковлев видит не очень-то определенное авторство «буржуазии», но он даёт ясно понять, что направляли эту многосложную политическую ин-

тригу масоны, они были «той закулисной дирижерской палочкой, которая, пыталась управлять событиями».

Действия народных масс опередили дворцовый переворот, и масоны повели дело «к упорядоченному в их понимании переходу власти в руки буржуазии, в форме только военной диктатуры». Кандидатом в диктаторы выдвигался «их» генерал Маниковский. Однако военная диктатура оказалась пока невозможной, соотношение сил привело к двоевластию Временного правительства и Советов. И вот, в состав Временного правительства внедрилось всё руководство масонов: А.И. Коновалов – министр торговли и промышленности, Н.В. Некрасов – министр путей сообщения, И. Терещенко – министр финансов, А.Ф. Керенский – министр юстиции. Формирование Временного правительства «нельзя иначе объяснить, как возможным предначертанием этой организации». Но и у руководства Петроградского Совета оказались также масоны: его председатель Н.С. Чхеидзе и оба заместителя А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев, как уверяет Яковлев, были членами той же масонской ложи. «Нет сомнения, что только они (масоны – *Б.Л.*) в правящей верхушке России выступали сплоченной ячейкой, имея достаточно-проработанный замысел».

«Верность масонской ложе в глазах посвященных была неизмеримо выше партийной дисциплины любой партии, – пишет Яковлев. – Отсюда – неожиданная согласованность действий ряда высших представителей буржуазии, принадлежавших к различным партиям». Свой тезис о тайной масонской режиссуре, о сговоре «посвященных» вопреки дисциплине партий Яковлев спешит подкрепить будто бы созвучным высказыванием В.И. Ленина: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, “разыграна” точно после десятка главных и второстепенных репетиций; “актеры” знали друг друга, свои

роли, свои места, свою обстановку...».¹ Но если цитированные строки прочесть в контексте, то В.И. Ленин имел в виду здесь, пожалуй, нечто противоположное *закулисной* режиссуре, *тайному* сговору и единству *вопреки* дисциплине партий. Как говорится в тех же «письмах издалека», Февральская революция была так «разыграна» именно потому, что первая русская революция (1905) «показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их *действительной* (курсив наш. – Б.Л.) природе, в *действительном* (курсив наш. – Б.Л.) соотношении ... их ближайших и дальнейших целей».² Яковлев именует масонскую ложу «сверхорганизацией», «сверхпартией». Но что значит «сверхпартия»? Масонская ложа, как её рисует Яковлев, не была даже блоком партий, ибо она включала только персоны вождей, конспирировавших от своих центральных партийных комитетов (Милюков десятилетиями не знал, что его коллега по ЦК кадетской партии Некрасов – масон). Действия лидеров в отрыве и втайне от руководящих органов своих партий, от аппарата и партийной массы неизбежно становятся действиями одиночек, лишенных сил возглавляемых ими организаций. Вряд ли такие тайные сговоры могли существенно влиять на ход событий. В этом вопросе Мельгунов более реалистичен. «Масонская форма в российской обстановке не могла содействовать серьезно политическому объединению, – писал он. – Партийные переговоры были сильнее братской солидарности».³

Какие же доказательства бытия и влияния масонов приводит Яковлев? Он повторяет доводы Мельгунова, например, его ссылку на найденную после Октября в бумагах Гучкова «Диспозицию № 1» – что-то вроде устава масон-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31. С. 12.

² Там же.

³ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. – Париж: Родник, 1931. С. 187.

ской (по предположению!) организации, ссылается на совсем не убедительные показания высших чинов полиции в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, домысливая при этом за бывшего директора департамента полиции С.П. Белецкого то, что тот сказал бы о масонах, если бы председатель, боясь разоблачения масонов министров Временного правительства, не перевел вопрос на другую тему (см. стенограмму допроса Белецкого).¹ А.А. Блок (он участвовал в работе следственной комиссии) был на этом допросе и редактировал его стенограмму, в тот же день он записал в свой дневник: «По убеждению Белецкого, никаких политических масонов не было, за масонов сходили оккультисты».² Белецкий «за словоохотливость» по предписанию Керенского был наказан карцером, сообщает Яковлев. Но мог ли Керенский распорядиться о наказании Белецкого, если за неделю до того оставил пост министра юстиции? Повторены Яковлевым и доказательства Каткова, заимствованные из «Воспоминаний» Милюкова и писем Кусковой. Как и его предшественники, Яковлев ссылается на конспиративность масонов, оставивших свою историю, можно сказать, «бесследной». Всё это дало основание советскому историку Е.Д. Черминскому резко заметить, что книга Каткова «послужила источником сенсационных “открытий” Н. Яковлева», что он «почти дословно позаимствовал у него и версию о “масонском заговоре”, и объяснение, почему она не подтверждается достоверными источниками».³

Однако было бы несправедливо: сказать, что Яковлев не ввел в оборот новых источников по истории масонства в России периода 1915–1917 гг. Напротив, он приоб-

¹ Падение царского режима. – Л.: Гос. издат., 1925. Т. 3. С. 332–334.

² Блок А.А. Записные книжки. – М.: Худ. лит., 1965. С. 328.

³ Черминский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М.: Мысль, 1977. С. 9.

шил самый, по-видимому, содержательный, весьма интересный *некий* документ, исходящий от наиболее активного в прошлом деятеля масонства – секретаря верховного совета масонов России Н.В. Некрасова. Нарушив клятву (!), этот многолетний лидер масонов, оказывается, изложил историю возникновения, организационные формы и принципы конспирации, политические цели, персональный состав руководства и численность масонов, их влияние на ход революции и деятельность Временного правительства. Но, к досаде читателя, отношение к этому источнику, оценка «рассуждений Некрасова в тридцатые годы» (а по тому, как Некрасов сопоставляет тогдашнее масонство в России с «народным фронтом», можно уточнить, что «рассуждения» относятся ко второй половине тридцатых годов) затрудняется отсутствием каких-либо указаний на происхождение и характер пространно цитируемого текста. Можно догадываться, что документ – рукопись, поскольку в цитате из него опущено слово, как неясно написанное. Ссылаясь на другой подобный документ, Яковлев не сообщает даже имени его автора (С. 233). В неведении о природе источника остаемся мы и при знакомстве с «указаниями» бывшего масона, члена IV Государственной думы, а при Временном правительстве – комиссара Одессы Л.А. Велихова. Литературный жанр, избранный Яковлевым, – научно-популярный очерк – вовсе не освобождает автора от минимума источниковедческих пояснений, особенно по решающим документам, впервые вводимым в оборот.

Версия о масонах в Февральской революции в её новейшей вариации у Яковлева содержит много произвольно, предположительного, но выдаваемого за действительное, преувеличенного, порою недоказанного и весьма спорного. Примером этого может служить снарядный голод 1915 года и подобные ему явления, злонамеренную подстроенность которых Яковлев инкриминирует масонам без каких-либо доказательств.

И все же после книги Яковлева историки Февральской революции вряд ли могут обходить молчанием существование масонской организации и её роль в событиях того времени. Выявление и приобщение хотя и не прокомментированных пока должным образом новых источников, таких, как «рассуждения» Некрасова и «указания» Велихова, создают стимул к более углубленному изучению русских масонов 1916-1917 гг. Всё это возвращает нас к рекомендации Д. В. Бонч-Бруевича о необходимости всестороннего исследования роли масонов в февральском движении.

Но какой бы ни предстала перед нами подлинная история масонов России 1915-1917 гг., она, конечно, не поколеблет основополагающих тезисов советской историографии Февральской революции, выявленных ею закономерностей, движущих сил, роли народных масс, классов и партий, ибо более чем полувековое изучение этих проблем опирается на марксистско-ленинскую методологию, вобрало в себя богатство архивов, центральных и местных, критически обобщило литературу – от мемуаров до монографий. Речь может идти о частностях, деталях, но и они представляют интерес, заслуживают внимания историков-государствоведов и историков политической мысли.

Источники и использованная литература:

1. Блок А.А. Записные книжки. – М.: Худ. лит., 1965. – 663 с.
2. Бонч-Бруевич Д.В. Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. 1930. – № 4. С. 182-183.
3. Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. – М.: Наука, 1970. – 264 с.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 31.
5. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. – Париж: Родник, 1931. – 231 с.
6. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2. – 397 с.
7. Падение царского режима. – Л.: Гос. издат., 1925. Т. 3. – IV, 506 с.
8. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М.: Мысль, 1977. – 319 с.
9. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 238 с.

Масоны, КГБ и ЦК КПСС

Я выставил на сайт <http://livchak.narod.ru/Yakovlev.doc> статью своего отца, Бориса Ливчака «О политической роли масонов во второй русской революции». В ней он некоторым образом тягается с ЦК КПСС. Дело было так. В 1974 году вышла книга Николая Яковлева «1 августа 1914», написанная явно в пику солженицынскому «Августу 14-го». В ней Яковлев, знаменитый борец с диссидентами советских времён, «доказывает», что свержение царизма в России – это результат масонского заговора. Дескать, развал экономики и поражения на фронте были инспирированы заговорщиками.

Отец написал рецензию на книгу Н. Яковлева. В ней он, в частности, отмечал, что в этой книге вводятся в оборот сенсационные материалы: русские масоны, обычно строго соблюдающие обет молчание, вдруг заговорили.

Но самое поразительное не это. Автор книги, отнюдь не новичок в исторической науке, публикует новые, неизвестные науке документы ... без ссылки на источник! Что же это за таинственные документы, откуда они появились?

Отец косвенными методами устанавливает, что это рукописные документы, появившиеся в конце 30-х годов XX века. Причём признания, сделанные там, были, скорее всего, вынужденными. В общем, отец даёт понять, что цитируемые документы – это, по-видимому, протоколы допросов НКВД.

Видимо, КГБ пустило Н. Яковлева в свои архивы, чтобы тот изложил версию о Февральской революции как результате заговора масонов.

Эту рецензию отец посылает сначала в один журнал, потом в другой И ниоткуда – ни ответа ни привета.

Будучи в Москве, отец заходит в один из этих журналов (кажется, в «Новый мир») и пытается выяснить причины такого упорного молчания. «А вы где-нибудь видели рецензию на эту книгу?» – спрашивают у него в редакции. – «Нет». – «И не увидите. У нас есть указание из ЦК КПСС: рецензий на неё не публиковать».

Но отец не такой простачок. Он расширяет свою рецензию и делает из нее обзор. А насчёт обзоров указаний из ЦК КПСС

не было. И отец публикует его в своем институтском сборнике (Свердловский юридический институт. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 56. Свердловск, 1977).

Кстати, отец был, по-видимому, одним из первых, кто обратил внимание на роль КГБ в пропаганде идеи о «всемирном жидомасонском антирусском заговоре». Конечно, напрямую говорить о КГБ в те годы было нельзя. Поэтому приходилось довольствоваться намеками. Но люди тогда умели читать между строк.

Сейчас, слава Богу, это изучается открыто. Выяснилось, что отец был прав. Более того, оказалось, что инициатором всей затеи с книгой Н. Яковлева был сам глава КГБ, а позднее – генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов (см. об этом работы Леонида Млечина, напр., <http://livchak.narod.ru/Mlechin.doc>).

Александр Ливчак

Часть II. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Гоцуленко А.В.

Об основных направлениях деятельности органов государственной безопасности СССР Уральского региона по защите и укреплению промышленного потенциала страны в предвоенные годы

Статья посвящена деятельности органов государственной безопасности НКВД СССР, дислоцировавшихся в уральском регионе, направленной на защиту и укрепление промышленного потенциала страны в предвоенные годы. Анализируются нормативные правовые акты описываемого периода и архивные материалы (в том числе впервые вводимые в научный оборот) с целью определения основных правовых аспектов деятельности сотрудников НКВД СССР по реализации указанного направления деятельности. В статье подняты вопросы соответствия определенных методов уголовных репрессий реалиям описываемого периода и повышения эффективности правоприменительной деятельности органов государственной власти в 30-е годы XX века.

Ключевые слова: обороноспособность, борьба с вредительством, история правоохранительных органов СССР, уголовный процесс, уголовное право, репрессии, социалистическая собственность.

Создание в СССР крупного промышленного производства и преодоление отставания от развитых стран в 30-е годы XX века проходило в сложной внешней и внутренней политической обстановке. Смена экономического курса в конце 20-х гг. XX века, возвращение к жёсткому админи-

Гоцуленко Алексей Викторович – аспирант кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

стрированию во всех отраслях общественной жизни, включая промышленность и сельское хозяйство, неизбежно привели к усилению мер государственного принуждения, одним из инструментов которого были органы государственной безопасности.

В сложившейся обстановке защита и укрепление оборонно-промышленного потенциала советского государства стали одними из основных направлений деятельности органов НКВД СССР в предвоенный период. Не могла указанная задача не отразиться на деятельности органов государственной безопасности в таком исторически индустриально-развитом регионе, как Урал. Большая концентрация производственных предприятий на территории Свердловской, Челябинской и Молотовской (ныне Пермский край – *А.Г.*) областей ставила перед территориальными подразделениями ГУТБ НКВД СССР уральского региона в число приоритетных задачу по ограждению важных промышленных объектов, железнодорожного транспорта, узлов и линий связи от подрывных действий шпионов, диверсантов и других враждебных элементов.

Выполнение указанной задачи в исследуемый период возлагалось на различные органы ГУТБ НКВД СССР и их структурные подразделения на местах. В первоначальный период это были Экономический, Транспортный и Секретно-политический отделы. При последующей реорганизации органов НКВД СССР функции обеспечения объектов промышленности и транспорта выполняли последовательно Контрразведывательный отдел (1936 год), а с 1938 года – Главное экономическое и Главное транспортное управления, имевшие в своем составе соответственно по 5 и 3 отдела в зависимости от направлений оперативного обслуживания (оборонная, тяжелая промышленность, водный и железнодорожный транспорт и т. п.).

Особое внимание, с учётом сложной международной обстановки 30-х гг. XX века, советское правительство уделяло оборонной промышленности, отводя при этом суще-

ственное место органам НКВД СССР. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) от 11 июля 1934 года¹, органы государственной безопасности обеспечивали особый порядок найма и увольнения рабочих и служащих на 68 важнейших предприятиях военной промышленности, перестраивали систему охраны указанных заводов, составлявших ядро оборонной промышленности Советского Союза. В последующем количество данных объектов возросло до 117. На территории Урала к ним относились: «номерные» заводы (завод № 19 и № 10 – Пермь; завод им. Молотова – Молотово). Позднее список был расширен путём постепенного дополнительного включения заводов № 98 (г. Пермь) и № 78 (г. Челябинск)², Кизеловской ТЭЦ, Средне-Уральской ГРЭС и ТЭЦ Березниковского химкомбината³, Челябинской электростанции⁴ и Свердловского аффинажного завода.⁵

Отметив в постановлении, что «хозяйственные и партийные руководители наших военных заводов страдают беспечностью и отсутствием бдительности и не поняли до сих пор, что опасность войны есть совершенно реальная вещь, и первый удар врага направляется и будет направлен на наши военные заводы», ЦК ВКП (б) потребовал коренного улучшения защиты предприятий военной отрасли. Для этого предусматривалось создание новой заводской управленческой структуры – Отдела найма и увольнения, выделенного из состава отдела кадров и подчинявшегося непосред-

¹ В органах НКВД СССР было объявлено приказом № 004 от 14 июля 1934 года «О мероприятиях по охране 68 важнейших предприятий военной промышленности и установлении нового порядка найма и увольнения рабочей силы» // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 5. С. 4-11.

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 9. С. 324-328.

³ Отдел регистрации и архивных фондов Управления ФСБ РФ по Свердловской области (далее ОРАФ УФСБ РФ СО). Ф. 2. Оп. 49. С. 5-11.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 14. С. 27-28.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 33. С. 81-82.

ственно помощнику директора по найму и увольнению рабочих и служащих, назначавшемуся из числа действующих или находившихся в запасе сотрудников НКВД после утверждения ЦК ВКП (б).¹ Так, приказом НКВД СССР № 033 от 19 августа 1934 года «согласно решению ЦК ВКП (б) от 17 июля 1934 года были направлены в распоряжение Промышленного отдела ЦК для использования в качестве помощников директоров по найму и увольнению рабочей силы военных заводов:

- на завод № 19 (г. Пермь) – Г.П. Пустозеров – начальник Шабалинского районного отделения УТБ НКВД СССР по Горьковскому краю;

- на завод № 10 (г. Пермь) – А.А. Лебедев – из запаса НКВД СССР (Московская область);

- на завод им. Молотова (г. Молотово) – А.И. Шварц-Изак – из запаса НКВД СССР (Ленинградская область)».²

В последующих нормативных актах неоднократно подчеркивалось, что помощники директоров по найму и увольнению рабочей силы заводов особого списка «находятся в постоянной командировке от НКВД и продолжают числиться в действующих кадрах ГУТБ»³, в связи с чем, они подлежали аттестованию, и им присваивались специальные звания в соответствии с положением о прохождении службы начальствующим составом ГУТБ НКВД.

Приказ НКВД СССР № 004 от 14 июля 1934 года «О мероприятиях по охране 68 важнейших предприятий военной промышленности и установлении нового порядка найма и увольнения рабочей силы» определил основные задачи органов НКВД СССР, сводившиеся к «недопуску впредь

¹ См: Лейбович О., Колдушко А., Казанков А. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 126-133.

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 5. С. 15-18.

³ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 19. С. 3.

социально чуждых и контрреволюционных элементов на предприятия военной промышленности, а также к усилению внешней и внутренней охраны заводов и упорядочению пропускной системы».¹

Требования по приёму рабочих и служащих на указанные заводы были определены в постановлении ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по охране важнейших предприятий военной промышленности от проникновения на них дезорганизаторов производства, диверсантов и шпионов и установлению нового порядка найма и увольнения рабочей силы», и включали: предоставление паспорта, учётно-военского билета, трудового списка, автобиографии, справки с прежнего места службы, заполнение установленной анкеты и соответствующей подписки о неразглашении секретов производства и т. п. При соблюдении указанных требований и при отсутствии явных подозрений, допуск к работе производился местными органами НКВД условно на срок до 1 месяца, в течение которого должны были производиться тщательная проверка и окончательное оформление.

Приказ устанавливал перечень лиц, приём на работу которых запрещался:

- а) иностранцы;
- б) лица, лишённые избирательных прав;
- в) лица, поражённые в правах по суду;
- г) все лица, уволенные с заводов в порядке чистки;
- д) уволенные с заводов, колхозов и совхозов за воровство, злостное нарушение трудовой дисциплины, дезорганизацию производства;
- е) бывшие белые, перебежчики, реэмигранты, харбинцы, бывшие полицейские, жандармы, служители культа и кулаки;
- ж) осуждённые за вредительство, контрреволюцию, диверсионные акты, шпионаж, подделку документов, насилие

¹ ОРАФ УФСБ РФ СО. Ф. 2. Оп. 49. С. 5-11.

в отношении общественников-активистов, похищение секретных и особо важных документов, выезд за границу или въезд в СССР без разрешения, передачу изобретений оборонного значения, умышленное убийство, грабеж, разбой, поджог, побег из воинских частей и уклонение от военной службы;

3) административно-выселенные.

С одной стороны, меры, направленные на отказ в приёме на работу по причинам привлечения к уголовной ответственности за ряд уголовных преступлений и злостные нарушения трудовой дисциплины, способствовали формированию качественного состава рабочей силы; с другой стороны, целые категории населения подвергались дискриминации в трудовых, и как следствие в социальных правах, по признакам политической неблагонадежности и происхождению.

В течение 1934-1936 годов в руководящих документах наркомата неоднократно поднимался вопрос об «очистке военных заводов особого списка от опасных для производства лиц», что означало применение ограничений, установленных приказом от 14 июля 1934 года, не только в отношении вновь принимаемых на завод рабочих и служащих, но и увольнение по указанным основаниям уже работающих. К середине 1935 года из 469 тысяч инженеров, техников, рабочих и служащих этих 68 заводов было проверено 358 тысяч, из них более 27 тысяч были уволены, более 11 тысяч – не приняты на работу.¹

Усиление охраны заводов и упорядочение пропускной системы сводилось к «проверке и удалению из рядов вольнонаемной охраны чуждых и негодных элементов, лиц, не пригодных для службы в охране по возрасту, физическим недостаткам и по малограмотности».

¹ Хаустов В.Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР (1934–1941): дис... доктора ист. наук. – М., 1997. С. 169.

Перестройка пропускной системы предполагала:

а) выдачу разовых пропусков в засекреченные цеха и производства, на электро- и паросиловые установки только с разрешения директоров заводов;

б) введение специальных пропусков (отличных от других) для лиц, работающих постоянно в секретных цехах, на электро- и паросиловых установках;

в) ограничение круга лиц, посещающих секретные производства, но не имеющих повседневной необходимости бывать в них, путем установления строго регламентированного списка, утверждаемого директором завода.

Позже с 1 января 1937 года такой усиленный режим охраны стал применяться не только в отношении 68 особо-режимных предприятий, но и на всех предприятиях Наркомтяжпрома, охраняемых частями НКВД.¹

В целях проверки эффективности режимных мер сотрудниками центрального аппарата ГУГБ и управлений НКВД СССР на местах регулярно проводились инспекции охраняемых объектов. Так, в декабре 1934 и январе 1935 гг. были выявлены 154 случая несанкционированного проникновения на заводы особого списка, 8 из которых – на территории Свердловской области.² При проверке 16-17 апреля 1936 года охраны заводов особой группы в Перми и Молотове из 22 попыток проникновения с чужим пропуском на охраняемые заводы в 17 случаях проверяющие были пропущены, причём, в двух случаях – совсем без пропусков. Произведенные в эти же дни боевые тревоги войсковых нарядов 188 полка на заводах им. Молотова и им. Сталина показали неудовлетворительные результаты, а имен-

¹ Приказ НКВД СССР № 00388 от 29.11. 1936 г. «С объявлением Положения об охране и режиме пропусков на охраняемых частями НКВД предприятиях НКТП, не включенных в группу особо-режимных» // ОРАФ УФСБ РФ СО. Ф. 2. Оп. 64. С. 287-298.

² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 6. С. 10-11.

но: боевой запас патронов не был роздан; дежурная часть вызывалась не вовремя; начальники караулов и их помощники (младшие командиры) при тревогах проявляли растерянность.¹

Не менее важные задачи решали органы ГУГБ НКВД СССР по контрразведывательному обеспечению объектов железнодорожного транспорта – «главного нерва экономической жизни страны, важнейшей части социалистического хозяйства СССР, материальной опоры для связи между городом и деревней, между различными областями СССР.

...То положение, когда в течение 1934 года на транспорте повреждено 7 000 паровозов, разбито 4 500 вагонов, повреждено 60 000 вагонов, сотни людей убиты и тысячи ранены, огромные убытки и многочисленные несчастия – результат не только огромной расхлябанности, но и активной работы классового врага».²

Основной задачей органов НКВД СССР на транспорте приказ определял не только борьбу с подрывной работой и разрушительными действиями классового врага, но и охрану социалистической собственности, а также борьбу с хулиганством. «От хулигана до террориста, от хулиганства до совершения крушений – один шаг. Зачастую хулиганство является элементом для создания диверсионных группировок на транспорте».³ Именно работа транспортных отделов ГУГБ служит ярким примером возложения в предвоенные годы на органы государственной безопасности несвойственных им функций. Однако концентрация основных уси-

¹ Приказ начальника УНКВД по СО № 607 от 16.05. 1936 г. «О результатах проверки охраны заводов особой группы 188-ым полком Внутренней охраны НКВД СССР» // ОРАФ УФСБ РФ СО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. С. 71.

² Приказ НКВД СССР № 00158 от 26.04. 1935 г. «О работе органов ГУГБ НКВД на транспорте» // ОРАФ УФСБ РФ СО. Ф. 2. Оп. 56. С. 107-110.

³ Там же.

лий на борьбе с воровством, хулиганством и общеуголовной преступностью, т. е. выполнении чисто милицеских функций, основывалось на представлении руководства НКВД об угрозах безопасности государства в экономической сфере. В 1934 году, на ряде оперативных совещаний с сотрудниками ГУГБ, Г.Г. Ягода подчеркивал, что контрреволюция изменила тактику, отказавшись от массовых диверсий и вредительства, и в сложившейся ситуации необходимо основные усилия органов безопасности направить на борьбу с воровством и хищениями социалистической собственности. На места непрерывным потоком приходили соответствующие ориентировки: «23 ноября 1934 года в г. Свердловске в магазин № 90 Горпотребсоюза поступил по поддельным документам в качестве заведующего гражданин Розенталь. Проработав 3 дня, он похитил кассовую выручку в сумме 3 700 рублей и скрылся. 12 декабря этот же Розенталь поступил заведующим магазином Татторга в г. Казани, где, проработав 3 дня, захватил 6 500 рублей и скрылся. Розенталь имеет большое количество различного рода чистых бланков со штампами и печатями».¹

7 ноября 1934 года в гостинице «Большой Урал» милицией был задержан аферист Фельдман Максим Константинович с московским паспортом, имея подложные документы, в т. ч. и паспорта, он поступал в различные государственные учреждения на ответственные посты, захватывал крупные суммы денег и с ними скрывался. В 1934 году Фельдман за эти преступления был уже осужден в Москве к 10 годам лишения свободы, но, будучи заключенным под стражу, совершил побег.²

Анализируя количество репрессированных органами НКВД СССР за 1935 год, Ежов приводит следующие цифры: за хищение социалистической собственности – 42 000

¹ Циркуляр № 12 // ОРАФ УФСБ РФ СО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. С. 70-72.

² Там же.

человек, за должностные преступления – 55 845 человек, за хулиганство (в основном по линии транспортных отделов) – 15 622 человека, за иные мелкие преступления – 65 917 человек. Подвергая резкой критике указанные показатели, Ежов предлагал реорганизовать органы ГУГБ, избавив их от милицеских функций¹, что постепенно и будет происходить после назначения Ежова на пост Наркома внутренних дел, когда основное внимание будет сконцентрировано в очередной раз на вопросах вредительства, диверсии и экономического шпионажа.

Перенос акцентов контрразведывательной экономической деятельности на поиск вредителей объясняется характерной для 30-х гг. XX века тенденцией впредь причину провалов в экономической деятельности государства в поисках врага как внутреннего, так и внешнего. В большинстве ведомственных нормативных правовых актов исследуемого периода в качестве примеров вредительства приводились факты всевозможных аварий, взрывов, крушений поездов, срывов плановых заданий, выпуска продукции низкого качества. Так, в 1939 году в СССР произошло 71 611 пожаров, принесших убыток 202 621 722 рубля, а в 1940 году количество пожаров уменьшилось до 70 327 случаев, однако сумма материального ущерба повысилась до 227 061 021 рубля. Только в декабре 1940 года пожары, взрывы и аварии имели место на 18 предприятиях оборонной промышленности с человеческими жертвами и большим материальным ущербом. «Однако некоторые управления НКВД по пожарам, взрывам и авариям не производят тщательного расследования, а ограничиваются формальным выявлением виновных в нарушении правил техники безопасности и противопожарных мероприятий. Между тем, НКВД СССР располагает данными о том, что в ряде случаев взрывы, пожа-

¹ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 252-289.

ры и аварии являются делом антисоветских элементов, проникающих на работу в систему народного хозяйства».¹ В качестве примеров вредительства циркуляр приводит следующие факты: 11 декабря 1940 года на Златоустовском заводе № 259 Наркомата боеприпасов произошел пожар, в результате которого выведено из строя помещение лакировочной мастерской, приведено в негодность калибровое хозяйство и часть инструмента. Материальный ущерб составил около 1 миллиона рублей; 15 декабря 1940 года на Челябинском заводе № 78 того же наркомата произошла авария ферм перекрытия цеха легированных сталей. Материальный ущерб составил 990 тысяч рублей. Однако в некоторых случаях местным органам НКВД удавалось выявить целые диверсионно-вредительские организации – производственным УНКВД Молотовской области расследованием пожаров на угольных шахтах Кизеловского бассейна, имевших место 11 марта, 16 апреля и 31 мая 1940 года, была вскрыта контрреволюционная диверсионно-вредительская организация, производившая поджоги угольных шахт с целью вывода их из строя. По делу было арестовано 15 человек.²

По мнению руководства ЦК ВКП (б) и НКВД СССР, в стране было просто засилье вредительских организаций. Как только возникали проблемы в связи с добычей угля, появилась вредительская организация в угольной промышленности. Железные дороги перестали справляться с перевозкой грузов и населения – появились вредители в НКПС. Нет керосина – виновны вредители в нефтяной промышленности. Не было такой отрасли промышленности, где бы ни было вредителей: каждый завод, каждая фабрика с помощью НКВД находили их у себя.

Особенно больших размахов поиск вредителей в рядах всех наркоматов достиг после февральско-мартовского

¹ Циркуляр № 15 от 20.01.41 // ОРАФ УФСБ РФ СО. Ф. 2. Оп. 142. С. 17-18.

² Там же.

плenums ЦК ВКП (б). Выступления Молотова, Кагановича и Ежова по вопросу «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения» послужили сигналом для развертывания масштабной борьбы с вредительством во всех отраслях промышленности.¹ Глав наркоматов обязали в течение месяца подготовить конкретные планы ликвидации последствий разрушительной работы диверсантов, шпионов и вредителей в их ведомствах. Разработанные наркоматами планы предоставляли широкие полномочия по решению проблем вредительства органам НКВД. В частности, планами НКПС, НКВТ и НКО предусматривалась проверка на политическую благонадежность и выявление врагов народа совместно с НКВД.²

Как показала история, подавляющее число дел о диверсиях было сфальсифицировано, поскольку установками руководства страны и ведомства все причины хозяйственных неудач было проще свалить на вредителей. Процесс «формирования» диверсионно-вредительских организаций и их поиск сводился к следующему: «из числа арестованных следователь выбирал более грамотных лиц, с учётом их социального происхождения, занимаемой должности и искусственно вокруг этих лиц создавал контрреволюционные диверсионно-повстанческие организации, делая наиболее грамотных резидентами, путём составления фиктивных протоколов допроса».³ Так, в конце 1937 года Свердловским УНКВД СССР была «раскрыта» деятельность «крупной офицерско-фашистской организации на Урале», занимавшейся террористической, повстанческой, шпионской и диверсионной деятельностью, проводившейся по прямому заданию

¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. – 1993. № 3. С. 23-24; 1994. № 8. С. 12-13, 25.

² Хаустов В., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 74-75.

³ См: Лейбович О. и др. Указ. соч. С. 141.

германской разведки и направленной на срыв выполнения программы и вывод из строя крупнейших предприятий, имеющих оборонное значение. При этом организацией применялись следующие средства диверсионно-вредительской деятельности:

- в Надеждинске члены организации (по материалам дела все завербованы германской разведкой – А.Г.) создали диверсионные группы на двух предприятиях района – металлургическом заводе и военном заводе № 76. Основной задачей групп являлась подготовка диверсионных актов на случай войны – вывод из строя электростанции Надеждинского завода, что должно было парализовать работу обоих Надеждинских заводов, Богословских угольных копей, медных и бокситовых рудников, расположенных в районе. Диверсионная группа на заводе № 76 разработала план диверсии сразу в трех точках завода: взрывы гидравлической установки и аккумуляторной, питающей энергией завод, а также цеха № 3, где сосредоточены все основные механизмы завода. Для осуществления указанных подрывных акций члены группы скупали взрывчатые вещества у запальщиков-рудников. Диверсия намечалась в первый день войны;

- особенно «активная диверсионная деятельность» организации была развернута на предприятиях г. Нижнего Тагила. В целях уничтожения ТЭЦ Уралвагонстроя было намечено поджечь нефтебаки, находившиеся в непосредственной близости к теплоэлектроцентралю, для чего была сварена требующая ремонта крышка одного из них. В результате от попавшей в отверстие бака искры нефть воспламенилась, и оба бака взорвались. Последующая попытка вывода трансформатора из строя заключалась в умышленном разрушении изоляции кабеля, что должно было при пуске тока вызвать короткое замыкание. Авария была предотвращена при контрольной проверке кабелей перед пуском тока;

- в начале 1936 года была проведена попытка поджога вагоносборочного цеха Уралвагонзавода путём подачи то-

ка высокого напряжения на стенки трансформаторного коридора, находившегося в деревянной обшивке, под предлогом их обсушки, что неизбежно должно было вызвать возгорание деревянной обшивки стенок трансформаторного коридора и пожар всего цеха, также имевшего деревянное перекрытие;

– в начале 1937 года группой был организован поджог осетележного цеха Уралвагонзавода и диверсия на газогенераторной станции Уралвагонстроя путем поджога различных производственных помещений;

– участниками офицерско-фашистской организации, работавшими в лесном хозяйстве Коми-Пермяцкого округа, систематически организовывались поджоги леса. Летом 1933 года в Липовском лесоучастке Косинского леспромхоза один за другим были организованы четыре лесных пожара, в результате которых было уничтожено 11 тысяч гектар леса. В том же году был подожжен Вотиновский курень, который сгорел дотла и вызвал крупный лесной пожар.¹

Другим примером «выявления» контрреволюционной диверсионной группы может являться дело уже упоминавшегося Кизеловского шахтного бассейна, где в качестве подтверждения диверсионной деятельности выдвигались следующие обвинения – срыв угледобычи, для чего был «выведен из строя конвейерный привод путем заложения железного болта». ² Впоследствии, при реабилитации лиц, пострадавших от необоснованных обвинений во вредительстве, будет установлено, что умышленного вывода из строя механизмов на шахте Ленина не было. Аналогичные аварии, имевшие место в 1937 году, объяснялись чис-

¹ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938 / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: Международный фонд «Демократия», 2004. С. 393.

² См: Лейбович О. и др. Указ. соч. С. 176.

то техническими причинами. В тот период в шахте проходили очень трудоемкую лаву, да и сама организация работ была не совсем правильной.¹ Таким образом, истинными причинами многочисленных аварий, поломок и пожаров были небрежность или халатность, а зачастую обычная технологическая отсталость советской промышленности.

В целом роль органов НКВД СССР в экономике страны следует признать значительной. Сложное положение в экономике, курс советской власти, направленный на индустриализацию и дальнейшее развитие промышленности потребовали организационной перестройки и совершенствования методов работы органов безопасности.

Экономические подразделения органов безопасности стояли на защите экономики страны как от внешней, так и от внутренней подрывной деятельности. Функции наркомата в зависимости от политической обстановки в стране постоянно менялись. В основном деятельность Наркомвнудела была нацелена на защиту и укрепление объектов промышленности и транспорта. В решении поставленных задач органы НКВД СССР руководствовались правовыми актами высших органов государственной власти, а также ведомственными приказами и распоряжениями, зачастую носившими заидеологизированный характер. Специфику деятельности органов государственной безопасности в экономической сфере, как и во всех других, составляло отсутствие единого положения об органах НКВД СССР, призванного определять основные задачи и направления деятельности наркомата. Отсутствие законодательно закрепленных основ деятельности НКВД СССР, его прав и обязанностей приводило к их постоянному уточнению и дополнению, возложению на него несвойственных задач, зачастую приводивших к распылению сил и средств органов безопасности на устранение несуществующих угроз. В то же время в условиях

¹ Лейбович О. и др. Указ. соч. С. 178.

господства административных методов управления народным хозяйством страны в исследуемый период четко прослеживается усиление карательных функций наркомата, в том числе при решении экономических задач.

Источники и использованная литература:

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, фонд Р-9401, опись 1а, дела 5, 6, 9, 14, 19, 33.
2. ОРАФ УФСБ РФ СО – Отдел регистрации и архивных фондов Управления ФСБ РФ по Свердловской области, фонд 2, опись 26, 49, 64, 142.
3. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. – 1993. № 3. С. 23-24; 1994. № 8. С. 12-13, 25.
4. Лейбович О., Колдушко А., Казанков А. «Включен в операцию». Масовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 318 с.
5. Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938 / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: Международный фонд “Демократия”, 2004. – 736 с.
6. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 447 с.
7. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2010. – 432 с.

Gotsulenko A.V.

About the main activities of the state security agencies of the USSR of the Ural region on protection and strengthening of industrial capacity of the country in premilitary years

Article is devoted to activity of the bodies of the state security of People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR deployed in the Ural region, directed on protection and strengthening of industrial capacity of the country in premilitary years. Regulations of the described period and archival materials (including for the first time introduced into scientific circulation) for the purpose of definition of the main legal aspects of activities of staff of People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR for realization of the specified direction of activity are analyzed. In article questions of compliance of certain methods of criminal repressions to realities of the described period and increase of efficiency of law-enforcement activity of bodies of the state power in the 1930th years are brought up.

Keywords: defense capability, fight against wrecking, history of law enforcement agencies of the USSR, criminal trial, criminal law, repressions, socialist property.

Фомин А.А.

**Политико-правовые причины и условия
проявлений военного коллаборационизма в СССР
в годы Великой Отечественной войны**

Статья посвящена истории проявлений военного коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны. Автор анализирует нормативные правовые акты, социально-политические процессы и явления исследуемого периода с целью определения юридического понимания проявлений военного коллаборационизма, а также причин и условий политико-правового характера, способствовавших военной коллаборации и формированию репрессивной практики при привлечении к ответственности советских военнослужащих за измену Родине.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, плен, репрессии, коллаборационисты, военный коллаборационизм, ответственность, измена Родине.

В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» объясняется следующим образом: «(от франц. *collaboration* – сотрудничество) изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939-1945)».¹

Понятие «коллаборационизм» именно в таком негативном плане стало употребляться после капитуляции Франции в 1940 году на встрече Гитлера и главы французского государства маршала Петена в Монтруа. На ней стороны провозгласили коллаборационизм в качестве политического принципа в своих взаимоотношениях. В понятие «коллаборационизм» стороны внесли для побежденной Франции сугубо политический смысл абсолютной военно-политиче-

Фомин Алексей Анатольевич – соискатель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

¹ Современный словарь иностранных слов. – М.: Русск. яз., 1993. С. 287.

ской и экономической капитуляции перед гитлеровской Германией.

Ещё в годы Первой мировой войны термин «коллорабационизм» стал приобретать подобную трактовку и употребляться отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену.¹

В советском праве отсутствовал термин «коллорабационист». В официальных документах, прессе и историографии для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, обычно использовались понятия «предатель», «изменник Родины», «пособник оккупантов».

Сложный и противоречивый путь в изучении коллабационизма за послевоенные годы прошла отечественная историография. Десятилетия, прошедшие после окончания Великой Отечественной войны, не избавили наше общество от преимущественно негативного эмоционально окрашенного восприятия практики контактов советских людей с фашистскими оккупантами. Дискуссия о правомочности применения термина «коллорабационизм» в тех или иных ситуациях и в отношении тех или иных граждан воюющей страны продолжается и поныне. Поэтому задача исследователей состоит в том, чтобы отыскать грань, отделяющую действительное предательство интересов Родины и своего народа от похожего на него внешне сотрудничества как вынужденной тактики поведения ради собственного выживания и сохранения жизни своим близким и родным, не причиняющей вреда коренным интересам Отечества.

Современные авторы выделяют различные виды коллабационизма, наиболее обширный их перечень предложил Б.Н. Ковалев: военный, административный, идеологический, экономический, интеллектуальный, духовный, на-

¹ Ковалев Б.Н. Коллорабационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. С. 8.

циональный, детский, половой.¹

Наиболее активной формой взаимодействия советских граждан с врагом был военный коллаборационизм – оказание содействия противнику с оружием в руках. Острота социально-политических и национальных факторов, вызвавших к жизни коллаборационизм в СССР, неизбежно должна была определить и определила формы его проявления. Если в странах Западной Европы доминирующей формой был экономический и политический коллаборационизм, то в Советском Союзе он носил преимущественно военный характер. Военный коллаборационизм проявлялся в различных формах – служба в военных и военизированных формированиях, в полицейских структурах, в органах разведки и контрразведки.² Численность военных формирований коллаборационистов является предметом дискуссий, они могли насчитывать от 280–300 тысяч человек³ до 1 миллиона человек⁴, а по некоторым данным и до 1,5 миллионов.⁵

Рассматривая причины и условия проявлений коллаборационизма в военной сфере, следует отметить факторы,

¹ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм... С. 12.

² Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 17.

³ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 95. – Цит. по: Макаров О.Ю. Коллаборационизм и сотрудничество в Великой Отечественной войне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. № 3. С. 187.

⁴ См.: Ибатуллин Т.Г. Война и плен. – СПб.: ООО ПК Гаванский, 1999. С. 102–128. – Цит. по: Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. С. 74–75; Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОС-СПЭН, 2000. С. 460.

⁵ Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценках молодых. – М.: РГГУ, 1997. С. 131–133. – Цит. по: Макаров О.Ю. Указ. соч. С. 187.

характеризующие в целом его динамику на оккупированных территориях. Так, социальная база коллаборационизма оказалась наиболее широкой в первые месяцы оккупации, когда среди некоторой части населения ещё существовала надежда на «освободительную» и «культурную» роль Германии в борьбе против сталинизма. Вместе с тем, в регионах Советского Союза, где социально-политические условия переплетались с острыми национальными проблемами, база коллаборационизма была, естественно, шире, и сам коллаборационизм нередко проявлялся в более экстремистских формах.¹ Активное военное сотрудничество с немецкими властями было особенно характерно для представителей национальных меньшинств Советского союза, подвергшихся влиянию националистических настроений, рассчитывающих при помощи нацистской Германии обрести свою государственность.² Речь идет, прежде всего, о Прибалтике, Западной Украине, республиках Кавказа и Крыма. В мононациональных странах Западной и Северной Европы в подобном виде коллаборационизм вообще не мог проявляться.

Вместе с тем, в качестве одной из причин масштабов проявлений военного коллаборационизма, на наш взгляд, следует выделить тяготы военного плена. Трудно представить себе более трагичную ситуацию, чем та, в которой оказалось огромное число пленных советских солдат и офицеров. Уже в первые дни войны сотни тысяч военнослужащих Красной Армии оказались в немецком плену. Из общего числа советских военнопленных за весь период войны – 4 млн. 59 тыс., только на 1941 год приходится 2 млн. человек.³

Государственно-политическое руководство СССР от-

¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм... С. 472.

² Макаров О.Ю. Коллаборационизм... С. 188.

³ Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945: Факты и документы / Под ред О.А. Ржешевского. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 246.

казалось от подписания Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» 1929 года, которая с 1934 года являлась в Германии имперским законом, обязательным для исполнения. В соответствии с положениями Конвенции немецкие солдаты были обязаны защищать пленных от насилия, заботиться об их содержании, обеспечивать письменные контакты с их семьями.¹

Неподписание Советским Союзом указанного международно-правового акта дало формальный повод немецкому руководству не выполнять его требования в отношении советских военнопленных. Более того, им были даны соответствующие директивы по данному вопросу. Так, распоряжением верховного командования вермахта 6 июня 1941 года предписывалось немедленно убивать «политических комиссаров» после захвата их в плен. Затем Гитлер на совещании в своей ставке 16 июля 1941 года приказал не рассматривать как солдат-фронтовиков советских военнопленных и беспощадно их уничтожать.² В соответствии с распоряжением немецкого командования от 8 сентября 1941 года в отношении советских военнопленных предусматривались особые, максимально суровые условия обращения. Согласно ему «большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским Соглашением».³

Следует отметить, что Советский Союз, также как и царская Россия, не присоединился к Гаагским конвенциям 1899 и 1907 гг., регулировавшим правовой режим военнопленных в годы войны. В 1942 году, тем не менее, советское

¹ Червякова А.А. «Коллаборационизм» в советском и международном законодательстве в период Великой Отечественной войны // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2011. № 3 (59). С. 40.

² Кульков Е.Н., Мяжков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941-1945. С. 248.

³ Нюрнбергский процесс: сборник материалов. В 8 т. – М.: Юр. лит., 1990. – Т. 4. С. 208.

правительство официально заявило, что будет руководствоваться Гаагской конвенцией 1907 года. Между тем к этому периоду в немецких лагерях уже погибло около 3 миллионов советских военнопленных.¹ В то время, как другие воюющие страны через Красный Крест помогали своим пленным, наша страна отказалась от связи с военнопленными через эту международную организацию, бросив миллионы соотечественников на произвол судьбы. Это стало весьма подходящим поводом для ужесточения немцами обращения с советскими военнопленными и активизации антисоветской пропаганды среди них и населения оккупированных территорий Советского Союза. В декабре 1943 года СССР вообще прекратил контакты с международным Комитетом Красного Креста.²

Таким образом, попавшие в плен красноармейцы оказались не только без помощи с Родины, но и без какой-либо международно-правовой защиты, в результате они содержались в невыносимых условиях и подвергались жесточайшему фашистскому террору. П.М. Полян рассчитал так называемый «индекс дожития» у военнопленных. Из красноармейцев, взятых в плен в 1941 году, к концу войны уцелело 20%, из пленных в 1942 году – 27%.³

Значительную роль в развитии военного коллаборационизма сыграло то, что плен приравнивался советским законодательством к измене Родине.

Закон об измене родине был издан ЦИК СССР 8 июня 1934 года в дополнение Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления).⁴ Содержание закона об измене родине вошло в УК РСФСР

¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм... С. 457-458.

² Макаров О.Ю. Коллаборационизм... С. 187.

³ Цит. по: Макаров О.Ю. Коллаборационизм... С. 187.

⁴ См.: Свод законов СССР. – 1934. № 33. Ст. 255.

в качестве ст.ст. 58-1 «а» («Измена родине»), 58-1 «б» («Измена родине, совершенная военнослужащим»), 58-1 «в» («Ответственность совершеннолетних членов семьи военнослужащего») и 58-1 «г» («Недонесение об измене»).¹

Согласно диспозиции ст. 58-1 «а» УК РСФСР, объективная сторона измены Родине включала «действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу». Данный перечень действий являлся примерным. На это указывает использование при описании объективных признаков слова «как-то», после которого идёт перечисление изменнических действий. Подтверждением этому служит и соотнесение данной нормы с положением ст. 133 Конституции СССР 1936 года, в которой в качестве акта измены родине было указано вообще всякое нанесение ущерба военной мощи государства.² При этом, характерно, что такого широкого понимания круга изменнических действий придерживались и официальные комментарии советского законодательства исследуемого периода.³

Подобный подход описания признаков измены Родине, допускавший расширительное толкование данной охранительной нормы, наряду с возможностью применения аналогии закона, предусмотренной ст. 16 УК РСФСР, спо-

¹ См.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1934 года «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст.ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г» // Собрание узаконений РСФСР. – 1934. № 30. Ст. 173.

² Конституция СССР 1936 г. Ст. 133 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 6 декабря 1936. № 283.

³ См.: Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть: Государственные преступления. – М.: Юридическое издание НКЮ СССР, 1938. С. 40; Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. 2-е изд. – М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1946. С. 65.

собствовал отнесению к предательству любых форм контактов с врагом советских граждан, в том числе – военнопленных.

В силу принципа коллективной ответственности за военные преступления к числу её субъектов относились и члены семей осужденных. Так, часть вторая статьи 58-1 «в» УК РСФСР прямо предусматривала объективное вменение для совершеннолетних членов семьи военнослужащего, совершившего переход на сторону врага. В отношении совершеннолетних членов семьи, способствовавших этому либо только осведомленных и недоносивших об этом властям, частью первой указанной статьи предусматривались ещё более строгие меры ответственности.¹

Период Великой Отечественной войны охарактеризовался усилением борьбы с изменниками Родине, шпионами и другими опасными государственными преступниками. При этом уголовное законодательство СССР и союзных республик формально не подверглось изменениям или дополнениям. Новые правовые инструменты борьбы с противоправной деятельностью советских граждан, изменивших Родине, нашли отражение в ряде чрезвычайных законодательных актов.

Так, в условиях, когда Конвенция о военнопленных была не в состоянии защитить солдат и офицеров Красной армии, в СССР был издан Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной армии от 16 августа 1941 года № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия».² В документе приводились примеры того, как многие генералы и офицеры, оказавшись

¹ См.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1934 года «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст.ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г» // Собрание узаконений РСФСР. – 1934. № 30. Ст. 173.

² Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. – М.: Кучково поле, 2012. С. 963-965.

в окружении, сохраняли стойкость и дух мужества. Но вместе с тем имели место случаи, когда отдельные генералы и офицеры проявляли трусость и предпочитали дезертировать к врагу. В приказной части Ставка обязывала «всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава», а их семьи подлежали «аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». В приказе отмечалось, что «если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен – уничтожать их средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи».

Конкретизации вопроса об ответственности родственников было посвящено постановление Государственного Комитета Обороны от 24 июня 1942 года «О членах семей изменников Родины». В соответствии с ним аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок до 5 лет подлежали отец, мать, жена, сыновья, дочери и сестры «изменников», если они вместе жили до начала войны.¹

Таким образом, позиция советского руководства, приравнивавшая всех пленных к изменникам, подтолкнула многих идти на вынужденную коллаборацию с немецкими властями. Становясь военным «добровольцем», вне зависимости от мотива своего поступка, военнопленный формально совершал государственное преступление.

31 июля 1942 года во исполнение приказа НКО И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 года народным комиссаром юстиции СССР и прокурором СССР был издана совместная директива, согласно которой действия командиров, комиссаров и политработников, самовольно отступивших с бое-

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Республика, Верховный Совет Российской Федерации, 1993. С. 93-94.

вой позиции без приказа вышестоящих командиров, подлежали квалификации по ст. 58-1 «б» УК РСФСР. Расследование данной категории дел предписывалось осуществлять в 48 часов.¹

20 августа 1942 года Л.П. Берия направил И.В. Сталину, В.М. Молотову и А.С. Щербакову сообщение о результатах привлечения к уголовной ответственности военнослужащих за измену Родине. С начала войны по 1 августа 1942 года особыми отделами НКВД за попытки изменить Родине и изменнические намерения в частях Красной армии были арестованы 20 794 военнослужащих, в том числе осуждены к расстрелу – 16 287 чел. Наибольшее число изменнических проявлений было выявлено в частях Южного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов.²

Советские органы пропаганды всячески пытались настроить общественное мнение таким образом, чтобы бойцам на фронте и населению в тылу и на оккупированных территориях было понятно, что сдача в плен является актом предательства. В свою очередь нацистская пропаганда оказывала огромное влияние на военнопленных.³ Советский боец, оказавшийся в немецком плену, кроме огромного физического напряжения, голода и холода, испытывал на себе еще и колоссальное давление антисоветской пропаганды, раскрывающей, в том числе, официальную позицию советского руководства к военнослужащим, попавшим в плен.

Однако, находясь в экстремальных условиях, немало советских военнопленных осталось патриотами и не прекратило борьбу против врага. Многие из тех, кто сумел вырваться из вражеского плена, стали инициаторами образо-

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 41.

² Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. – М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. С. 174.

³ Червякова А.А. «Коллаборационизм»... С. 44.

вания партизанских отрядов или командирами подразделений в уже действовавших отрядах на территории СССР и других оккупированных стран. Множество советских военнопленных оставалось непокоренными в гитлеровских лагерях.

Через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны, 17 сентября 1955 года Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Согласно этому документу амнистия применялась «в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами».¹

29 июня 1956 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей».² В документе осуждалось применение к ним необоснованных репрессий и предлагалось распространить Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 17 сентября 1955 года и на бывших военнопленных, осужденных за сдачу в плен. Впоследствии подавляющее большинство из них было реабилитировано, им восстановлены воинские звания и пенсии. Военнопленные, получившие ранения или совершившие побег из плена, награждались орденами и медалями. Только в период с 1956 по 1959 гг. было награждено 70 тысяч бывших военнослужащих, из них 11500 – офицеры.³

¹ Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – 1955, 18 сентября. № 222 (11911). С. 3.

² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – Курск: ГУИПП «Курск», 1999. – Ч. 1. С. 481.

³ Семиряга М.И. Коллаборационизм... С. 459.

Источники и использованная литература:

1. Конституция СССР. 1936. Ст. 133 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 6 декабря 1936 г. № 283.
2. Нюрнбергский процесс: сборник материалов. В 8 т. – М.: Юридическая литература, 1990. – Т. 4. – 672 с.
3. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1934 года «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст.ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г» // Собрание узаконений РСФСР. – 1934. № 30. Ст. 173.
4. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – Курск: ГУИПП «Курск», 1999. Ч. 1. – 510 с.
5. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Республика, Верховный Совет Российской Федерации, 1993. – 223 с.
6. Свод законов СССР. – 1934. № 33. Ст. 255.
7. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. – М.: Кучково поле, 2012. – 1008 с.
8. Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть: Государственные преступления – М.: Юридическое издание НКЮ СССР, 1938. – 160 с.
9. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 445 с.
10. Ибатуллин Т.Г. Война и плен. – СПб.: ООО ПК Гаванский, 1999. – 196 с.
11. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – 1955, 18 сентября. № 222 (11911). С. 3.
12. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. – 372 с.
13. Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945: Факты и документы / Под ред О.А. Ржешевского. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 492 с.
14. Макаров О.Ю. Коллаборационизм и сотрудничество в Великой Отечественной войне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. № 3. С. 185-191.
10. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 863 с.
11. Современный словарь иностранных слов. – М.: Русск. яз., 1993. – 740 с.

12. *Трайнин А., Меньшагин В., Вьшинская З.* Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. 2-е изд. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. – 340 с.
13. *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941-1945 гг. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 432 с.
14. *Червякова А.А.* «Коллаборационизм» в советском и международном законодательстве в период Великой Отечественной войны // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2011. № 3 (59). С. 38-42.

Fomin A.A.

**The political and legal reasons and conditions of manifestations
of a military collaboration in the USSR
in days of the Great Patriotic War**

The article is devoted to the history of the manifestations of the military collaboration in the USSR during the great Patriotic war. The author analyzes the normative legal acts of socio-political processes and phenomena of the study period for the purpose of determining the legal understanding of the manifestations of the military collaboration, as well as the causes and conditions for political and legal nature that contributed to military collaboration and the formation of repressive practices in the prosecution of Soviet soldiers for treason.

Keywords: Great Patriotic war, captivity, repression, collaborators, military collaboration, responsibility, treason.

Константинов С.И.

Вневойсковая подготовка резервов в Свердловске в годы Великой Отечественной войны

В статье на основе архивных документов и научных публикаций дан очерк вневойсковой подготовки резервов в Свердловске в годы Великой Отечественной войны. Освещена работа по военному обучению трудящихся, их спортивной подготовке, пропаганде военных знаний, подготовке населения города к жизни в условиях военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, город Свердловск, вневойсковая подготовка резервов для фронта, всеобщее военное обучение, Осоавиахим, спортивная подготовка.

В Свердловске, как и в других городах и населённых пунктах Урала, с первых дней войны развернулось формирование и отправка на фронт воинских соединений и частей, обучение для армии резервов, подготовка к обороне гражданского населения.

На предприятиях, в учреждениях Свердловска была образована сеть оборонных кружков, в которых изучались гранатометание, стрелковое дело и т.д. Военным обучением трудящихся, пропагандой военных знаний, подготовкой значкистов ГТО и ПВХО занимались организации Осоавиахима, Красного креста и Красного полумесяца. Повсюду, на заводах и стройках, при домоуправлениях имелись группы местной противовоздушной обороны и санитарные посты.

Город с первых дней войны усиленно готовился к отражению возможного воздушного и химического нападения противника. На 1 сентября 1941 года в Свердловске было создано 6 районных штабов местной системы противовоздушной обороны (МПВО). Ставилась задача подготовить

Константинов Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

город к светомаскировке до 1 сентября, но достичь этого удалось только к 15 сентября. К сентябрю 1941 года после осмотра всех подвалов, начальник штаба МПВО города И. Богданов докладывал, что для бомбоубежищ в городе были пригодны подвалы площадью 16 632 кв. м. на 33 264 человека. Это было крайне мало. Поставлена задача подготовить бомбоубежища на 338 200 чел. площадью 169 100 кв. м.¹

К концу 1942 года, докладывая исполкому областного Совета, председатель Свердловского исполкома городского совета депутатов трудящихся В. Головин и начальник штаба МПВО города Чмутов отметили, что в Свердловске подготовлено по нормам ПВХО населения в возрасте от 8 до 60 лет 258 949 чел. или 93,8 %, охвачено обучением ещё 17 207 чел. или 6,2 %.²

К концу первого квартала 1944 года практически всё население Свердловска прошло обучение по нормам противовоздушной и химической обороны. Кроме того переподготовлено по 6-часовой программе 87 тыс. человек.³

В городе были организованы и уже в октябре 1941 года приступили к занятиям по 110-ти часовой программе подразделения всевобуча первой очереди. В них обучались граждане от 16 до 50 лет. В феврале 1942 года начали действовать подразделения второй очереди. Всего в Свердловске было проведено семь очередей всевобуча, подготовлены десятки тысяч бойцов – автоматчиков, истребителей танков, пулемётчиков, радистов, снайперов и других военных специалистов. Программу всевобуча ежегодно изучали тысячи студентов, учащиеся старших классов средних общеобразовательных и специальных школ. Создавались лыжные батальоны, куда привлекались все партийные, советские, хо-

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 208. Л. 223-227.

² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1487. Л. 146.

³ Там же. Д. 1881. Л. 28.

зайтвенные и комсомольские работники; занятия проводились по 30-часовой программе военно-лыжной подготовки. Большое внимание уделялось организации санитарной службы. Действовала сеть курсов по подготовке сандружинниц, санинструкторов.¹

В городе развернулась массовая военно-спортивная работа. Дважды в год – летом и зимой – под лозунгом «Подготовим хорошие резервы для Красной Армии!» проводились профсоюзно-комсомольские кроссы. По сравнению с довоенным временем число их участников выросло в 5 раз.

Добровольные спортивные общества – «Динамо», «Локомотив», «Угольщик» и другие готовили молодёжь по комплексу ГТО, который обеспечивал физическое развитие и овладение военно-прикладными навыками, необходимыми бойцу Красной Армии; проводили соревнования по лёгкой атлетике, другим видам спорта, штыковому бою. Летом 1943 года в Свердловске состоялась Уральская спартакиада.

К 1941 году в городе было 20 добровольных спортивных обществ. Лучшими из них были «Динамо», «Трактор», «Металлург востока». За 1944-1945 годы в городе созданы ДСО «Каучук», «Рот-фронт», «Зенит», «Пищевик», «Пламя», «Молния», «Большевик».²

Выполняя решение Областного комитета партии, властные структуры Свердловска в короткие сроки перестроили работу массовых оборонных организаций – Осоавиахим, РОКК, а также спортивных обществ. При городском и районных советах Осоавиахима, в учебных центрах, на предприятиях, в учреждениях создавались подразделения воинского типа.

Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству (Осоавиахим) активно включилось в выполнение постановления СНК от 2 июля 1941 года «О все-

¹ Урал – фронту. – М.: Экономика, 1985. С. 278.

² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1881. Л. 37, 46.

общем обязательном обучении населения по ПВХО». Уже к 20 декабря 1941 года по Свердловску обучено 338 204 чел. В том числе по 28-часовой программе ПВХО – 85 863 чел., детей от 8 до 16 по детским нормам – 40 884 человека.¹

За период Великой Отечественной войны в областном центре принято в члены Осоавиахима 139 241 чел., членских взносов собрано 534 663 рубля. Военным обучением Свердловскими организациями Осоавиахима было охвачено 75 тысяч горожан. В их числе подготовлено станковых пулемётчиков – 2166, ручных пулемётчиков – 9828, автоматчиков – 3443, миномётчиков – 1829, снайперов – 926.²

Член Осоавиахима А.И. Крапивин с фабрики «Уралобувь» ушёл рядовым на фронт в 1941 году. Отважно сражаясь с фашистскими захватчиками, он заслужил звание Героя Советского Союза, ряд других высоких наград. Ученик школы № 65, секретарь первичной организации Осоавиахим Дерябин, также получил звание Героя Советского Союза. Среди отмеченных высшей наградой страны активисты Осоавиахима Свердловска – Д.Н. Смирнов, Котов, Рябов, Незнахин, Хребтов, Пискунов, Аристархов.³

Городской Совет стремился наладить связь городских организаций Осоавиахим, РОКК с фронтом. Для этого в район боевых действий направлялись делегации, которые стремились обобщить боевой опыт, выяснить конкретные потребности фронта, сделать выводы о направлении своей работы. Так, в феврале 1942 года Горсовет организовал встречу осоавиахимовского актива с делегатами, ездившими на фронт. Перед активом выступил член делегации Александров. Проведена лекция «Роль авиации в современной войне». Молотовским районным советом организована лекция «Подготовка химического нападения фашистской Германии

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1244. Л. 86.

² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1881. Л. 22, 24.

³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1881. Л. 28.

и наши задачи».¹

Члены организаций Осоавиахим собрали на вооружение Красной Армии 607 тыс. рублей. Принимали участие в оказании помощи семьям фронтовиков, в ремонте их квартир, собирали подарки для раненых и больных в госпиталях города. Участвовали в ремонте и стирке вещевого обмундирования военнослужащих армии.²

Деятельность городских властей по организации вневойсковой подготовки боевых резервов была определена постановлением Государственного комитета Обороны от 17 сентября 1941 года «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». В Управлении Уральского военного округа и в военкоматах были созданы отделы всеобуча. В первую очередь к военному обучению привлекалась молодёжь. Обучение проводилось без отрыва от производства по основным специальностям – стрелка, пулемётчика, миномётчика, снайпера, истребителя танков. Программой военного обучения предусматривалась и физическая подготовка бойцов.

Молодежь Свердловска стала душой всеобуча. В городе регулярно проходили собрания комсомольского актива, посвящённые вопросам организации военного обучения молодёжи. Все средства агитации и пропаганды, печать, радио использовались для широкого разъяснения смысла и значения постановления ГКО. Специально выделенные агитаторы и пропагандисты выступали перед молодёжью с беседами на военные темы. Комсомольские организации районов областного центра оказывали большую помощь военкоматам в подборе и подготовке инструкторского и командно-политического состава, в проведении учёта лиц, подлежащих обучению.

Оживилась работа военных комиссий райкомов и гор-

¹ ЦДОСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1487. Л. 111.

² Там же. Д. 1881. Л. 27.

комов комсомола. Вокруг них сложился широкий актив. Во всех подразделениях всевобуча был создан штат заместителей политруков. Они стали непосредственными представителями комсомола во всевобуче, опорой командиров подразделений.

Важное место в организации военного обучения занимала подготовка материальной базы. Силами молодёжи оборудовались десятки военно-учебных пунктов, были изданы некоторые учебные пособия, создавались военно-методические уголки и кабинеты.

Заведующий военным отделом Сталинского райкома партии г. Свердловска – Халтурин докладывал в военный отдел горкома ВКП (б), что в 1-й очереди всевобуча было привлечено по району 689 человек. Выпущено стрелков – 633, станковых пулемётчиков – 44. Проходило программу всевобуча первой очереди учащихся учебных заведений в районе и окончило её к 1 мая 1942 года: в вузах – 422 человека, в техникумах – 212 человек, в средних школах – 202 человека. Во второй очереди всевобуча выдержало итоговые испытания 561 человек. А в третьей очереди в 8 учебных пунктах привлечено к военному обучению на 25 ноября 1942 года – 714 чел.¹

После окончания программы всевобуча продолжалась подготовка уже по отдельным военным специальностям. Тот же район подготовил к концу 1942 года 236 миномётчиков, 127 снайперов и 104 женщин – снайперов, 113 ручных пулемётчиков.²

В целом по городу в первой очереди обучения всевобуча успешно сдали итоговые испытания 5414 человек, во второй очереди – 5103 человека.³

Эти результаты были достигнуты в чрезвычайно труд-

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1488. Л. 235.

² Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1488. Л. 235.

³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1488. Л. 248.

ной обстановке войны, напряжения всех сил. Ведь военное обучение проводилось после 11-13 часового рабочего дня, в вечернее время с 20-ти часов, при недостаточном освещении, скудной материальной базе. При райвоенкомате Сталинского района, например, имелось для обучения всего три миномёта, 5 боевых винтовок, 67 мелкокалиберных, 239 учебных винтовок и 250 деревянных ружей.¹

Сказывались и недостатки, просчёты организаторов обучения. Гвардии Военный юрист 2-го ранга Петрушков, докладывая о недостатках всевобуча в городе, отмечал, что до конца 1942 года Военной прокуратурой Свердловского гарнизона было предано суду 26 рядовых бойцов и ни одного руководителя, правда, осуждено только 9 из них.²

Подготовка полноценных резервов для армии предусматривала воспитание дисциплинированных, физически крепких и сильных духом бойцов. Программа физической подготовки учитывала требования военного времени и предусматривала занятия по огневой подготовке, рукопашному бою, плаванию, гимнастике, лыжному и другим военно-прикладным видам спорта, наиболее важным в оборонном отношении. С 1942 года в Свердловске начинает расти число массовых военно-спортивных мероприятий – походов, спортивных соревнований, военных игр, кроссов.

В 1942 году за зимний период в Свердловске было проведено 9 городских соревнований по лыжам, в которых приняло участие 68360 человек. Они носили военизированный характер: ночная гонка по карте, переход по неизвестной местности и тому подобное.

За весенне-летний сезон 1942 года в городе было проведено 12 соревнований с 18 850 участниками. Кроме того, участвовало в весеннем профсоюзно-комсомольском кроссе 53127 человек. Из них сдали нормы на ГТО 44080 человек.

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1488. Л. 235.

² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 31. Д. 249. Л. 156.

К концу 1942 года в столице Урала работало 15 крупных лыжных баз, имелось 9500 оборудованных пар лыж. Результатом этой работы было наличие в городе 234 лыжников-разрядников. Только за зиму 1942-1943 гг. по 20-часовой программе планировалось подготовить 5 тысяч лыжников.¹ А с начала войны до 10 января 1943 г. – 34 тысячи.²

Всего за годы Великой Отечественной войны в Свердловске приняло участие в зимних и летних кроссах более 558 тысяч человек. В соревнованиях по бегу на коньках участвовало 1450 человек, по хоккею – 1750, по футболу – 4500, по гимнастике, волейболу, баскетболу, французской борьбе – 35 тысяч человек. Регулярно проводилась эстафета имени газеты «Уральский рабочий», спартакиады Уральского военного округа и госпиталей, открытия летних и зимних спортивных сезонов, другие массовые мероприятия.³ Всё это, безусловно, создавало фундамент подготовки сильного, выносливого, физически подготовленного бойца Красной Армии.

За годы войны с фашизмом было подготовлено и призвано в РККА в Свердловске молодёжи рождения с 1921 по 1927 гг., то есть семи призывных возрастов – 24195 человек.

При этом все допризывники прошли 110-часовую программу всевобуча, более 75% из них изучили 1-2 военных специальности (танкиста или мотоциклиста, пулемётчика или снайпера, миномётчика, телефониста и др.). Более 90% свердловских призывников занимались лыжным спортом, сдали нормы по программе ПВХО и ГСО.⁴

В период войны в областном центре прошло обучение 7 очередей всевобуча. Им было охвачено 28876 человек. За 1-ю очередь – 3494; 2-ю – 6679; 3-ю – 4812; 4-ю – 4389; 5-ю

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1486. Л. 251.

² Там же. Д. 1487. Л. 5.

³ Там же. Д. 1881. Л. 37.

⁴ Там же. Д. 1881. Л. 4.

– 2588; 6-ю – 4831 и 7-ю – 2083 человека. По специальностям подготовлено только стрелков 21978 человек, снайперов-мужчин – 1283, снайперов-женщин – 438; автоматчиков – 1504; танкистов – 326; миномётчиков – 333; станковых пулемётчиков – 766 и ряд других военных специальностей.¹

Ещё 11 августа 1941 года Управление боевой подготовки Красной Армии приняло решение о проведении допризывной военной подготовки в высших учебных заведениях по программе, разосланной Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы на места.²

В высших учебных заведениях Свердловска были созданы Оборонные советы, вокруг которых объединился оборонный актив. В первом семестре 1941-1942 учебного года в вузах города началась военно-физкультурная подготовка студентов. Наряду с её налаживанием по программе всеобща военно-оборонная тематика стала составной частью теоретического обучения студентов в рамках утверждённых Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы программ.

В 1942-1943 учебном году в некоторых вузах Свердловска вместо отдельных занятий по военно-физкультурному делу в течение недели стал вводиться единый военный день. Со студентами в течение дня проводились только военные и физкультурные занятия на протяжении 6-8 часов. В этот день студенты считались военнообязанными и все приказы, уставы и наставления РККА должны были выполняться ими в соответствии с воинской дисциплиной.³ Одновременно получило более широкое распространение пропаганда героического прошлого народа. Для студентов периодически читались лекции о великих русских полковод-

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1881. Л. 7.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 23306. Оп. 69. Д. 2692. Л. 87.

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 227-Р. Оп. 4. Д. 113. Л. 42.

цах А.В. Суворове, М.И. Кутузове, Александре Невском, о героях гражданской и Отечественной войн. Читались лекции и о положении на фронтах войны с гитлеровской Германией.

В целях улучшения обучения военному делу военные кафедры вузов города совместно с организациями ОСО РОКК создавали в вузах кружки инструкторов ПВХО, стрелковые, снайперов, пулемётчиков, радиотелеграфистов, медсестёр, сандружинниц и другие. В 1942-1943 учебном году произошли изменения в организации физической подготовки студентов в связи с тем, что в крупных вузах кафедры физической подготовки были выделены в самостоятельные. Это позволило перенести центр тяжести спортивно-массовой работы со сборных команд в академические группы. Во всех массовых соревнованиях внутри и вне вузов команды стали комплектоваться по принципу учебных групп.

Коллективы вузов активно участвовали в ежегодно проводимых летних и зимних профсоюзно-комсомольских кроссах, межвузовских соревнованиях по различным видам спорта. В институтах работали лыжные, конькобежные, гимнастические, легкоатлетические и другие спортивные секции. Следует отметить, что в организации спортивной и оборонно-массовой работы вузы сталкивались на протяжении всех военных лет со значительными трудностями, связанными в первую очередь с нехваткой спортивного инвентаря, спортивной одежды и обуви, учебного оружия и наглядных пособий. Многие вузы города не имели своих тиров, спортивных залов и стадионов. Это приводило к неудовлетворительному состоянию оборонно-физкультурной работы в отдельных вузах.

Однако в целом вузы успешно решали поставленные перед ними задачи военного обучения и физической подготовки студентов. Например, из отчёта о военно-спортивной работе, представленном оборонно-физкультурным советом Свердловского горного института в марте 1944 года видно, что за год работы в вузе было подготовлено 736 бойцов-стрелков, 573 бойца-лыжника, 726 значкистов ПВХО, 967 значкистов ГТО I и II степени. В институте работал целый

ряд секций и кружков, был создан оборонно-физкультурный актив. Не случайно в летнем профсоюзно-комсомольском кроссе 1943 года коллектив института занял первое место.¹

Целенаправленная работа по подготовке будущих солдат позволяла выполнять такие задачи, как например, призыв в г. Свердловске в конце августа 1942 года 1618 человек в воздушно-десантные войска.²

В справке заведующего военным отделом горкома партии П. Недобуха в ноябре 1942 года отмечалось, что в Свердловске по 12 институтам военным обучением охвачено 1500 юношей и 3003 девушки. По 16 техникумам по 110-часовой программе всеобща обучается 1404 юношей и 2891 девушка. В 33 средних школах в 8, 9, 10 классах обучается 1012 юношей и 2686 девушек. В 19 неполных средних школах с 1 декабря 1942 года приступят к военному обучению 1568 юношей и 2559 девушек. И по 21-й начальной школе будет охвачено военно-физкультурной подготовкой 22 820 чел.³

На основании приказа Наркома обороны № 0515 от 24 июня 1942 г. Свердловский областной военкомат (военком – полковник Калушин) получил задание укомплектовать подразделения и готовить в системе всеобща бойцов-танкистов. Было принято решение организовать подготовку при специальных заводах танковой промышленности, танковых училищах и учебных танковых полках. Контингент обучаемых подбирался в возрасте от 17-ти лет и выше, уже прошедших подготовку по 110-часовой программе, а также военнообязанных запаса до 30 лет, служивших в Красной Армии, по квалификации – не выше 3-го разряда из числа бронированных за военной промышленностью. Обучались

¹ Гузенко З.И. Всеобщуч в вузах Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны: материалы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. С. 214.

² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1488. Л. 132.

³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1488. Л. 250.

танкисты без отрыва от производства по 150-часовой программе в течение четырёх месяцев.

Так, например, при заводе № 37 в Свердловске начиная с 10 июля 1942 года должно было быть подготовлено 200 механиков-водителей и 100 командиров башен.¹

В подготовке бойцов активно участвовали и комсомольские организации. Свердловский обком комсомола совместно с горкомом ВЛКСМ Свердловска направил в действующую армию 52 тысячи молодых людей. В том числе: в воздушно-десантные части – 5893 бойцов, в лыжные – 7319, в гвардейские миномётные – 3127, противовоздушной обороны – 4057, в войска связи – 6700, на флот – 1540, на курсы радистов и телефонистов – 3239, в военные училища и танковые школы – 6760, в тыловые части армии – 2570 человек. Среди молодёжи, ушедшей в тыловые части Красной Армии, противовоздушной обороны, войска связи было 19 тысяч девушек.² Благодаря всеобучу Красная Армия получила огромные резервы боеспособных, сильных духом бойцов.

Многочисленные архивные документы, опубликованные письма и воспоминания людей, переживших войну, позволяют нам говорить о высоком чувстве ответственности, самоотверженности проявленных свердловчанами в годы войны. В основе чувств и поступков людей лежала любовь к Родине, которая помогала преодолевать трудности и лишения, отстаивать свободу и независимость страны и народа.

Источники и использованная литература:

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 23 306. Оп. 69. Д. 2692. Л. 87.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 248. Л. 41.

² Ямова В.Н. Участие комсомола в организации вневойсковой подготовки резервов // Урал в период Великой Отечественной войны (1941-1945). Информационные материалы. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. С. 153.

2. Государственный архив Свердловской области. Ф. 227-Р. Оп. 4. Д. 113. Л. 42.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 208. Л. 223-227; Д. 248. Л. 41; Ф. 161. Оп. 6. Д. 1244. Л. 86; Д. 1486. Л. 251; Д. 1487. Л. 5, 111, 146; Д. 1488. Л. 132, 235, 248, 250; Д. 1881. Л. 4, 7, 22, 24, 27, 28, 37, 46; Оп. 31. Д. 239. Л. 156.
4. Гузненко З.И. Всевобуч в вузах Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны: материалы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – 308 с.
5. Урал – фронту / Под ред. А.В. Митрофановой. – М.: Экономика, 1985. – 344 с.
6. Ямова В.Н. Участие комсомола в организации вневойсковой подготовки резервов // Урал в период Великой Отечественной войны (1941-1945). Информационные материалы. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. – 226 с.

Konstantinov S.I.

Extra army preparation of reserves in Sverdlovsk during the Great Patriotic War

In this article, on the basis of archival documents and scientific publications, the sketch of extra army preparation of reserves in Sverdlovsk in days of the Great Patriotic War is given. Work on military training of workers, their sports preparation, promotion of military knowledge, preparation of the city population for life in the conditions of wartime are described.

Keywords: The Great Patriotic War, Sverdlovsk city, extra army preparation of reserves for the front, general military education, Osoaviakhim, sports preparation.

Мотревич В.П.

**Развитие земледелия на Урале
в условиях Великой Отечественной войны**

На основе неопубликованных материалов центральных и местных архивов показаны тенденции, особенности и результаты развития земледелия в республиках и областях Уральского региона в годы Великой Отечественной войны. Впервые приводятся обобщающие данные о валовой продукции основных сельскохозяйственных культур на Урале в годы Великой Отечественной войны по всем категориям хозяйств в сравнении с общесоюзными показателями.

Ключевые слова: Урал, земледелие, посевные площади, колхозы, совхозы, агротехника, урожайность, валовой сбор, зерновые, картофель, овощи, технические культуры, огородничество, сельское хозяйство, пригородная зона.

Важнейшая отрасль сельского хозяйства – земледелие. Вопросы развития земледелия на Урале в годы Великой Отечественной войны в колхозах, совхозах, индивидуальных хозяйствах населения и подсобных хозяйств промышленных предприятий, организаций и учреждений исследовали Н.В. Ахмадиева, М.Н. Денисевич, Г.Е. Корнилов, В.П. Мотревич, А.Н. Трифонов, Р.Р. Хисамутдинова и другие авторы.¹ В данной работе предпринята попытка пока-

Мотревич Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

¹ *Ахмадиева Н.В.* Башкирская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2014; *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985). – Екатеринбург: УрО АН СССР. 1991; *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1990; *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1990; *Трифонов А.Н.* Продовольственное положение на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург: Урал. гос. тех. ун-т. 1993; *Хисамутдинова Р.Р.*

зять результаты развития уральского земледелия в условиях военного времени не только в разрезе отдельных категорий хозяйств, но и в целом по отрасли. А также определить размеры производства в земледелии, как по отдельным видам сельскохозяйственной продукции, так и по отрасли в целом в республиканском и областном масштабе.

Важнейший показатель развития земледелия – размеры и структура посевных площадей. На Урале, по данным на конец 1940 года, посевные площади сельскохозяйственных культур занимали 14,5 млн. га, что составляло 15,8% всех посевов в России и 9,6% в СССР.¹ По областям и республикам края посевные площади распределялись весьма неравномерно, почти половина их приходилась на Башкирию и Чкаловскую область. Основной сельскохозяйственной культурой на Урале были зерновые. Данные о размерах и структуре посевных площадей показывают, что особенно велик их удельный вес был в начале XX века. В 1920–1930-е гг. значение посевов зерновых несколько сократился. Если в 1913 году на их долю приходилось 95,0% всех посевов, то в 1928 г. – 92,0%, а 1940 г. – 84,1%.² Одновременно происходило расширение посевов кормовых и особенно овощных культур. Однако и перед войной полеводство на Урале носило ярко выраженный зерновой характер. Зерновые на Урале доминировали повсеместно. Однако в зависимости от природных условий их удельный вес в структуре посевов в республиках и областях края заметно отличался. Наиболее ярко зерновая специализация земледелия была выражена на Южной Урале – в Башкирии, Челябинской, Чкаловской и особенно Курганской областях. Слабее

Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002; и др.

¹ Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941-1945 гг.). – Екатеринбург: Наука, 1993. С. 109.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 262. Оп. 5. Д. 3023. Л. 189, 234, 241, 253, 267.

– в уральском нечерноземье – в Удмуртии, Молотовской и Свердловской областях.

Данные о посевных площадях по категориям хозяйств показывают, что основная часть посевов – 85,8% приходилась на колхозный сектор. Особенно велика роль колхозного сектора была в уральском нечерноземье. В Удмуртии на долю колхозов приходилось 95,0% всех посевов, в Молотовской области 94,0%.¹ На Южном Урале – в Башкирии, Курганской, Челябинской и особенно Чкаловской областях весомой была роль советских хозяйств. На начало 1941 года там располагалось 57 крупных зерновых совхозов с большими участками пашни.² Динамика посевных площадей в совхозах за годы войны показывает десятикратную разницу между удельный весом совхозной пашни в Удмуртии (1,6%) и Чкаловской областью (17,2%) обусловленную различными природно-климатическими условиями и неодинаковой специализацией сельского хозяйства. В целом за годы войны размеры посевных площадей сельскохозяйственных культур в СССР заметно сократились, в наибольшей степени они уменьшились в колхозах. Уменьшились размеры посевов также в государственном секторе и у единоличников. В хозяйствах же колхозников, и особенно рабочих и служащих размеры посевов возросли. У рабочих и служащих прирост отчасти произошел путем увеличения посевов зерновых культур, но в основном за счёт расширения посевов картофеля и овощей. У колхозников же весь прирост пришелся на зерновые, которые даже потеснили другие культуры на крестьянском огороде. Трудности военного времени и неблагоприятные погодные условия осени 1941 года сказались на размерах урожая. В 1941 году валовой сбор зерновых в колхозах на Урале сни-

¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1869. Л. 4, 48-56.

² РГАЭ. Оп. 323. Д. 185. Л. 25-26.

зился на 10,0%. Уменьшился сбор зерновых и в совхозах. Учитывая тот факт, что в 1941 году валовая продукция сельского хозяйства страны сократилась по сравнению с 1940 года на 38,0%, понесенные зерновым хозяйством Урала потери были особенно ощутимы.¹

Осенью 1941 года, одновременно с проведением уборочных работ, колхозы приступили к севу озимых. 16 августа 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии».² В нём предусматривалось уже в 1941 году расширить посевы озимых зерновых, что должно было компенсировать потерю важных сельскохозяйственных районов страны, а также ослабить напряженность весеннего сева. При этом открывалась возможность полнее использовать силы осенью 1942 года ввиду созревания яровых и озимых культур в разное время. Согласно установленному Правительством плану подъёма целины на 1942 год в Башкирии, Удмуртии и Молотовской области должны были засеять дополнительно по 5,0 тыс. га, в Свердловской, Челябинской и Чкаловской областях – по 10,0 тыс. га.³ Вовлечение в хозяйственный оборот новых земель в условиях военного времени представляло огромную трудность. Если в центральных районах страны для этого использовали недавно запущенную пашню, то на Урале пришлось поднимать целинные и залежные земли, а кое-где и вырубать лес. Однако тяжелая уборочная 1941 года не позволила колхозам выделить для ведения озимого сева до-

¹ Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 2-е изд. В 2-х кн. Кн. 1: 1917-1950. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. С. 340.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. В 15-ти тт. Т. 7: 1938-1945. – М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 233-237.

³ ГАРФ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 677. Л. 32.

статочное количество людей и техники. Главной задачей была уборка, поэтому в ряде мест сев провели некачественно. Это отрицательно сказалось на сохранности посевов, их гибель возросла.

Курс на расширение посевных площадей был продолжен и весной 1942 года. В результате предпринимаемых усилий размеры посевов в 1941-1942 гг. заметно возросли. Около половины всего прироста приходилось на долю зерновых культур. Несомненно, что тяжелейшие условия тех лет требовали принятия всех возможных мер по созданию запасов продовольствия. Поэтому увеличение посевов картофеля и овощей в индустриальных областях Урала было вполне правомерным. Иное дело – зерновые культуры. Нам представляется бесспорным, что на Южном Урале не было в те годы условий для расширения их посевов. Компенсировать убыль рабочей силы и снижение механизации в многоземельных колхозах Башкирии, Челябинской и Чкаловской областях было нечем. Расширение площади посевов в 1941-1942 гг. ещё больше увеличило нагрузку на колхозников и рабочий скот, которая и так была чрезмерной. При этом нагрузка посева в уральских областях существенно различалась. Поэтому именно неодинаковой обеспеченностью рабочей силы можно столь большие различия в результатах уборки 1942 года. Молотовская и Свердловская области были лучше, чем южноуральские области, обеспечены рабочей силой, поэтому они могли безболезненно расширять посевные площади. На Южном Урале путём мобилизации всех сил в 1941-1942 гг. также удалось добиться увеличения посевных площадей. Только за 1942 год прирост посевов зерновых составил там 315,8 тыс. га. Однако убрать засеянное было невозможно, более миллиона гектаров осталось под снегом, в том числе в колхозах Башкирии 543,8 тыс. га. При этом потери были наибольшими именно в тех областях, где нагрузка посевных площадей была наивысшей. Если в Курганской области не убрали 160,1 тыс. га, в Челябинской области – 164,4, а в Чкаловской области

– даже 230,5, то в Свердловской области – 13,6, а в Молотовской области – лишь 2,2.¹ Потери на уборке снизили сбор зерновых. Особо значительное сокращение производства произошло именно в тех областях, где, не имея соответствующих материальных и трудовых ресурсов, больше всего расширили посевы. Поэтому совершенно очевидно, что в условиях региона надо было не расширять посевную площадь, а попытаться сохранить имеющуюся. Что же касается овощей и картофеля, то увеличивать их посевы следовало не за счёт освоения новых земель, а путём изменения существовавшей в те годы структуры посевных площадей.

Итоги 1942 года осложнили ход полевых работ в следующем году. Сев озимых осенью 1942 года провели неудовлетворительно и с опозданием. Продолжала уменьшаться производительность тракторного парка. В результате машинно-тракторные станции на Урале план тракторных работ, как правило, не выполняли. Невыполнение МТС своих обязательств обрекало колхозы на отставание. В 1942-1943 гг. произошло не только сокращение деятельности МТС, но и резкое ухудшение качества выполняемых ими работ. В Курганской области в ряде районов весновспашка проводилась мелко, па глубине всего 8-10 см, при этом сеяли на некультивированных землях. Из-за плохо обработанной зяби высеваемое зерно полностью в почву не заделывалось и оставалось на поверхности.² Затягивание весеннего сева сказывалось на качестве всходов и вело к нарушению всего цикла агротехнических мероприятий. В годы войны, особенно в 1942-1943 гг., большинство агротехнических приёмов из-за нехватки рабочих рук и горючего в колхозах и совхозах не выполнялось. Упрощенная агротехника давала выигрыш во времени, но неизбежно влекла за собой сниже-

¹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 415, 416.

² Красный Курган. – 1943, 30 апреля.

ние урожайности. На агротехническом совещании в Кургане (31 января – 5 февраля 1946 г.) отмечалось, что в годы войны из-за несоблюдения агротехники чрезвычайно возросла засоренность полей такими сорняками, как овсюг, полевой вьюнок, пырей и др. Недостаточная борьба с сорняками и вредителями приводила к большим потерям. В 1942 году из-за огромного количества водяных крыс и других грызунов (суслики, хомяки и т. д.), в некоторых районах Зауралья потери достигали 70,0% урожая.¹

С серьезной проблемой столкнулись коллективные хозяйства в связи с нехваткой семян, с началом войны прекратилось снабжение сельского хозяйства минеральными удобрениями и ядохимикатами. Недостаток материальных и людских ресурсов, упрощенная агротехника – всё это вело к большим потерям урожая. На Южном Урале урожайность в колхозах снизилась в 2,5–3 раза, что ненамного превышало количество посеянных семян. Более устойчивые сборы были получены в нечерноземных областях. Соответственно уменьшились и валовые сборы зерновых, причем даже в большей степени, чем урожайность. Заметно сократилась и урожайность зерновых и в совхозах, хотя и не в такой степени. В 1942 году урожайность зерновых в совхозах Башкирии составила 3,9 ц с га, Курганской области – 2,9 ц, Челябинской области – 2,5 ц, Чкаловской области – 3,5 ц с га. В 1943 году урожайность в них составила соответственно 2,7; 2,6; 3,0 и 2,9 ц с га.²

Итоги первых лет войны показали, какой огромный вред растениеводству принесла упрощенная агротехника. Стало очевидно, что без ее улучшения невозможно добиться подъема колхозного производства. Поэтому в системе Наркомзема СССР был создан специальный отдел агротехники, а также организована группа по обобщению передо-

¹ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 5. Д. 8. Л. 180, 220.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 5295. Л. 1, 57, 69-75; Д. 5296. Л. 1, 2, 59-66.

вого опыта в сельском хозяйстве. В 1944 году в стране повсеместно развернулась борьба с упрощённой агротехникой. В конце войны стали сокращаться и широко практикуемые в предшествующие годы трудмобилизации рабочей силы и живого тягла из колхозов. В 1944-1945 гг. в колхозах и совхозах также постепенно стали восстанавливать севообороты. Одновременно были увеличены размеры государственных ссуд семенами колхозам, семенное зерно перестали изымать в счёт выполнения обязательных поставок. Для улучшения семенного хозяйства в марте 1945 года в Челябинской области приняли решение об организации на базе колхозов три семеноводческих хозяйств.¹

Принятые меры уже в 1944-1945 гг. дали положительный результат, в результате в 1944 году урожайность зерновых повысилась. Как известно, урожайность определяется в расчёте на гектар весенней продуктивной площади в бункерном весе после доработки (амбарная урожайность). Данные об урожайности сельскохозяйственных культур относятся к важнейшим итоговым показателям хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий. Это качественный показатель, характеризующий состояние культуры земледелия в определенных исторических и естественных условиях производства. До 1953 года основным методом определения валового сбора сельскохозяйственных культур в СССР было исчисление на корню (биологический учёт). Измерение урожайности по корню представляло собой видовое определение урожайности по состоянию непосредственно перед уборкой и существенно преувеличивало размеры валовых сборов. Завышение имело место не только за счёт неизбежных ошибок при субъективной оценке урожайности, но главным образом за счёт недоучёта потерь при уборке и обмолоте. Размеры этих потерь, особен-

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 274. Оп. 3. Д. 1719. Л. 18.

но при запаздывании с уборкой, достигали 30,0 – 40,0% и более валового сбора на корню. Кроме того, установленная методика определения урожая не могла обеспечить его определение в каждом хозяйстве, районе и даже области вследствие дороговизны самой процедуры и невозможности увеличения объема выборки.¹ В результате биологической оценки урожайности возникали серьезные расхождения между количеством сельскохозяйственной продукции оприходованной на корню, и объемом фактически поступившей продукции (табл. № 1).

Табл. № 1

**Валовой сбор зерновых культур
по всем категориям хозяйств, тыс. т²**

<i>Республика, область</i>	<i>Фактический уро- жай</i>		<i>«Видовой» урожай</i>	
	<i>1940 г.</i>	<i>1945 г.</i>	<i>1940 г.</i>	<i>1945 г.</i>
Башкирская	2250,1	974,8	3025,0	1602,8
Удмуртская	943,5	565,1	1156,6	771,0
Курганская	1156,2	508,7	1577,9	670,2
Молотовская	1226,2	767,7	1541,6	947,2
Свердловская	1061,3	578,4	1325,1	705,9
Челябинская	823,9	592,0	1136,9	670,2
Чкаловская	1718,6	783,4	2279,6	1256,5
Урал	9179,8	4770,1	12042,7	6623,8
РСФСР	55637,5	25353,7	73932,0	39387,0
СССР	95637,6	47332,3	118839,0	66595,0

Данные таблицы № 1 показывают большой разрыв между фактическим и «видовым» урожаем зерновых культур. В результате в 1940 году фактический урожай был завышен почти на четверть. В условиях военного времени потери урожая возросли ещё больше, в результате разрыв

¹ Гозулов А.И. Статистика сельского хозяйства. – М.: Гос. стат. изд., 1959. С. 144.

² Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 358.

между количеством зерна оприходованного на корню, и объёмом фактически поступившей продукции, оприходованной на складах возрос до 28,0%. Поэтому базовым показателем валового сбора сельскохозяйственных культур служил так называемый амбарный урожай, определяемый на основе данных годовых отчётов колхозов, совхозов и подсобных хозяйств. Под амбарным урожаем понималось фактически поступившее и оприходованное на складах сельскохозяйственных предприятий зерно, полученное с засеянных площадей.

Однако в 30–40-е гг. XX века валовые сборы сельскохозяйственных культур органы статистики учитывали по «видовой» урожайности. Наше отношение к приводимым органами статистики данным о валовой продукции земледелия в годы Великой Отечественной войны крайне негативно, поскольку полученные на базе их расчётов данные оказались существенно завышены. Однако с другой стороны, они все же позволяют ориентировочно проследить динамику и структуру валовых сборов сельскохозяйственных культур по всем категориям хозяйств в республиканском и областном разрезах. А также получить представление о существовавших в земледелии тенденциях развития аграрного производства. Ниже приводятся данные о валовых сборах сельскохозяйственных культур на Урале по «видовой» урожайности по всем категориям хозяйств.

Табл. № 2

Валовой сбор зерновых культур по всем категориям хозяйств по «видовой» урожайности, тыс. т¹

<i>Республика, область</i>	<i>Год</i>					
	<i>1940</i>	<i>1941</i>	<i>1942</i>	<i>1943</i>	<i>1944</i>	<i>1945</i>
Башкирская	3025,0	3640,8	2019,7	1530,8	1299,5	1602,8
Удмуртская	1156,6	1086,2	936,9	732,1	593,6	771,0
Курганская	1577,9	1746,9	911,3	641,9	635,0	670,2
Молотовская	1541,6	1434,6	1377,7	1103,5	833,9	947,2

¹ Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 358.

Свердлов- ская	1325,1	1203,3	1032,5	763,6	648,5	705,9
Челябин- ская	1136,9	1301,0	639,7	628,4	432,7	670,2
Чкаловская	2279,6	3218,2	1928,5	890,6	1045,5	1256,5
Урал	12042,7	13631,0	8846,3	6290,9	5488,7	6623,8
РСФСР	73932,0	76925,0	44002,0	36300,0	39855,0	39387,0
СССР	118839,0	89233,0	54939,0	50627,0	68687,0	66695,0

Данные таблицы № 2 показывают, что, не смотря на двукратное снижение валовых сборов, все годы войны главным производителем зерна на Урале оставалась Башкирия, а зерновое производство в нечерноземных районах края сократилось значительно меньше, чем на Южном Урале.

Война поставила перед сельским хозяйством СССР задачу – дать больше картофеля, который стал вторым хлебом в стране. В 1941-1943 гг. посевы картофеля на Урале стали заметно возрастать. Одновременно происходило и увеличение производства овощей. Рост посевов картофеля и овощей происходил и в других областях страны – Горьковской, Московской, Омской, т. е. там, где была высокая концентрация городского населения. В 20–30-е гг. XX века в условиях формирования крупнейшего промышленного региона сельское хозяйство Урала с его огромными земельными ресурсами заметно отстало в своем развитии от роста городского населения и все возрастающих потребностей в продовольствии. В годы войны, в связи с прибытием на Урал сотен тысяч эвакуированных, потребность в продовольствии ещё больше возросла. Это потребовало изменения специализации сельского хозяйства, ликвидации его одностороннего зернового направления. Поэтому в стране были приняты меры по увеличению производства картофеля, овощей, мясомолочной продукции. Этому в немалой степени способствовало развитие индивидуального огородничества и организация подсобных хозяйств предприятий, организаций и учреждений. В апреле 1942 года СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли специальное постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и

служащих».¹ В соответствии с ним пустующие участки в городах поселках, свободные земли госфонда и неиспользованные земли колхозов с согласия последних отводились предприятиям, учреждениям и воинским частям для организации подсобных хозяйств и под огороды. Уже в августе 1942 года в стране насчитывалось свыше 5,0 млн. рабочих служащих, имеющих огороды, в 1945 году их число составило 18,6 млн.² Наивысшего развития огородничество достигло в промышленных областях Урала. В результате посева картофеля за годы войны заметно возросли, особенно в Башкирии, Свердловской и Челябинской областях. Следствием это стало повсеместное увеличение уже в 1941-1942 гг. валового сбора картофеля (табл. № 3).

Табл. № 3

Валовой сбор картофеля по всем категориям хозяйств по «видовой» урожайности, тыс. т³

<i>Республика, область</i>	<i>Год</i>					
	<i>1940</i>	<i>1941</i>	<i>1942</i>	<i>1943</i>	<i>1944</i>	<i>1945</i>
Башкирская	624,0	1277,0	1214,0	1102,6	1006,4	1212,8
Удмуртская	377,9	509,6	465,8	531,2	397,9	460,6
Курганская	236,6	325,8	341,3	405,7	392,7	419,3
Молотовская	673,9	664,7	1079,6	826,9	780,7	892,9
Свердловская	736,1	784,4	1231,6	939,7	1163,5	1238,4
Челябинская	249,7	365,2	495,5	461,2	494,8	582,0
Чкаловская	147,4	397,0	355,5	435,4	327,0	421,9

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. (1917-1957 годы). Сб. док. В 4-х тт. Т. 2: 1929-1945 годы. – М.: Политиздат, 1957. С. 723.

² Великая Отечественная война, 1941-1945: Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 504; Труд. – 1942, 30 августа.

³ Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 383.

Урал	3045,6	4323,7	5183,3	4702,7	4563,0	5227,9
РСФСР	42329,0	38314,0	28807,0	39543,0	43276,0	44876,0
СССР	84200,0	40436,0	30853,0	45116,0	66364,0	71658,0

В конце 1943 года, проанализировав состояние сельского хозяйства края, уральские областные комитеты партии обратились в ЦК ВКП (б) с предложением создать вокруг индустриальных центров Урала собственные продовольственные базы. Это предложение уральских партийных органов было одобрено в Москве. 24 марта 1944 года ГКО принял постановление, направленное на усиление продовольственной базы промышленных центров Свердловской области.¹ Организация продовольственной базы промышленных центров предусматривала создание вокруг них крупных пригородных зон. Вначале в состав пригородной зоны Свердловской области вошёл 41 район, а в апреле 1945 году – и остальные. 29 мая 1944 года вышло постановление СНК СССР № 621 «О создании продовольственной базы вокруг промышленных центров Челябинской области». В пригородную зону областного центра вошли 20 районов, в том числе, в состав пригородной зоны Магнитогорска – три района. Город Златоуст не обеспечивался пригородной зоной за счет районов области, поэтому в его пригородную зону включили Щучанский район Курганской области. В аналогичном положении оказался и Каменск-Уральский – крупный центр цветной металлургии. Постановлением СНК СССР от 8 июля 1944 г. «О мерах по оказанию помощи Свердловской области» к городу Каменск-Уральскому для поставок сельскохозяйственной продукции по планам заготовок были прикреплены Далматовский и Катавский районы Курганской области.² 5 августа 1944 года СНК СССР принял также постановление № 1033 «О создании продо-

¹ Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941-1945. – Челябинск: Полиграфиздат, 1945. С. 17-25.

² Челябинский рабочий. – 1944, 6 июня.

вольственной базы вокруг промышленных центров Молотовской области».¹

Организация пригородных зон предусматривала для расположенных там колхозов изменение специализации сельскохозяйственного производства. Колхозы должны были расширить посевы картофеля и овощей, увеличить площади, занятые под кормовыми культурами, добиться роста общественного поголовья и подъема его продуктивности. Однако многие колхозы не могли самостоятельно преодолеть спад сельскохозяйственного производства и изменить существующую специализацию. Поэтому на заключительном этапе войны постановлениями Советского правительства в индустриально развитых областях края запрещалась мобилизация рабочей силы из артелей в промышленность, строительство и на транспорт. С колхозов списывалась задолженность прошлых лет по обязательным поставкам. Из обложения налогами исключалась часть непригодных для хозяйственного использования земель и т. д. В целях стимулирования производства картофеля, овощей и корнеплодов для коллективных хозяйств пригородной зоны, начиная с 1945 года, разрешалось снижать нормы обязательных поставок зерна. Снижение поставок производилось при условии, что картофель и овощи занимают не менее 10,0% колхозных посевов. В результате принимаемых мер в стране заметно увеличились посевы картофеля и овощных культур. Наибольший рост наблюдался вблизи крупных промышленных центров, особенно в Молотовской, Московской, Новосибирской и Свердловской областях.

В годы войны серьезные изменения на Урале произошли в номенклатуре и размещении культур, прежде все-

¹ О создании продовольственной базы промышленных центров Молотовской области: Постановление СНК СССР от 5 августа 1944 г. – Молотов: Молотовское обл. изд-во, 1944. – 15 [1]с.; Звезда. – 1944, 11 августа; РГАЭ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.

го технических. В 1942 году на колхозных полях здесь впервые стали возделывать кок-сагыз. Его посевы появились в Башкирии, Молотовской и Челябинской областях.¹ Пытались выращивать на Урале и сахарную свёклу. В связи с оккупацией немцами Украины её производство пострадало наиболее сильно. В 1942-1943 гг. в стране была проделана большая работа по перемещению посевов сахарной свеклы в восточные районы. В 1941 г. сахарную свеклу в СССР выращивали в 34 областях. В 1942 г. вследствие оккупации из их числа «выпало» 16 республик и областей, но свекло-сеянием занималось не 18, а 40 областей и республик страны.² До войны сахарную свеклу на Урале культивировали только в Башкирии. В 1942 году её посевы повсеместно появились на Урале, за исключением УАССР. В 1943 году сахарную свеклу стали культивировать и в Удмуртии. Большое внимание её возделыванию уделялось в Курганской области. Высоких производственных показателей в области добились Г. Сиротин – заведующий Макушинским опытным полем, Ф. Акиншин – заведующий Куртамышским райзо, В. Макеев – главный агроном Каргопольского сахарного завода.³ Однако сахарная свекла очень тяжело приживалась на Урале. Климатические условия, особенно в нечерноземных областях, были для нее неблагоприятными. К тому же колхозники не имели опыта возделывания этой культуры. В результате уже в 1944 году в Свердловской и Челябинской областях посевы сахарной свеклы стали сокращаться, а на следующий год исчезли совсем. Данные таблицы № 4 показывают, что почти половину валового сбора сахарной свеклы приходилось на Башкирию, а в целом доля Урала в её производстве в стране была весьма незначительной.

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 558. Л. 81.

² ГАРФ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 2911. Л. 5.

³ Челябинский рабочий. – 1942, 10 марта.

**Валовой сбор сахарной свеклы по всем категориям
хозяйств по «видовой» урожайности, тыс. т¹**

<i>Республика, область</i>	<i>Год</i>					
	<i>1940</i>	<i>1941</i>	<i>1942</i>	<i>1943</i>	<i>1944</i>	<i>1945</i>
Башкирская	5,6	10,9	53,3	45,3	33,3	23,2
Удмуртская	-	-	-	2,5	9,5	9,9
Курганская	-	-	5,4	10,1	-	9,4
Молотовская	-	-	2,8	8,6	7,4	7,3
Свердлов- ская	-	-	2,4	12,2	-	-
Челябинская	-	-	2,0	2,9	-	-
Чкаловская	-	-	19,2	8,9	13,3	8,8
Урал	5,6	10,9	85,1	90,5	63,5	58,6
РСФСР	4313,3	4088,9	1707,3	1807,9	2183,7	2111,8
СССР	20953,0	5430,0	4031,0	3827,0	6873,0	8990,0

Следует отметить, что в большом ассортименте технические культуры на Урале выращивали только в Башкирии. Среди них – кок-сагыз, лён-долгунец, подсолнечник, сахарная свекла и др. В других районах края выращивание технических культур за годы войны постепенно сокращалось. В Курганской, Челябинской и Чкаловской областях стали меньше выращивать подсолнечник, в остальных областях сократилось льноводство. Этот факт был отмечен в ноябре 1944 году на пленуме Удмуртского обкома ВКП (б), где указывалось на резкое сокращение льноводства в республике.² В целом за годы войны посевные площади технических культур по всем категориям хозяйств сократились на Урале с 513,2 тыс. га в 1940 г. до 261,7 тыс. га в 1945 г., т.е. почти вдвое.³ Соответственно снизились и валовые сборы технических культур (табл. № 5, 6).

¹ Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 376.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 44. Д. 1529. Л. 2.

³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 262. Оп. 5. Д. 3023. Л. 183, 197, 211, 225, 239, 253; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1869. Л. 4, 46-56; Д. 2269. Л. 19, 79-86.

Табл. № 5

**Валовой сбор подсолнечника по всем категориям хозяйств
по «видовой» урожайности, тыс. т¹**

<i>Республика, область</i>	<i>Год</i>					
	<i>1940</i>	<i>1941</i>	<i>1942</i>	<i>1943</i>	<i>1944</i>	<i>1945</i>
Башкирская	35,3	64,1	27,4	18,2	20,7	17,8
Удмуртская	-	-	-	-	-	-
Курганская	3,7	4,1	0,9	0,6	1,5	1,1
Молотовская	-	-	-	-	-	-
Свердлов- ская	-	-	-	-	-	-
Челябинская	5,5	7,5	2,7	2,7	2,6	3,1
Чкаловская	57,0	84,4	40,4	24,3	24,0	29,8
Урал	101,5	160,1	71,4	45,8	48,8	51,8
РСФСР	2024,1	2118,5	457,6	983,6	1072,0	973,8
СССР	3343,1	2354,3	566,3	1529,0	1893,2	1857,9

Табл. № 6

**Валовой сбор льна-долгунца по всем категориям
хозяйств по «видовой» урожайности, тыс. т²**

<i>Республика, область</i>	<i>Год</i>					
	<i>1940</i>	<i>1941</i>	<i>1942</i>	<i>1943</i>	<i>1944</i>	<i>1945</i>
Башкирская	2,4	2,4	1,2	0,8	0,4	0,3
Удмуртская	11,4	13,3	16,6	9,8	4,2	4,8
Курганская	0,8	0,6	0,5	0,1	0,2	-
Молотовская	6,9	9,0	13,0	8,6	3,7	1,4
Свердловская	0,8	1,0	1,3	0,7	0,5	0,3
Челябинская	0,2	0,1	0,1	-	-	-
Чкаловская	-	-	-	-	-	-
Урал	22,5	26,4	32,7	20,0	9,0	6,8
РСФСР	420,4	288,2	342,2	272,4	239,2	237,6
СССР	562,9	288,2	342,2	275,4	283,3	300,4

Как уже указывалась, статистика тех лет по растениеводству определяла валовой сбор по «видовой» урожайности, что значительно завышало полученный урожай. Од-

¹ Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 370.

² Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 365.

нако приводимые данные о валовых сборах по всем категориям хозяйств позволяют приблизительно определить долю региона в производстве отдельных видов растениеводческой продукции. Сделанные нами расчёты показывают, что за годы Великой Отечественной войны доля сельского хозяйства Урала в валовом сборе зерновых культур по «видовой» урожайности составляла 12,4%, по картофелю – 9,4%, по сахарной свекле – 1,1%, по семенам подсолнечника – 4,6%, по льну-долгунцу – 6,4%.¹ Всего за 1942-1945 гг. на долю Урала пришлось 8,6% всей произведенной в СССР растениеводческой продукции (табл. № 7).

Табл. № 7

Продукция земледелия по всем категориям хозяйств (в ценах 1926/27 гг.), млн. руб.²

<i>Республика, область</i>	<i>Год</i>					
	<i>1940</i>	<i>1941</i>	<i>1942</i>	<i>1943</i>	<i>1944</i>	<i>1945</i>
Башкирская	275,0	338,1	216,4	162,7	146,8	174,0
Удмуртская	106,5	107,0	106,2	83,3	64,5	75,2
Курганская	-	-	97,7	76,6	70,4	74,5
Молотов- ская	151,6	146,9	170,2	55,0	103,4	112,9
Свердлов- ская	142,2	126,2	148,9	54,1	105,8	115,0
Челябинская	258,2*	296,4*	84,3	90,3	61,7	87,2
Чкаловская	209,7	302,0	189,0	60,9	116,7	136,9
Урал	1143,2	1316,6	1012,7	582,9	669,3	775,7
СССР	16449,0	Нет св.	8075,1	7621,4	9857,4	9949,9

Что касается состояния производства по отдельным категориям хозяйств, то данные таблицы № 8 показывают значительное сокращение его в колхозах. Производство в государственном секторе снизилось незначительно, а вот в индивидуальном заметно возросло, особенно в хозяйствах рабочих и служащих.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 358, 365, 270, 376, 383.

² Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 48. Л. 1, 2; Д. 57. Л. 1, 2; Оп. 324; Д. 481. Л. 2, 4, 6, 8, 46; Д. 689. Л. 73; Д. 969. Л. 1, 2; Д. 1492. Л. 26-28.

Продукция земледелия по категориям хозяйств (в ценах 1926/27 гг.), млн. руб.¹

<i>Год</i>	<i>Всего</i>	<i>в том числе</i>				<i>единоличники</i>
		<i>госхозы</i>	<i>колхозы</i>	<i>колхозники</i>	<i>рабочие, служащие</i>	
1940	1143,2	124,8	952,5	51,0	14,1	0,8
1941	1316,6	154,6	1086,4	60,3	14,4	0,9
1942	1912,7	126,7	799,7	63,7	22,6	Нет св.
1945	775,7	121,3	560,4	54,7	38,2	1,1

В целом в годы Великой Отечественной войны обстановка в земледелии была на Урале более тяжелой, чем в других регионах страны. Отток рабочей силы и квалифицированных кадров из сельхозпредприятий, ослабление материально-технической базы сельского хозяйства – эти трудности были характерны для всей страны. Однако в сельском хозяйстве Урала они проявлялись наиболее сильно. Убыль трудоспособных из уральской деревни превышала общесоюзный уровень, в результате нагрузка посевных и уборочных площадей здесь была наивысшей. В начальный период войны сельхозпредприятия расширили посевные площади, пытаясь за счёт этого добиться роста производства. Однако это привело лишь к распылению сил и средств и еще более усилило негативное влияние войны. Отрицательно сказалось на положении в отрасли и сокращение деятельности МТС. Особенно пострадало высокомеханизированное зерновое хозяйство Южного Урала. Поздняя осень и ранняя зима заставляли тружеников сельского хозяйства края укладываться в жесткие агротехнические сроки; в условиях войны это стало невозможно. Отсюда – смещение сроков

¹ Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 57. Л. 1; Оп. 324. Д. 251. Л. 23-30; Д. 480. Л. 15; Д. 481. Л. 2, 4, 6, 8; Д. 1492. Л. 27.

всех полевых работ, резкое ухудшение агротехники, большой разрыв между посевными и уборочными площадями и падение валовых сборов. В результате, если в промышленности рост производства на Урале начался уже в 1942 году, то в земледелии – лишь в 1944 году.

Источники и использованная литература:

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 262. Оп. 5. Д. 3023. Л. 189, 234, 241, 253, 267; Ф. 4372. Оп. 93. Д. 677. Л. 32.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1529. Л. 2.
3. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 185. Л. 25-26; Оп. 324. Д. 1869. Л. 4, 48 – 56; Д. 5295. Л. 1, 57, 69 – 75; Д. 5296. Л. 1, 2, 59 – 66; Оп. 329. Д. 1490. Л. 358, 365, 270, 376, 383; Ф. 4372. Оп. 42. Д. 558. Л. 81; Ф. 7803. Оп. 5. Д. 8. Л. 180, 220.
4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917-1957 годы). Сб. док. В 4-х тт. Т. 2: 1929-1945 годы. – М.: Политиздат, 1957. – 888 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. В 15-ти тт. Т. 7: 1938-1945. – М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. – 574 с.
6. О создании продовольственной базы промышленных центров Молотовской области: Постановление СНК СССР от 5 августа 1944 г. – Молотов: Молотовское областное издательство, 1944. – 15 [1]с.
7. Сборник указов, постановлений и распоряжений, 1941-1945. – Челябинск: Полиграфиздат, 1945. – 187 с.
8. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 458 с.
9. Ахмадиева Н.В. Башкирская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – 189 с.
10. Великая Отечественная война, 1941-1945: Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.
11. Гозулов А.И. Статистика сельского хозяйства. – М.: Гос. стат. изд., 1959. – 459 с.
12. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985). – Екатеринбург: УрО АН СССР, 1991. – 195 с.
13. Звезда. – 1944, 11 августа.
14. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 221 с.
15. Красный Курган. – 1943, 30 апреля.
16. Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной

- войны. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 196 с.
17. *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941-1950 гг.). – Екатеринбург: Наука, 1993. – 307 с.
 18. *Трифонов А.Н.* Продовольственное положение на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938-1945). – Екатеринбург: Урал. гос. тех. ун-т, 1993. – 171 с.
 19. Труд. – 1942, 30 августа.
 20. *Хисамутдинова Р.Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. – 300 с.
 21. Челябинский рабочий. – 1942, 10 марта.
 22. Челябинский рабочий. – 1944, 6 июня.
 23. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 2-е изд. В 2-х кн. Кн. 1: 1917-1950. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 439 с.

Motrevich V.P.

**Development of agriculture in the Urals
in the conditions of the Great Patriotic War**

On the basis of unpublished materials of the central and local archives, tendencies, features and results of development of agriculture in the republics and areas of the Ural region in days of the Great Patriotic War are shown. The generalizing data on gross output of the main crops in the Urals in days of the Great Patriotic War on all categories of farms in comparison with all-union indicators are for the first time provided.

Keywords: Urals, agriculture, cultivated areas, collective farms, state farms, agrotechnology, productivity, gross collecting, grain, potatoes, vegetables, commercial crops, truck farming, agriculture, residential suburb.

Запарий В.В.

**Металлургия Урала на этапе
Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)**

В статье приводятся данные о роли уральской металлургии в годы Великой Отечественной войны и её вкладе в дело Великой Победы. Рассматривается этап перестройки отрасли на военные рельсы. Подчеркивается роль эвакуированных работников и мощностей для укрепления металлургии. Показаны примеры внедрения новых форм и методов организации и научных достижений в производство.

Ключевые слова: металлургия Урала, Великая Отечественная война, Победа, экономический потенциал, домены, мартены, прокатные станы, эвакуация.

Война потребовала быстрой и всесторонней мобилизации промышленности СССР, перестройки её на производство продукции для фронта. Особенно большие и ответственные задачи встали перед работниками уральской металлургии. Уже в первые месяцы войны СССР потерял жизненно важные западные экономические районы.

На территории, оккупированной противником в 1941 году, находилось 40% всего населения страны, 32% рабочих и служащих, 33% основных фондов промышленных предприятий. До войны здесь производилось 33% валовой продукции промышленности страны, собиралось 38% зерна, выращивалось 60% поголовья свиней и 38% крупного рогатого скота. Здесь находились 59 доменных, 126 мартеновских, 13 электросталеплавильных печей, 16 конверторов и 105 прокатных станов. Общие потери мощностей составили по чугуну 14 млн. *т*, по стали 12,5 млн. *т*. С июня по ноябрь 1941 года валовая продукция промышленности

Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники ИГНИ Уральского федерального университета.

СССР сократилась более чем в два раза.¹

После оккупации фашистскими войсками Украины и прекращения работы металлургических заводов в центре страны на Урал легла основная тяжесть по снабжению промышленности металлом. Возросла роль региона как главного поставщика необходимых для выпуска боевой техники марок стали и проката.

27 июня 1941 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». В первые месяцы войны началась массовая эвакуация предприятий, людей и материальных ценностей на восток. Основным центром сосредоточения производительных сил страны стал Урал. Важнейшей частью военной экономики региона были приём, размещение и ввод в строй действующих эвакуированных предприятий. Из 1523 предприятий, перебазированных на Восток, в июле–ноябре 1941 года на Урал было направлено более 600 (40%). В крае разместились наиболее крупные и важные оборонные заводы. Высокий уровень индустриального развития, громадные и уникальные природные богатства, наличие большого отряда высококвалифицированных промышленных и научных кадров, развитая транспортная сеть, выгодное географическое и стратегическое положение позволили превратить Урал в главный арсенал Советской Армии.²

Тысячи эвакуированных квалифицированных рабочих, инженеров и техников пополнили ряды металлургов и горняков на предприятиях Магнитогорска, Свердловска, Нижнего Тагила, Первоуральска, Серова, Челябинска, Белорецка и других городов. Новое пополнение немедленно

¹ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Экономика, 1970. С. 123–124.

² Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 173.

включалось в работу. Многие из прибывших на Урал вскоре начали работать в качестве руководителей. Так, главный инженер украинского завода им. Петровского Ф.Д. Воронов возглавил 2-й доменный цех ММК, М.Х. Лукашенко стал главным инженером, а затем и директором Серовского металлургического завода.

Перестройка народного хозяйства Урала на военный лад включала в себя перевод многих заводов на выпуск военной продукции. Оборонная промышленность была укреплена в результате передачи ей предприятий других отраслей экономики. Было максимально сокращено изготовление некоторых видов гражданских изделий для высвобождения производственных мощностей, рабочей силы и материальных средств на нужды военного хозяйства.

Оборудование эвакуированных металлургических предприятий в основном размещалось на действующих заводах, часть направлялась на площадки нового строительства. Для размещения эвакуированных заводов и их оборудования использовались резервы производственных площадей, незавершенное промышленное строительство, родственные предприятия Урала, свободные территории. Одновременно быстрыми темпами возводились новые производственные помещения. В целях сокращения сроков строительства и минимальной затраты материалов СНК СССР разрешил на время войны строить для основных и вспомогательных цехов здания временного типа с широким применением дерева и других местных материалов, используя металл и железобетон лишь в тех случаях, когда применение других материалов было технически недопустимо.

Эвакуированное оборудование устанавливалось и вступало в строй действующих в самые короткие сроки. На Новотагильском заводе исключительно быстро был пущен прокатный стан, вывезенный с Ленинградского Кировского завода. Последний эшелон с оборудованием Днепропетровского трубного завода прибыл на Урал 6 сентября 1941 года, а 24 декабря цех тонкостенных труб, развернутый на

Синарском труболитейном заводе, уже начал давать продукцию. На базе оборудования завода «Запорожсталь» в самые сжатые сроки был создан на Магнитогорском комбинате среднелистовой цех, давший очень важный для обороны лист из высоколегированной стали.

Поставленная перед металлургами задача – быстрее ввести в действие эвакуированное оборудование, была решена благодаря самоотверженному труду рабочих, инженеров и техников. Работы по строительству и монтажу велись круглосуточно при недостатке продовольствия, жилья, в условиях небывало суровой зимы первого года войны. Решению этой задачи способствовал высокий уровень организаторской работы. Уже во время демонтажа на южных заводах по распоряжению Наркомчермета были созданы бригады проектировщиков, которые вели разработку проектов размещения этого оборудования в цехах действующих заводов. Демонтированные агрегаты находились ещё в пути, а проектировщики уже разрабатывали проекты новых заводов и цехов, которые предстояло создать с использованием этих агрегатов.

Важное значение имело наличие своевременно созданных на востоке мощных предприятий черной металлургии, способных принять и разместить массу оборудования и людей. Только ММК принял людей и разместил оборудование с 34-х эвакуированных заводов. Многие металлургические предприятия с незавершенным строительством располагали площадками для дальнейшего увеличения производственных мощностей. Это позволило устанавливать эвакуированное оборудование при минимальном объеме строительных и монтажных работ.

Перестройка уральских заводов на военный сортament была сопряжена с большими трудностями. В первый год войны, в связи с перебазированием машиностроения из западных районов на восток, резко изменились пропорции между металлургией и машиностроением восточных районов. Существующие мощности уральской металлургии не

обеспечивали машиностроение некоторыми сортами металла. Потребовалось их быстрое наращивание. Капитальное строительство развернулось на многих металлургических заводах. Новые агрегаты и цехи строились на тех предприятиях, где можно было создать массовое производство и в кратчайший срок получить нужный эффект не только от пущенного объекта, но и от всего металлургического комплекса. Так, для того, чтобы обеспечить военную промышленность толстолистовой и среднелистовой сталью, на уральских заводах были установлены три мощных листовых прокатных стана.

В регионе было построено несколько доменных, мартеновских и электросталеплавильных печей, бессемеровских конверторов и прокатных станов. Введены в эксплуатацию Челябинский металлургический, увеличены мощности Первоуральского и Синарского трубных и других заводов. В связи с этим были проведены большие работы по реконструкции и наращиванию мощностей горнорудной промышленности. На Высокогорском руднике были построены дробильно-обогадительная и агломерационная фабрики, на ММК пущены третья и четвертая ленты первой аглофабрики.

Война потребовала коренным образом изменить профиль черной металлургии Урала. Она состояла в изменении структуры производства металла, резком увеличении удельного веса легированной стали в общей ее выплавке и смене сортамента проката. В результате временной утраты качественной металлургии Юга, повысилась роль Урала как главного поставщика специальных марок стали для боевой техники. Уральские заводы до войны не производили бронелист, поковок для авиационной и танковой промышленности, а снарядную заготовку катали в очень небольших количествах. Даже флагман отечественной металлургии – ММК по проекту был приспособлен только для получения рядового металла.

Чтобы наладить выпуск большого числа высококачественных спецсталей, необходимо было обеспечить чер-

ную металлургию Урала легирующими присадками: ферромарганцем, ферросилицием, феррохромом, а также ферросплавами, содержащими никель, вольфрам, молибден, ванадий. Эти дефицитные и дорогостоящие металлы позволяли получать стали с заданными свойствами, рассчитанные на использование в условиях высоких температур, больших динамических нагрузок, огромных скоростей. Лишившись запорожских ферросплавов, металлургия Урала испытывала большие трудности. Поставки этих ценных материалов осуществлял единственный в стране Челябинский ферросплавный завод. До ввода в строй Кузнецкого и Актюбинского он оставался единственным в стране предприятием этого профиля. Коллектив собственными силами реконструировал завод, модернизировал более половины электропечей, увеличив их мощность на 68% и повысив производительность в среднем на 42%. Была начата выплавка феррохрома, освоена новая технология производства ферросилиция и др. Эти и ряд других прогрессивных технологических мероприятий позволили заводу сэкономить десятки миллионов *кВт/ч* электроэнергии и при небольшом увеличении персонала и основных фондов уже в 1943 году почти удвоить выпуск дефицитной продукции.¹

Необходимо было решить проблему обеспечения чёрной металлургии марганцевой рудой. До войны на Урале ее добывалось только 0,7% союзного производства этой руды. Уральская металлургия выпускала преимущественно рядовой металл, и потребность в этой руде была незначительная. После оккупации врагом Украины и в связи с трудностями транспортировки марганца с Чиагурского месторождения черная металлургия Урала оказалась в сложном положении. Правительство приняло срочные меры по строи-

¹ Антупьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т истории и археологии, 1992. С. 120-121.

тельству Полуночного и Марсятского рудников на севере Свердловской области. Эту работу поручили тресту “Никопольмарганец”, эвакуированному на Урал в августе 1941 года. Сначала прорубили трассу, проложили автогужевую дорогу, а затем в 25 км – железную дорогу. Меры, предпринятые для строительства Полуночного и Марсятского рудников, увенчались успехом. В декабре 1942 года при крайне низком уровне механизации и большой нехватке кадров, горняки Полуночного все же перевыполнили установленный им план. В результате добыча марганцевой руды в крае в 1942 году увеличилась по сравнению с 1940 годом в 12,8, а в 1943 году – в 17,5 раз.¹

Враги понимали значение уральского марганца для оборонной промышленности. 11 ноября 1942 года фашисты предприняли попытку уничтожить Полуночное. Специально оборудованные для дальних полетов самолеты должны были разбомбить его. Однако эта попытка провалилась. Часть самолетов была сбита, другая, не достигнув цели, заблудилась и погибла.²

Увеличили производство и вступившие ранее в строй марганцевые рудники Южного Урала и Казахстана. Несмотря на большие трудности с плавкой бедных местных руд металлурги освоили производство ферромарганца не только в малотоннажных доменных печах НТМЗ и Кушвинского завода, но и в большой домне ММК, что раньше считалось невозможным. Уральские металлурги совместно с учёными Уральского филиала АН СССР, впервые в практике освоили выплавку ферромарганца, феррохрома, ферросилиция и феррофосфора. Это позволило в течение войны бесперебойно снабжать ферромарганцем и другими добавками быстро растущее производство качественных сталей. Про-

¹ История народного хозяйства Урала. В 2-х ч. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. Ч. 1. С. 195.

² Антупьев А.А. Указ. соч. С. 122.

блема ферросплавов была решена. Это стало крупной победой металлургов, равной по своему значению выигрышу крупного военного сражения.

Качественные стали до войны выплавлялись в электропечах и небольших мартенах с кислым подом, так называемым дуплекс-процессом. На металлургических заводах края имелись такие агрегаты, но суммарная их мощность была невелика. В начале войны мощности электросталеплавильного передела в регионе увеличились за счёт установки эвакуированного оборудования. Однако для удовлетворения резко возросших потребностей оборонной промышленности в легированных сталях этого было явно недостаточно. Перевод ряда печей на дуплекс-процесс не дал желаемого результата, так как он был малопроизводительным. Единственным выходом из создавшейся ситуации стало освоение выплавки стали в основных мартеновских печах, в том числе на ММК, что казалось невозможным. До войны броневая сталь в крае не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах стали, учёным и металлургам, и, прежде всего, коллективу ММК, пришлось в короткий срок освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Для этого надо было не только коренным образом изменить технологию, но и перестроить мышление металлургов.

Для многих из них был аксиомой запрет на опыты с различными комбинациями металлов на металлургических агрегатах, так как всегда существовал риск их повреждения. Директор Магнитки Г.И. Носов вспоминал, что никогда даже в мыслях у них не было, что ММК придется плавить такую сталь. Нигде в мире никто не пытался это делать. Труднейшую задачу надо было решать быстро, так же быстро, как молниеносно разворачивались события на фронте.¹

Главная заслуга в решении этой проблемы принад-

¹ Слово о Магнитке. – М.: Политиздат, 1979. С. 121.

лежала магнитогорцам. Специальное “бронбюро”, в состав которого, наряду с учеными-металлургами из ЦНИИ-48 (Центральный научно-исследовательский броневой институт), вошли и работники комбината, разработало принципиально новую технологию выплавки броневой стали в мощных мартенах с основным подом. 23 июля 1941 года на ММК впервые в мировой практике была осуществлена выплавка броневой стали по новой технологии. В результате ее выпуск вырос с сентября 1941 г. по январь 1942 г. почти в 100 раз. Это произвело переворот в мировой металлургии. О значении данного события говорит тот факт, что в США получение легированных сталей в мартеновских печах с основным подом в 1942 году рассматривалось как вопрос отдаленной перспективы. Вслед за магнитогорцами выплавка легированных и броневых сталей по аналогичной технологии с помощью сотрудников ЦНИИ-48 была налажена на НТМЗ и КМК.

Однако броневую сталь мало выплавить, её надо ещё прокатать. Сделать это на ММК было не на чем, броневое стана здесь не имелось. Эвакуированный из Мариуполя крупнейший в СССР стан ещё находился в пути. Тогда главный механик Н.А. Рыженко предложил катать броневую лист на уралмашевском обжимном стане-блюминге. Риск был большой, но идею удалось успешно претворить в жизнь, и ММК начал поставлять танковую броню раньше намеченного срока. С введением в действие вывезенного с ленинградского Кировского завода броневое прокатного стана месячный выпуск брони на уральских предприятиях к январю 1942 года стал равен её полугодовому производству на всех заводах СССР до войны. Все это позволило полностью удовлетворить потребности танковой промышленности. Уральская броня по своим качествам намного превосходила немецкую.

Кроме броневой стали, металлурги Урала освоили снарядную, дисковую, автоматную, шлемовую, нержавеющую, шарикоподшипниковую и множество других качест-

венных сталей военного назначения. В течение второго полугодия 1941 года все заводы были переведены на сортament военного времени. Это осуществлялось по определенной системе разделения и кооперирования труда. Предметная специализация позволяла организовать и освоить выпуск продукции в массовом количестве даже на относительно небольшом предприятии. Во время войны специализацию края осуществляли по принципу концентрации однородного сортамента на определенных заводах, цехах, агрегатах.

Выполняя заказы оборонной промышленности, ММК за годы войны освоил много новых марок стали. Среди них были автоматные, ствольные, шарикоподшипниковые, снарядно-броневойные и др. В военное время комбинат приобрёл исключительное значение. В 1942-1944 гг. он давал стране 33% чугуна, 25% стали и проката, 56% железной руды и 30% кокса. Каждый второй танк был одет в магнитогорскую броню, каждый третий снаряд сделан из магнитогорского металла.¹

Страна имела к началу войны глубокий металлургический тыл на востоке с высокоразвитой техникой и квалифицированными кадрами. Государство и народ сумели в небывало короткий срок перестроить все металлургические предприятия на сортament военного времени, мобилизовать внутрипромышленные резервы, развернуть новое строительство и резко поднять уровень производства металла. За время войны выпуск качественных сталей на Урале значительно увеличился. В каждом танке, самолете, артиллерийском оружии, снаряде был и металл, выплавленный в Магнитогорске и Серове (этот завод стал единственным в стране изготовителем калиброванной стали). Новотагильский завод поставлял около трети всей брони для производства танков.

Процесс перестройки металлургии на выпуск сор-

¹ Великий подвиг труда. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. С. 88.

тамента военного времени потребовал не только пополнения основных средств, но и быстрого изменения специализации всего действующего оборудования.

Вводилась внутрирайонная кооперация предприятий. Верхнесалдинский завод стал производить стальные слитки для Чусовского. Кушвинский выплавлял сталь для Нижнесалдинского завода. В результате роста потребностей в качественном металле, возрос его удельный вес в процентном производстве металла на Урале. По сравнению с 1940 годом выпуск качественного проката в 1944 году вырос в три раза, достигнув 67% от общего производства готового проката.¹

В первые дни войны, наряду с выплавкой броневой стали, уральцам предстояло в кратчайшие сроки наладить его прокат. В предвоенный период прокатное производство на металлургических предприятиях края было представлено довольно широким сортаментом. Во время войны он значительно пополнился марками оборонного назначения, а главное – резко увеличился удельный вес качественного проката. В октябре 1941 года, на ММК вступил в строй эвакуированный с Украины из Мариуполя крупнейший в стране броневой стан. Производство бронелиста существенно увеличилось. Строители восстановили этот стан за 54 дня, тогда как на подобную работу по нормам довоенного времени отводилось больше года. На Новотагильском заводе был введен в действие прокатный стан, вывезенный с ленинградского Кировского завода. Всё это позволило полностью обеспечить потребности танковой промышленности. В итоге за 1940-1944 годы удельный вес качественного проката на Урале увеличился с 32,5% до 67%. В 1944 году на ММК доля этого проката составила 73%, на НТМЗ 64%, на

¹ *Осинцев А.С.* Черная металлургия Урала. – Свердловск: Кн. изд-во, 1960. С. 60; Великий подвиг труда. С. 88.

Серовском заводе 100%, на заводах Главуралмета 38%.¹

Трудности, которые испытывала черная металлургия в начале войны, усугублялись ещё и тем, что, стремясь дать больше металла, руководители заводов выделяли людей и материальные ресурсы прежде всего основным цехам, выпускавшим готовую продукцию и уделяли меньше внимания вспомогательным (внутризаводской транспорт, ремонтные цехи). В результате последние ухудшили свою работу. Загрузка ремонтных цехов военными заказами затрудняла своевременное проведение планово-предупредительных ремонтов оборудования и изготовление запасных частей. Это ухудшало состояние агрегатов, снижало их производительность. В феврале 1942 года решением ГКО ремонтные цехи заводов черной металлургии (механические, кузнечные, литейные, котельные и др.) были освобождены от выполнения заказов, не связанных с ремонтом оборудования. К изготовлению запасных частей и оборудования для чёрной металлургии были привлечены заводы машиностроения и других отраслей. Такое решение в условиях военного времени было исключительно важным. С марта 1942 года начался рост производства металла, который не приостанавливался на протяжении всей войны. Перевод экономики на военные рельсы в сложнейшей обстановке был осуществлён менее чем за год. Выпуск металла увеличивался не только за счёт ввода новых мощностей, но и за счёт лучшего использования действующих агрегатов. Крупных успехов здесь добились гиганты металлургии – Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты.

Однако принятых мер оказалось недостаточно. В феврале 1943 года ГКО принял постановление «О мерах неотложной помощи черной металлургии». Отметив, что от работы черной металлургии целиком зависит выполнение плана всеми отраслями военной промышленности, ГКО обя-

¹ *Осинцев А.С.* Указ. соч. С. 61-62.

зал все наркоматы в первую очередь выполнять заказы чёрной металлургии и обеспечивать бесперебойное снабжение ее топливом, энергией, сырьем. По утвержденному правительством плану строительства на 1943 год капитальные вложения в черную металлургию были увеличены вдвое по сравнению с 1942 годом. Особое внимание обращалось на строительство предприятий качественной металлургии. Уже в 1943 году военная промышленность страны получила от восточных металлургических предприятий в три раза больше металла, чем от всех предприятий страны в 1940 году.

Особо следует отметить Магнитогорский металлургический комбинат, который в военное время играл исключительно важную роль. Выполняя заказы оборонной промышленности, коллектив за годы войны освоил производство 100 новых марок стали и довел удельный вес качественных и легированных сталей в общей их выплавке до 83%.¹ ММК увеличил выпуск продукции на 60%, что было достигнуто как за счёт экстенсивных, так и интенсивных факторов. Коэффициент использования оборудования в связи с переходом к выплавке и прокату трудоёмких легированных сталей уменьшился. На комбинате в годы войны велось крупное промышленное строительство, капиталовложения в которое составили 749 млн. руб., то есть почти столько же, сколько за всю вторую пятилетку. В ходе строительства были введены в строй две домны и пять мартеновских печей, два прокатных стана, четыре коксовые батареи, две аглоленты, несколько новых цехов.

Основные производственные фонды комбината за это время увеличились на 57%, а численность персонала на 63%.² ММК стабильно выполнял оборонные заказы на поставку металла. В 1943 году за образцовое выполнение заданий ГКО по обеспечению военной промышленности ка-

¹ Великий подвиг труда. С. 88.

² Антufьев А.А. Указ. соч. С. 126.

чественным металлом комбинат был награждён орденом Ленина, а в марте 1945 года орденом Трудового Красного Знамени.

Перестроили работу и предприятия Главуралмета. Ценный и уникальный опыт, накопленный ими в течение многих десятилетий, высочайшая квалификация кадров и преданность делу позволили специализировать эти, в основном небольшие заводы, на производстве оборонного сортамента. Алапаевский, Нижнесергинский и Нытвенский заводы начали выдавать патронно-пульный металл, увеличился выпуск биметалла. Нижнесалдинский завод был переведён на выпуск никелевого чугуна. Чермозский – на выплавку пластичного железа, которое шло на изготовление патронных гильз. Пополнившись эвакуированным оборудованием, осуществив механизацию ряда трудовых процессов и специализировав производство, старые уральские заводы улучшили свои экономические показатели и увеличили выпуск металла для военной промышленности. Разумеется, старые заводы не определяли положение в отрасли, но и они внесли свой незаменимый вклад в общее дело Победы.

Особое значение для оборонной промышленности имело производство труб, необходимых для изготовления самолетов, танков, орудий, минометов, снарядов и др. После оккупации Украины фашистами в стране оставалось только четыре трубных завода, в том числе два в Первоуральске и один в Каменске Уральском. Основная нагрузка в снабжении фронта и народного хозяйства трубами легла на ПНТЗ, ставший крупнейшим производителем труб. Новотрубники освоили производство 129 видов минометных и шарикоподшипниковых труб, труб для авиационной, танковой, артиллерийской, нефтяной промышленности, для реактивных снарядов, наладили выпуск гранат и баллонной продукции.

В январе 1942 года завод первым среди металлургических предприятий страны за образцовое выполнение заданий правительства был награждён орденом Ленина, а в

марте 1945 года орденом Трудового Красного Знамени. Потребность в продукции завода была столь велика, что трубы приходилось отгружать военным предприятиям недостаточно охлажденными, и для предупреждения возгорания вагонов их обливали водой. За военные годы новотрубниками было изготовлено 10 млн. реактивных снарядов, 465 тыс. минометных стволов, 1 600 тыс. цилиндров для танковых моторов. Каждый второй ствол артиллерийского орудия был сделан из продукции завода.¹

В августе-сентябре 1941 года по решению правительства на Синарский трубный завод было эвакуировано оборудование девяти заводов, в то числе Днепропетровского, Ленинградского, Московского, Мариупольского и др. В исключительно короткие сроки завод был реконструирован и превращён в мощное предприятие по производству катаных, волочатых и электросварных труб, холоднокатаной стальной ленты и термообработанных пружин. За три месяца здесь наладили выпуск снарядных гильз. В пружинном цехе из особо качественной ленты ленинградские специалисты А. Хайн, К. Матвеев, Т. Шидловский и С. Ступель организовали производство тончайших пружин для взрывателей и часовых механизмов, которые до войны в СССР не производились, а закупались в Швеции. Все изготовленные в стране за годы войны автоматы ПППШ оснащались пружинами Синарского трубного завода.

Ввод новых мощностей в Первоуральске и Каменске Уральском, строительство Челябинского трубопрокатного завода (ЧТПЗ) позволили увеличить выпуск труб в регионе в годы войны в 5,3 раза. Удельный вес Урала в их общесоюзном производстве вырос с 7,8% в 1940 году до 76,2% в 1945 году. Следует отметить, что в 1942-1944 гг. он был ещё выше, ибо регион производил весь сортимент труб, необ-

¹ Антупьев А.А. Указ. соч. С. 135.

ходимых военной промышленности.¹

Остро встала во время войны и проблема метизов. В результате эвакуации заводов из европейской части страны производство этой продукции за 1940-1942 годы сократилось более чем в четыре раза. Частично проблема метизов была решена путём размещения на Урале оборудования эвакуированных метизных заводов. Однако этого было недостаточно. По заданию Наркомчермета бригада Гипромеза спроектировала ряд подобных предприятий. В 1942 году по её проектам были построены три метизных завода в Магнитогорске. В результате лента холодной прокатки, стальные канаты, металлические сетки, стальная и железная проволока, производились на пяти специализированных предприятиях, в том числе на Ревдинском и трёх вновь построенных заводах в Магнитогорске: калибровочном, метизно-металлургическом и сеточном. Были значительно расширены мощности Белорецкого сталепроволочного и канатного заводов. К изготовлению метизов были привлечены многие металлургические предприятия. В результате производство возросло. Уральские заводы делали такие высококачественные метизы, как пружинная проволока тончайшего волочения для предприятий точной механики и телефонных заводов, лента холодной прокатки, стальные канаты, пружины, металлические сетки и проволоку.

В годы Великой Отечественной войны на Урале производилось 60% черных металлов и 40% военной продукции. Всего за годы войны на Востоке при участии проектных организаций было введено 10 доменных, 32 мартеновские и 16 электросталеплавильных печей, 2 конвертора, 15 прокатных и 6 трубопрокатных станов, 16 электроферросплавных печей и 13 коксовых батарей. Однако расширялись не только действующие металлургические заводы, но и создавались новые крупные предприятия: Челябинский

¹ *Осинцев А.С. Указ. соч. С. 62.*

металлургический и трубопрокатный, Магнитогорский калибровочный, Актюбинский и Кузнецкий ферросплавные заводы и др.

Однако это было бы невозможно, если бы накануне войны на Урале в г. Свердловске как крупном промышленном центре не была бы создана крупная проектная организация, способная в комплексе обслуживать проектные нужды заводов. Так по приказу НКЧМ СССР от 1 февраля 1939 года был воссоздан Уралгипромез. Уже в июле 1941 года Уралгипромез Главуралмета, численностью 173 сотрудника, объединился с Гипромезом г. Ленинграда, прибывшим в г. Свердловск по распоряжению Наркомчермета в «длительную командировку». Объединенный институт разместился в здании Уральского индустриального института им. С.М. Кирова. В доме промышленности размещался в октябре–декабре 1941 года аппарат Наркомчермета СССР, а затем его оперативная группа во главе с заместителем наркома. К 1942 году определилась организационная структура института: дирекция, центральный аппарат численностью 500 человек в г. Свердловске и филиалы в Магнитогорске, Челябинске, Нижнем Тагиле, Кузнецке, Ленинграде и Орске. Кроме того, бригады института располагались в Первоуральске, Кушве, Каменске Уральском, Челябинске, Верхней Салде, Лысьве и Алапаевске. Всего в центральном аппарате института, его филиалах и бригадах работало 1300 чел.

В годы Великой Отечественной войны институт выполнял и перевыполнял установленные ему плановые показатели на всех стадиях проектирования предприятий черной металлургии страны в соответствии с поручениями ГКО, СНК СССР и Наркомчермета. В конце войны, в марте 1944 года, Гипромез был эвакуирован обратно в Москву, а в Свердловске вновь был организован филиал.¹

¹ Уралгипромез: от Уралпроектбюро до Уралгипромеза наших дней. – Екатеринбург, 1995. С. 1-19.

В годы войны произошли существенные изменения в сортаменте металлургической продукции. Резко, почти в три раза, сократилось производство кровельного, динамного и трансформаторного железа, производство тонкого листа возросло в четыре раза. Выпуск среднего и толстого листа увеличился почти в 9 раз. По сортопрокатным станам резко сократилось производство металла строительных профилей. Вместе с тем возросло производство качественного сортового проката военного назначения.

Все это свидетельствовало о способности уральской металлургии быстро перестроиться на работу в условиях военного времени. Металлурги освоили множество новых марок металла, профилей проката и ферросплавов. Большим достижением наших учёных и производственников явилась организация выплавки легированных сталей в крупных мартеновских печах, что позволило увеличить выпуск металла на единицу мощности печей по сравнению с кислым процессом в два раза. Был значительно расширен на уральских заводах и сортament труб, который уже в 1943 году покрыл все оборонные нужды страны.

Переходу на массовый выпуск вооружений содействовал техническому прогрессу в индустриализации края. Централизация и специализация производства, крупносерийное и массовое изготовление продукции позволили заводам применять самые передовые, а иногда и неизвестные в мировой практике технологические методы, механизировать трудоёмкие операции. Значительные масштабы приобрела модернизация механизмов и агрегатов. Производительность металлургических агрегатов за время войны настолько возросла, что стала объектом специального изучения некоторых американских научно-исследовательских институтов.

Перестройка металлургических заводов на новый сортament, значительное увеличение производства металла потребовали большого количества квалифицированных кадров. Характер используемой в войне техники, предъявлял повышенные требования к работникам, её выпускавшим. На

Урале широко развернулась подготовка новых квалифицированных кадров в системе трудовых резервов (школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища), а также индивидуальное и бригадное ученичество непосредственно на производстве, производственный инструктаж, курсы техминимума, стахановские и технологические школы, обучение вторым и смежным специальностям. Большую роль в формировании индустриальных кадров Урала сыграли специалисты, эвакуированные из западных районов страны. Для сохранения кадрового корпуса в военной промышленности применялось бронирование (освобождение от призыва в армию). На Урале в годы войны было распространено множество патриотических начинаний и движений.

Во время войны были сокращены сроки подготовки квалифицированных молодых рабочих. На первых порах сыграла определенную роль система ФЗО, которая к началу войны помогла большому количеству молодежи, не подлежавшей по возрасту военному призыву, овладеть массовыми специальностями. Однако основной формой подготовки новых кадров стало индивидуальное и бригадное обучение непосредственно на производстве. Тысячи рабочих проявили подлинный патриотизм, стремясь в кратчайшие сроки овладеть профессией и перевыполнить установленные нормы выработки, чтобы своим трудом внести вклад в разгром врага.

В годы войны в отраслях тяжелой индустрии, и особенно оборонной промышленности, был сохранён костяк кадровых рабочих и служащих. В армию было призвано сравнительно небольшое число квалифицированных рабочих. Успешно была решена проблема обеспечения промышленности рабочей силой. Значительный недостаток её в важнейших отраслях промышленности края наблюдался в течение лишь первого года войны. Потребности уральской промышленности были в основном удовлетворены уже к середине 1942 года. Благодаря организованной системе под-

готовки и распределения рабочей силы военное хозяйство СССР не испытывало серьезных затруднений от её недостатка. Только на ММК за время войны 18 тыс. новых рабочих повысили квалификацию. Всего за годы войны на комбинате техническое обучение прошли 61,6 тыс. чел., в том числе: индивидуально-бригадным методом 6,7 тыс., курсовым 11,4 тыс., через стахановские школы 18,5 тыс., целевые курсы 24,3 тыс., курсы мастеров 0,5 тыс. Всего по предприятиям Главуралмета за годы войны сеть технического образования обучила 123 тыс. чел.¹

Техническое обучение как метод повышения квалификации кадров проводилось в непосредственной связи с решением производственных задач. Большое внимание уделялось пропаганде и распространению передовых методов труда и вовлечению рабочих в социалистическое соревнование. В годы войны уральские металлурги, как и трудящиеся всей страны, показали высокие образцы самоотверженного труда. На ММК 49% общего числа рабочих были стахановцами и ударниками, по Главуралмету эта цифра составила 54%.²

Исключительно большую роль в формировании индустриальных кадров Урала сыграли десятки тысяч эвакуированных рабочих и ИТР, которые принесли с собой высокую производственную культуру, богатый технический и организационный опыт. На ряде предприятий эвакуированные рабочие и служащие образовали ядро, вокруг которого складывались коллективы, успешно осваивавшие новые для региона производства. Проблему обеспечения индустриального сектора рабочей силой помогала решать система трудовых повинностей, мобилизации, использование труда заключенных, спецпереселенцев и военнопленных. Плановая мобилизация в промышленности и строительстве, которая

¹ *Осинцев А.С.* Указ. соч. С. 62-63.

² Там же. С. 63.

стала проводиться с февраля 1942 года среди трудоспособного городского населения, достигшего 14-летнего возраста, затем была распространена и на сельское население.

Основной сферой использования несвободного труда были наиболее трудоемкие отрасли экономики. Наркоматом обороны и НКВД СССР была создана трудовая армия. Она имела несколько разновидностей своих подразделений: стройбатальоны, рабочие колонны, лагеря советских немцев и др. Наряду с ними, на Урале было много военнопленных и интернированных. К лету 1945 года их число составило в крае 250 тыс. чел. Их труд использовался на лесозаготовках, шахтах и в строительстве.¹

В годы Великой Отечественной войны для промышленности Урала была характерна высокая производительность труда. Если в среднем по стране она выросла за 1940-1945 гг. на 14%, то на Урале – на 111%.² На ММК в течение всей войны рабочие постоянно перевыполняли нормы. В 1941 году средний процент выполнения норм составлял 129,8%, в 1942 г. – 129,9%, в 1943 г. – 132,3%, 1944 г. – 134,7%. По заводам Главуралмета среднее выполнение норм составило в 1941 г. – 121%, в 1942 г. – 123%, в 1943 г. – 123%, в 1944 г. – 124%, и в 1945 г. – 128%.³

Успех мобилизации уральской металлургии на нужды фронта во многом зависел также от предварительной подготовки, глубоко продуманного планирования всех мероприятий по перестройке заводов. Металлургические предприятия получали ежемесячные планы, в которых точно указывались сроки ввода в эксплуатацию новых объектов, поставок оборудования, сырья, материалов, полный сортимент готовой продукции и сроки её отгрузки. Заводам пред-

¹ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск: ЧГАУ, 1995. С. 15-30.

² История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 231.

³ Осинцев А.С. Указ. соч. С. 63-64.

писывались технические условия на изготовление новых видов продукции. Давались инструкции по технологии производства, устанавливались требования специализации по кооперированию производства.

В годы войны Урал стал сырьевым центром черной металлургии. В 1942-1944 гг. на его долю приходилось от 83 до 90% всей добываемой в стране руды. Для увеличения ее добычи в регионе велись широкие работы по реконструкции и наращиванию мощностей горнорудной промышленности. В Свердловской области только в трех основных рудоуправлениях (Высокогорском, Гороблагодатском и Богословском) были построены дробильно-сортировочная, обогащательная, агломерационная и промывочная фабрики, четыре шахты и три рудника. Резко возросло производство высококачественной руды. Если до войны агломерат выпускал только Гороблагодатский рудник, да и то в небольших объемах, то в 1942 году у горы Высокой был поставлен комбинат, который стал вырабатывать из местной руды, исключительно богатой железом, но содержащей много серы, отличное сырье для металлургической промышленности. За время войны он дал около 1,7 млн. *т* агломерата. Доля высококачественной руды на руднике увеличилась с 33,7% в 1942 г. до 95% в 1945 г.¹

Особое значение для черной металлургии страны имела работа Магнитогорского горнорудного управления. В 1942-1944 гг. оно давало каждую вторую тонну руды, добытую в стране, и 60% её региональной добычи. В годы войны возросло использование металлолома, что давало возможность увеличить расход металлической стружки в шихте доменных печей. На ММК вес металлодобавок в ней вырос за 1940-1944 гг. в 2,6-3,2 раза. Наряду с более широким

¹ Сталь для победы. – М.: Мысль, 1983. С. 139-140, *Васильев А.Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. – М.: Наука, 1982. – 279 с.

применением в доменном процессе агломерата и богатых руд, это был один из самых доступных способов, с помощью которого уральские металлурги повышали производительность печей, при росте добычи железной руды в регионе в 1940-1945 гг. на 38% выпуск чугуна увеличили на 88%.¹

Высокие темпы развития чёрной металлургии были обусловлены ещё и тем, что отрасль имела мощное коксохимическое производство, созданное во время войны в результате форсированного строительства в регионе 11 коксовых батарей. Четыре батареи вступили в строй на ММК, две – на ЧМЗ, две – на Губахинском и три – на Нижнетагильском коксохимическом заводах. В итоге выжиг кокса на Урале непрерывно рос и в 1945 году превысил уровень 1940 года в три раза.

За время войны в чёрной металлургии края произошли такие кардинальные изменения, на которые при довоенных темпах развития ушли бы многие годы. Завершив переориентацию на выпуск продукции военного назначения, отрасль уже в середине 1942 года превратилась в металлургию качественных сталей, став прочным фундаментом обороной промышленности страны. Осваивая новые производства, уральские металлурги проделали большую работу по внедрению прогрессивной техники и технологии, механизации и автоматизации труда. На заводах были созданы специальные бюро механизации или инициативные группы по рационализации и механизации. Был механизирован ряд трудоемких работ по транспортировке, разгрузке-погрузке сырья, топлива, полуфабрикатов и готовой продукции за счёт установки стационарных и передвижных транспортеров, экскаваторов, кранов, перевода вагонеток с конной тяги на электрическую. Только за счёт внедрения малой механизации на 22 металлургических предприятиях Урала в во-

¹ Антупьев А.А. Указ. соч. С. 141.

енное время были высвобождены 4 тыс. рабочих.¹

К концу войны улучшилось применение автоматики для регулирования теплового режима доменных, мартеновских и нагревательных печей. На ММК терморегуляторы температурного дутья доменных печей работали без перебоев. На автоматике действовали печи № 1 и 2 НТМЗ. Однако в мартеновских цехах она использовалась недостаточно, особенно на НТМЗ, где цех был захламлен, загазован, печи плохо уплотнены, своды регенераторов не изолированы, месяцами не действовали вентиляторы принудительного дутья. Здесь отсутствовали условия не только для применения автоматики, но и для нормальной работы мартенов. Автоматизация давала возможность равномерно эксплуатировать металлургические печи, избегать неизбежных при работе “на глазок” периодических поджогов и перегрева регенераторов, экономить топливо, увеличивать производительность и срок службы печей. Применение автоматизации поднимало техническую культуру металлургов.

Тяжелая индустрия, созданная в период довоенных пятилеток на востоке страны и усиленная в годы войны, приняла на себя основную нагрузку по обеспечению фронта боевой техникой, вооружением и боеприпасами, развивались высокими темпами. Если в 1938-1940 гг. среднегодовой прирост промышленного производства в крае составлял 16%, то в военные годы он достиг 50%. По темпам и объёмам промышленного производства Урал в годы Великой Отечественной войны превратился в наиболее мощный индустриальный регион и занял первое место среди других экономических регионов страны.²

Были существенно увеличены мощности ММК, Чусовского, Златоустовского и других металлургических предприятий. В короткий срок были построены крупные метал-

¹ *Антуфьев А.А.* Указ. соч. С. 145.

² Там же. С. 158.

лургические заводы: Челябинский и Чебаркульский. Черная металлургия региона за годы войны увеличила выпуск чугуна на 58%, стали на 56%, проката на 57%, стальных труб на 430%. Увеличение производства металлургической продукции было достигнуто, прежде всего, за счёт строительства в крае на новейшей технологической базе и ввода в эксплуатацию 10 доменных, 32 мартеновских, 16 электро-, 16 ферросплавных печей, 2 бессемеровских конверторов, 12 прокатных и 6 трубопрокатных станов¹, которое составило от 85 до 100% всех металлургических агрегатов, введенных в строй за время войны на востоке СССР. Некоторое сокращение выпуска чугуна, стали и проката, имевшее место в 1942 году, объяснялось интенсивным приспособлением отрасли региона к потребностям войны, освоением выплавки и проката сложных и трудоёмких высоколегированных сталей. Не было таких видов военной продукции, которые бы не изготавливались на Урале.

Табл. 1.

**Динамика производства черных металлов
на Урале в годы войны²**
(%% к общесоюзному производству).

<i>Продукция</i>	<i>1940</i>	<i>1941</i>	<i>1942</i>	<i>1943</i>	<i>1944</i>	<i>1945</i>	<i>1945 к 1940 в %</i>
Чугун	18,2	25,3	65,3	65,9	62,6	58,1	188,4
Сталь	21,4	27,0	56,1	57,3	53,0	53,0	165,5
Прокат	21,6	27,7	58,2	57,5	52,8	51,6	154,9
Трубы стальные	7,1	19,2	86,8	89,1	-	65,1	638,8

¹ Горшков А.А. Основные этапы развития уральской черной металлургии за два с половиной века ее существования // Труды УПИ им. С.М. Кирова. Сб. 40. – Свердловск, 1957. С. 46.

² Антупьев А.А. Указ. соч. С. 140.

О значении Урала как главного арсенала Красной Армии свидетельствуют оценки его значения и союзниками, и врагами. Так, американский генерал Г. Томас писал, что поражение Советского Союза на чисто экономических основах может стать реальностью только после захвата или разрушения промышленных зон Урала. Рейхсминистр вооружений А. Шпеер докладывал Гитлеру в апреле 1943 года, что назрела потребность в подготовке новой операции против Урала. События и данные разведки свидетельствуют о выдвижении этой промышленной зоны на роль основной кузницы боевой мощи Красной Армии, и нужны все усилия, чтобы парализовать Урал.¹ Но враги были бессильны изменить ситуацию.

В годы войны на Урале производилось до 90% железной руды, около 70% марганца. Такие металлы, как алюминий, никель, хром, платина, добывались только на Урале. В эти годы оборонное производство в крае выросло в шесть раз. На долю региона приходилось около 40% всей продукции военной промышленности страны, а тяжёлых танков – все 100%.² Исключительная роль Урала в Великой Отечественной войне была обусловлена наличием в его недрах богатейших и разнообразных минерально-сырьевых ресурсов стратегических полезных ископаемых. В годы войны край стал основным арсеналом страны по обеспечению фронта современной военной техникой и боеприпасами.

Источники и использованная литература:

1. *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т истории и археологии. 1992. – 336 с.

¹ Урал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1995. С. 7.

² *Зубрилов Л.Е., Дементьев И.В.* Вклад горнорудного Урала в победу в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. – Екатеринбург: УГТГА, 1995. С. 3-4.

2. *Васильев А.Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. – М.: Наука. 1982. – 279 с.
3. Великий подвиг труда. – Челябинск: Юж-Урал. кн. изд., 1970. – 430 с.
4. *Горшков А.А.* Основные этапы в развитии уральской черной металлургии за два с половиной века ее существования // Из истории черной металлургии Урала. Труды Уральского политехнического института им. С.М. Кирова. Сб. № 40. – Свердловск, 1957. С. 7-49.
5. *Запарий В.В.* Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001. – 496 с.
6. *Зубрилов Л.Е., Дементьев И.В.* Вклад горнорудного Урала в победу в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. – Екатеринбург: УГГГА, 1995. – 160 с.
7. История народного хозяйства Урала. В 2-х ч. Ч. 1.: История народного хозяйства Урала (1917-1945). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 190 с.
8. *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., переработ. и доп. – М.: Экономика, 1970. – 391 с.
9. *Осинцев А.С.* Черная металлургия Урала. – Свердловск: Кн. изд-во, 1960. – 224 с.
10. *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск: ЧГАУ, 1995. – 184 с.
11. Слово о Магнитке. – М.: Политиздат. 1979. – 224 с.
12. Сталь для победы. – М.: Мысль, 1983. – 263 с.
13. Урал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1995. – 303 с.
14. Уралгипромет: от Уралпроектбюро до Уралгипромета наших дней. Краткий исторический обзор к 70-летию со дня основания (1925-1995 гг.). – Екатеринбург, 1995. – 42 с.

Запарий В.В.

Metallurgy of the Urals at a stage of the Great Patriotic War (1941-1945)

Data on a role of the Ural metallurgy in days of the Great Patriotic War and its contribution to business of the Great Victory are provided in article. The stage of reorganization of branch on military rails is considered. The role of the evacuated workers and capacities for strengthening of metallurgy is emphasized. Examples of introduction of new forms and methods of the organization and scientific achievements in production are shown.

Keywords: metallurgy of the Urals, Great Patriotic War, Victory, economic potential, blast furnaces, open-hearth furnaces, rolling mills, evacuation.

Каплюков В.В.

**К вопросу о коррупционных проявлениях
на Среднем Урале в годы
Великой Отечественной войны**

В статье предпринята попытка оценки и анализа на основе вновь вводимых в научный оборот архивных источников основных форм и масштабов коррупционных проявлений на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Свердловская область, Великая Отечественная война, чиновничество, коррупция, злоупотребления.

Годы Великой Отечественной войны были трагическим и суровым временем. Перед лицом фашистской угрозы граждане СССР отрешились от предвоенных обид и взаимных претензий, сплотились и выступили единым фронтом на борьбу с общим врагом. Лозунгами времени стали честь, доблесть, благородство, взаимопомощь, бескорыстное и жертвенное служение общенациональным интересам. Тем досаднее имевшие место случаи асоциального поведения части облеченных властными полномочиями чиновников, использовавших в условиях священной народной войны свое должностное положение в интересах собственного благополучия и обогащения в ущерб основной массе населения.

Вопросы злоупотреблений представителей региональной элиты в военный период, так или иначе, затрагивались в трудах уральских историков¹, однако, насколько нам извест-

Каплюков Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, Заместитель директора Центра документации общественных организаций Свердловской области по научно-методической работе.

¹ См., напр.: *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечест-

но, попыток специального исследования проблемы до настоящего времени не предпринималось. В предлагаемой статье предпринята попытка восполнения этого пробела с использованием материалов контрольных партийных инстанций.

В находящемся на хранении в ЦДООСО фонде Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Свердловской области отложились документы об имевших место на Среднем Урале в годы войны фактах коррупции, позволяющие судить если не о масштабах, то хотя бы о характере наиболее распространенных злоупотреблений и степени их влияния на социально-политическую обстановку в регионе.

Так, в отчёте уполномоченного Г.П. Кулефеева о работе в июне 1941 – апреле 1942 гг. сообщалось, что в госпитале № 3415 в ходе проверки готовности эвакогоспиталей области к приёму раненых «были установлены факты хищения продовольствия и вещевого довольствия». По результатам совещания, проведенного уполномоченным с участием представителей органов здравоохранения, прокуратуры и суда, к партийной и судебной ответственности были привлечены ряд работников госпиталя – временно исполнявший должность его начальника, военком, началь-

венной войны. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990; *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1992; *Корнилов Г.Е.* Война и уральское село. Проблемы демографического развития. – Екатеринбург: Уралагропрогресс, 1993; *Вольхин А.И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2001; *Палецких Н.П.* Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск: ЧГАУ, 2007; *Соловьева В.В.* Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2011; и др.

ник продовольственного снабжения, начальник финансовой части и два кладовщика.¹

По сведениям Тугулымского районного отделения милиции, в период с марта 1942 года имели место факты незаконного расходования райпотребсоюзом пшеничной муки, смолотой из 18 тонн зерна, полученного по наряду областной конторы «Заготзерно» для оказания помощи семьям фронтовиков. На фоне демагогического требования райкома партии и райисполкома к председателям колхозов «производить расход хлеба исключительно на детей семей призванных в РККА ежедневно... по 240 гр[аммов] мукой на каждого ребенка» районными начальниками включая секретарей райкома и председателя райисполкома, а также их окружением (в том числе водителями и т.п.), было получено от 10 до 100 кг каждым, тогда как на семьи красноармейцев выдавалось муки, как правило, не более 5-6 кг. Наводит на размышления факт отказа в апреле 1943 года областного прокурорского начальства от рассмотрения представленных органами внутренних дел материалов под предлогом истечения срока давности имевших место злоупотреблений.²

6 июля 1942 года Г.П. Кулефеевым была направлена на имя Председателя КПК при ЦК ВКП (б) А.А. Андреева и в обком ВКП (б) – с просьбой о рассмотрении – справка «О результатах проверки заявления тов. [фамилия нами опущена – В.К.], сигнализировавшего о фактах участия партийных и советских руководителей Артинского района Свердловской области в «растраниживании фондовых товаров».

В справке указывалось, что в ходе проверки заявления на месте большинство изложенных в нём фактов нашли подтверждение. Контролёрами было установлено, что

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 236. Оп. 5. Д. 148. Л. 93.

² Там же. Д. 130. ЛЛ. 85-85 об.

руководители района, включая всех секретарей райкома партии и председателя райисполкома, не только не препятствовали сложившейся практике растранижирования фондируемых продуктов и промтоваров путём их выдачи «по заранее составленным спискам районного актива», но и сами «являлись участниками растранижирования, неограниченно получая продукты почти из всех торгующих организаций в районе». С января по июнь 1942 года за счёт фондов, выделенных для снабжения рабочих и служащих завода металлоизделий, только в магазине № 21 руководителями района было незаконно получено по запискам и спискам 144 кг мяса, 104 кг масла, 60 кг сахара, 39 кг мыла и 110 м хлопчатобумажных тканей. В апреле того же года из 289 кг белой муки, поступившей в сельпо «для соцбытовых организаций», между 11 руководителями района было распределено 150 кг, тогда как детским садам и яслям было выдано 8 кг, на 100 семей жён командного состава – 28 кг, в столовую и больницу – 35 и 50 кг соответственно. Из этих же фондовых продуктов, отмечалось в справке, отпускались продукты в ресторан закрытого типа. В мае из 396 литров вина, поступившего в магазин леспродторга для рабочих лесосплава, руководителям района было выдано 115 литров. При этом общественное питание рабочих и служащих, отоваривание продовольственных карточек и колхозная торговля были организованы в районе плохо.¹ Решением бюро обкома от 20 июля 1942 года районные партийный и советский руководители, а также председатель райпотребсоюза, были освобождены от занимаемых должностей.²

О вероятном наличии злоупотреблений при распределении продуктов в строительной колонне № 782/749 Нижне-Исетского стройуправления Особой строительномонтажной части «Уралтяжстрой» Наркомстроя СССР свиде-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 126. ЛЛ. 60-63.

² Там же. Д. 127. Л. 100.

тельствуют данные докладной записки Г.П. Кулефеева в КПК при ЦК ВКП (б) (копия – В.М. Андрианову) от 17 августа 1942 года. Как отмечал уполномоченный, на строительстве Уралхиммаша сложилась порочная практика снижения норм выдачи хлеба либо лишения пищи вообще в отношении работников, не выполнявших производственные нормы, а также не выходивших на работу, в том числе по уважительным причинам. «Куда этот хлеб потом поступал, установить... не представилось возможным из-за отсутствия какого-либо учета»¹, – отмечалось в справке. Заметим попутно, что бюро обкома партии, осудив практику лишения рабочих пищи и снижения норм выдачи хлеба как «произвол», не настояло на расследовании вопроса о судьбе изъятых таким образом из оборота продуктов.

Суровому общественному осуждению подвергся летом 1942 года начальник ремонтно-строительной конторы № 680 Наркомстроя, вызвавший возмущение коллектива пьянством, нечистоплотностью и бездеятельностью на доверенной ему должности и уволенный 11 августа «без шума... в связи с переходом на другую работу» с выплатой премии в размере полуторамесячного оклада. В обращении секретаря парторганизации Берсенева к уполномоченному отмечалось, что руководитель неделями не появлялся на работе, пьянствовал; использовал для обработки собственного огорода труд подчиненных; получая полный сухой паёк, бесплатно столовался в рабочей столовой; пользуясь тем, что рабочие колонны работали на обувной фабрике, «справил» себе хромовые сапоги, получил кожу на пальто и обувь, и это при том, что «рабочие стройколонны из-за отсутствия обуви не выходили на работу по 15-20 чел[овек] ежедневно».² «Мы считаем, что прогульщик – предатель родины. Такие люди должны быть наказаны со всей

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 127. Л. 126.

² Там же. ЛЛ. 133-134.

строгостью советского закона вместо премирования», – требовали авторы реплики «За что премировали прогульщика??» в Боевом листке стройуправления.¹

Мелкие, но от этого не менее отвратительные, факты злоупотребления должностным положением руководящих работников и специалистов, были отмечены в докладной записке контролера Костиковой от 25 августа 1942 года, посвященной вопросам сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в хозяйствах Слободо-Туринского района. В записке приводились факты забоя здорового скота под видом выбракованного с передачей мяса руководителям колхоза «и еще куда-то на сторону»²; массового забоя животных и птицы с продажей мяса районным чиновникам вплоть до первого секретаря райкома ВКП (б)³ и самоснабжением специалистов хозяйств.⁴ Решением бюро обкома руководители района были привлечены к строгой партийной ответственности, а заведующий районным заготовительным отделом был освобожден от занимаемой должности.⁵

23 ноября 1942 года Г.П. Кулефеевым была получена докладная записка «О пренебрежительном отношении руководителей Петрокаменского райпромкомбината к бытовым нуждам рабочих», подготовленная по результатам проверки коллективного заявления работников предприятия. Как выяснилось в ходе проверки, на фоне бездушного отношения к нуждам рабочих, стахановцев, надомников и семей фронтовиков администрация комбината активно занималась «самоснабжением». Так, полученные магазином в октябре 73 кг колбасы, 25 кг конфет и 13 кг масла руко-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 127. Л. 134а. «Боевой листок». № 47/297, 1942, 23 сентября. Копия.

² ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 127. Л. 156.

³ Там же. Л. 157.

⁴ Там же. ЛЛ. 160, 161.

⁵ Там же. ЛЛ. 166.

водители промкомбината (10 человек во главе с директором и секретарём парторганизации) «скрыли от рабочих, разделив всё это между руководящим и конторским персоналом»; 25 из 40 полученных тогда же пар валенок также были распределены среди «комсостава», а ещё одной парой валенок и 150 кг картофеля была наделена «воспользовавшаяся простодушием» директора командированная в район на несколько дней сотрудница областного отдела лёгкой промышленности. «Командиры производства» распределили между собой лучшие из 90 кг поступивших на предприятие американских вещей, а «оставшееся почти совсем непригодное для носки» было выдано в качестве «подарков» стахановцам. Не чужды были руководители предприятия и коллективного пьянства с использованием спирта, выписываемого на производство для пропитки лыж. В ответ на законные претензии работниц на цеховом собрании 11 ноября директор комбината заявил, что они «брешут и им надо заткнуть глотки, что отчитываться перед рабочими он не обязан и никогда не будет, а что ему нужно из кладовой, он всегда возьмет и никого не будет спрашивать».

В целях скорейшего преодоления выявленных безобразий контролёр предлагала снять директора комбината с работы и привлечь его к строжайшей партийной ответственности; рекомендовать бюро Петрокаменского райкома ВКП (б) усилить контроль за работой предприятия и принять меры по улучшению его работы и бытовых условий трудящихся.¹ При участии командированного на место инструктора обкома ВКП (б) Родионова в первой половине декабря был реализован комплекс мер по наведению порядка на комбинате; бюро райкома его директору был объявлен выговор по партийной линии.²

В конце 1942 – начале 1943 гг. уполномоченному

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 127. ЛЛ. 111-114.

² Там же. ЛЛ. 116-118.

пришлось разбираться в склоке в руководстве Зайковского района области. В письме группы руководящих работников – сторонников снятого с работы председателя райисполкома – были высказаны претензии в адрес первого секретаря райкома, якобы расправившегося с более авторитетным руководителем по карьерным соображениям. Авторами письма подчеркивалось, что при попустительстве первого секретаря в районе имело место «разбазаривание ответработниками коров с колхозных ферм», а самоснабжение, в котором был обвинён опальный советский руководитель, «меркло перед самоснабжением работников райкома».

В ходе разбирательства выяснилось, что обе стороны конфликта были хороши: по крайней мере, в продаже с колхозных ферм по заниженным ценам 18 коров были уличены лидеры и представители обеих конфликтовавших групп. При этом первый руководитель района заявил, что «возвращать коров обратно на колхозные фермы он и другие работники райкома не намерены, т[ак] к[ак] это поведет к подрыву их авторитета перед колхозниками» (!), а за снятым с работы председателем райисполкома была выявлена задолженность государственных средств на сумму до 6 тысяч рублей, в том числе 3,5 тысячи рублей – за взятые в 1941 году из райпрокомбината без оплаты 43 вещи.¹ По представлению уполномоченного на заседании бюро обкома ВКП (б) 20 января 1943 года бывший председатель Зайковского райисполкома был исключен из партии и отдан под суд «за подделку денежных документов, присвоение государственных средств, поборничество денег и вещей у хозяйственных организаций», а первому секретарю райкома был объявлен строгий выговор с предупреждением о возможности снятия с занимаемой должности.²

В январе 1943 года с выездом на место была прове-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 127. ЛЛ. 150, 150 об.

² Там же. Л. 153 об.

дена проверка заявления члена ВКП (б) [фамилия нами опущена – *В.К.*] о злоупотреблениях управляющего Верхне-Салдинским медьпромнабом, систематически недодававшего рабочим металлургического завода промышленных товаров и продуктов и отпускавшего их «на сторону»; о незаконном получении продуктов и «выпивке спиртных напитков» заместителем председателя горисполкома. В ходе проверки были выявлены факты масштабных злоупотреблений. К примеру, при доле аппарата Медьпромснаба в численности обслуживаемого им контингента в 8,5 % его работниками в IV-м квартале 1942 года было получено 27 % поступивших валенок и 48 % мануфактуры; при этом металлургическим заводом с 40 % обслуживаемого контингента было получено лишь 25 % валенок и 3,7 % мануфактуры; незаконный отпуск продовольствия на сторону привел в октябре – декабре 1942 года к заметному снижению объёма приготовления в заводской столовой мясных блюд.¹ Решением Верхне-Салдинского горкома ВКП (б) от 12 января 1943 года чиновнику был объявлен выговор и предъявлено требование о наведении порядка в распределении товаров и общественном питании рабочих²; двумя неделями позже «за использование служебного положения в личных целях» строгий выговор с занесением в учётную карточку был объявлен заместителю председателя горисполкома.³

9 апреля 1943 года в центр (копия – В.М. Андрианову) была направлена докладная записка Г.П. Кулефеева о ходе выполнения постановления ЦК ВКП (б) от 22 января 1943 года «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» в Свердловской области», в ко-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 130. ЛЛ. 105-105 об.

² Там же. Л. 72 об.

³ Там же. Л. 104.

торой констатировалось безучётное «разбазаривание» выделенных товаров. Так, в отделе гособеспечения Молотовского района г. Свердловска был выявлен факт получения некой гражданкой 21 ордера на промтовары при том, что «десятки крайне нуждающихся семей в[оенно]служащих не получили ни одного».¹ Выделенные в феврале 1943 года Межрайторгом для детей военнослужащих 400 пар трикотажных изделий до адресатов попросту не дошли.²

В отчёте о работе в июле 1943 – июле 1944 гг. уполномоченный КПК информировал центр, что в ходе проверок хода выполнения постановлений СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 11 марта 1942 г. и 13 апреля 1943 г., было установлено, что во многих колхозах, как и прежде, при невыполнении планов развития животноводства и обязательных мясопоставок, под видом вынужденного забоя и забоя на внутриколхозные нужды имело место разбазаривание скота; более того, часть районных руководителей «сами приобретали по заниженным ценам с колхозных ферм лучший скот, причем во многих случаях... явно незаконным порядком». Такого рода факты были выявлены в Алапаевском, Арамилском, Ачитском, Белоярском, Буткинском, Зайковском, Ирбитском, Манчажском, Махневском, Нижнесергинском, Петрокаменском, Слободо-Туринском, Сысертском и других районах области³. Свердловским обкомом ВКП (б) такое поведение руководителей было решительно осуждено; секретарям райкомов и председателям райисполкомов было предписано провести соответствующие проверки и принять меры к возвращению скота на колхозные фермы; как отмечалось в информации, в ряде районов незаконно взятый скот был возвращен в колхозы. За незаконное приобретение коровы прокурор Махневского района

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 130. Л. 80.

² Там же. Л. 83 об.

³ См.: Там же. ЛЛ. 141-147.

был исключен из партии, а председатели колхозов «Ленинец» и «Красный пахарь» Ирбитского и Артинского [?] районов были привлечены к судебной ответственности.

В этом же отчёте указывалось, что в ходе проведенной в ряде районов области проверки состояния хранения и расходования хлеба были выявлены многочисленные факты его разбазаривания, причём нередко – при попустительстве и участии местных руководителей. По материалам проверки Наркоматом заготовок был издан приказ об объявлении управляющему Свердловским трестом «Главмука» – за нарушение порядка учёта хлеба госрезервов – строгого выговора; директор и главный бухгалтер Ирбитского хлебокомбината были сняты с работы и отданы под суд.²

20 июля 1943 года по итогам проверки осенью 1942 – зимой 1942/1943 гг. аппаратом уполномоченного детских домов Среднего Урала было принято постановление бюро обкома ВКП (б) «О состоянии детских учреждений в области». В ходе проверки всплыли вопиющие факты разворовывания предназначенных для детей имущества и продуктов. Февральской ревизией в Висимо-Шайтанском детдоме у ряда сотрудников были выявлены недостачи на суммы от 4 до 6 тысяч рублей; из 1310 литров молока, полученных за четыре месяца 1943 года Талицким детдомом, на питание детей было израсходовано лишь 560 литров, а остальное молоко было поделено между сотрудниками учреждения; в Алапаевском детдоме было зафиксировано только за один месяц хищение более полутоны продуктов.³ В справке на имя заместителя председателя КПК Р.С. Землячки от 14 января 1944 года о ходе выполнения постановления бюро обкома указывалось, что органами прокуратуры «были приняты меры по борьбе с расхитителями про-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 126. Л. 112.

² Там же. ЛЛ. 115-116.

³ Там же. Д. 134. ЛЛ. 65, 69.

дуктов, отпускаемых на детское питание; была проведена проверка правильности расходования продуктов питания более чем в 70 детских учреждениях.¹ Вскрытые факты растранжиривания продуктов были устранены, а виновники привлечены к ответственности.²

Социальная ситуация в регионе оставалась крайне напряженной и в конце 1943 – первой половине 1944 гг. Уполномоченным приводились сведения о злоупотреблениях в учёте и распределении продуктов, факты вопиющего бюрократизма в решении социальных проблем населения и т.п., требовавшие оперативного реагирования партийных, советских, хозяйственных, а в ряде случаев – и правоохранительных, – органов всех уровней. Ситуация усугублялась общей усталостью от войны, некоторой расслабленностью и понятным желанием части руководителей компенсировать – в том числе посредством «самоснабжения» – издержки военного лихолетья.

Так, в справке уполномоченного КПК Землянского на имя А.А. Андреева от 6 июля 1944 года «О разбазаривании фондируемых продуктов питания в ОСМЧ «Свердлпромстрой» указывалось, что с осени 1943 года в тресте «стало обычным явлением разбазаривание фондовых продуктов рабочего снабжения и государственных средств на устройство различных вечеров, банкетов, угощений и организацию широкому кругу продовольственных посылок и пайков».³ В ноябре 1943 года на вечер, организованный в связи с завершением строительства танкодрома, было истрачено 68 302 рубля, в том числе на банкет для суженного круга руководителей – 17 783 рубля. В ноябре 1943 – марте 1944 гг. уго-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 133. Л. 2 об.

² Там же. Д. 126. Л. 116.

³ Там же. Д. 135. Л. 84. Проведенной параллельно проверкой работы ОСМЧ «Уралмашстрой» (прежнего места работы руководителя ОСМЧ «Свердлпромстрой») были выявлены похожие злоупотребления, информация о которых была также направлена в КПК при ЦК ВКП (б).

щение представителей Центра, проведение вечеров по случаям вручения переходящих знамён и иных корпоративных праздников обошлось казне более чем в 118 тысяч рублей, причём, что особенно отвратительно, победы в социалистическом соревновании обеспечивались посредством масштабных приписок, а издержки празднования липовых побед покрывались за счёт талонов, выделяемых на питание стахановцев и иных передовиков производства.¹ В нарушение приказа Наркомторга СССР о выделении на улучшение питания рабочих не менее 75 % получаемых по децентрализованным заготовкам продуктов, на дополнительное обеспечение командного и руководящего состава, устройство вечеров и угощений в январе – апреле 1944 года было потрачено из этих фондов 49,2 % мяса и рыбы, 54,9 % жиров и 64,4 % круп; при этом на детское питание было использовано лишь 14,2 % выделенных мяса и рыбы, а на питание больных – 0,4 % мяса, рыбы и жиров²; по нормам литературного питания обеспечивался широкий круг работников райисполкома, милиции, военкомата, прокуратуры и т.п., не имевших к «Свердпромстрою» никакого отношения.³

По результатам проверки областным управлением милиции было проведено следствие, полностью подтвердившее факты организованного хищения продуктов. В письме Землянского заместителю председателя КПК М.Ф. Шкирятову от 10 сентября 1944 года объем хищений на предприятии в октябре 1942 – декабре 1943 гг. был оценен со ссылкой на материалы следствия в 340 тысяч рублей.⁴ В августе

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 135. ЛЛ. 85-86.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Л. 87. Аналогичная практика была вскрыта в сентябре 1944 года на заводе № 56 Наркомата боеприпасов; занятно, что в ходе проведенной параллельно проверки завода № 76 Наркомтанкопрома хищения были выявлены лишь на низовом уровне. – См.: Там же. ЛЛ. 104-113.

⁴ Там же. Л. 98.

1944 года по вопросу о масштабных хищениях в ОСМЧ «Уралмашстроя» и «Свердпромстроя» было принято специальное постановление бюро КПК при ЦК ВКП (б).¹ К уголовной ответственности были привлечены к и осуждены к лишению свободы на срок от 6 месяцев до 10 лет 12 человек; Верховный суд РСФСР отклонил апелляции осужденных и оставил приговор областного суда в силе.²

В записке Землянского от 12 февраля 1945 года на имя В.М. Андрианова «О ходе выполнения Постановления ГОКО от 22 января 1943 года “Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров” в торгующих организациях и ОРСах предприятий Свердловской области» отмечалось, что «количество растрат и хищений... после постановления ГОКО не сократилось, а возросло». По 22 проверенным торговым предприятиям Свердпромторга растраты и хищения возросли в 1944 году по сравнению с 1943 годом в 3,5 раза; только по предприятиям облпотребсоюза за первое полугодие 1944 года было вскрыто хищений на 1,55 млн. рублей, причём средний объём их возрос более чем в 3 раза (с 985 рублей в 1942 года до 2900 рублей в 1944 году).³ Особенно масштабными хищениями отметились ОРСы некоторых промышленных предприятий. За девять месяцев 1944 года по 25 ОРСам Свердловского управления рабочего снабжения Наркомлеса было вскрыто 479 случаев растрат и хищений на сумму 468 тысяч рублей; по 7 ОРСам Наркомата авиационной промышленности с 1 апреля по 1 октября 1944 года было расхищено 27 тонн муки, круп и жиров; частичной ревизией ОРСов четырёх заводов Наркомтанкопрома было выявлено разбазаривание в первом полугодии 1944 года свыше 62 тонн мяса, около 32 тонн крупы, свыше 13 тонн жи-

¹ См.: ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 135. ЛЛ. 101-102.

² См.: Там же. Л. 100-100 об.

³ Там же. Д. 138. Л. 54.

ров «и много других продуктов».¹ Что поражает особенно, так это факты неприкрытого попустительства местных руководителей в отношении проворовавшихся функционеров. К примеру, тремя последовательными ревизиями у одного из кладовщиков Висимского отделения Свердловмежрайторга были выявлены нараставшие как снежный ком растраты – от 1258 рублей в июле до 30 тысяч рублей в октябре 1944 года. По увольнении в январе 1944 года за недостачу в 2117 рублей заведующего Красноуральским отделением Межрайторга на эту же должность был назначен его брат, растративший за последующие полгода дополнительно продуктов на 57,7 тысячи рублей.² Поскольку ни один из названных работников не был привлечён к ответственности, возникает небезосновательное, на наш взгляд, подозрение о наличии у них небескорыстных и влиятельных покровителей. В пользу такого вывода свидетельствует, в частности, и тот факт, что иски по взысканию растрат на 253 тысячи рублей в ОРСах Свердловского УРСа Наркомлеса по состоянию на 12 февраля 1945 года не были оформлены, а по свердловским горторготделу, облпотребсоюзу и облторготделу на 1 июля 1944 года не было передано судебно-следственным органам 567 дел о растратах и хищениях, в том числе, 146 дел более чем полугодовой давности. Затягивание сроков расследования позволило скрыться от ответственности 75 расхитителям только из трёх названных последними торгующих организаций.³

После окончания войны у уполномоченного появилось чуть больше возможностей для внимательного рассмотрения поступающих в аппарат жалоб и обращений трудящихся. Так, в сентябре 1945 года уполномоченным Сифуровым было доложено А.А. Андрееву о результатах провер-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 138. Л. 55.

² Там же. Л. 57.

³ Там же.

ки заявлений группы прокурорских работников о непартийном поведении областного прокурора и его заместителя, в ходе которой был вскрыт целый «букет» злоупотреблений в областном прокурорском хозяйстве. Первые лица прокуратуры, «окружив себя разными сомнительными лицами и проходимцами и оказывая им неограниченное доверие, пользовались их услугами в целях самоснабжения». В торговых организациях области «в огромных количествах» приобретались в спекулятивных целях с использованием служебных бланков и печатей промышленные и продовольственные товары, алкоголь и табачные изделия. Только за девять месяцев 1945 года областным прокурором и его заместителем были перепроданы через подставных лиц, по неполным данным, добытые преступным путём промышленные товары на сумму около 37 тысяч рублей.

Не гнушались прокурорские вожди поборов и взяток, а также подношений от подчиненных прокуроров – поросят (Белоярский район), гусей (Тугулымский район), яблок (Гаринский район), эмалированной посуды (Верхне-Салдинский район), гороха, капусты и других продуктов (г. Кировград). В качестве подарков и «на хранение» принимались сервизы, картины, меха и другие ценные вещи. Особое возмущение работников прокуратуры вызвал факт присвоения заместителем областного прокурора пяти метров красного кашемира, оставшегося после обивки гроба умершего сотрудника, с последующим пошивом из этой ткани платья для собственной жены.

Асоциальное поведение руководителей в сочетании с укоренившейся практикой попустительства в отношении безобразий, творимых подчиненными, провоцировало разложение нижестоящих уровней региональной ведомственной иерархии. Главный бухгалтер облпрокуратуры был уличён в спекуляции алкоголем, помощник облпрокурора – в распитии с подсудимыми спиртных напитков, помощник нижнетагильского городского прокурора – во взяточничестве, ачитский районный прокурор – в поборах и система-

тическом пьянстве, помощник манчажского районного прокурора – во взяточничестве и шантаже. За девять месяцев 1945 года решениями партийных инстанций в области были отстранены от должностей 12 проштрафившихся районных прокуроров и их помощников, части которых, впрочем, при помощи областного начальства удалось неплохо устроиться и после увольнения.¹

По представлению аппарата уполномоченного решением бюро обкома от 10 октября 1945 года «О притуплении бдительности и злоупотреблениях в областной прокуратуре» её руководителю был объявлен строгий выговор, а заместитель облпрокурора был исключен из партии и снят с занимаемой должности.²

В декабре 1945 года аппаратом уполномоченного по поручению КПК было проверено анонимное заявление о непартийном поведении заместителя директора Нижнетагильского коксохимического завода. Решением бюро горкома ВКП (б) за формально-бюрократическое отношение к нуждам трудящихся, злоупотребление служебным положением и самоснабжение на чиновника было наложено строгое партийное взыскание; решением Наркомата чёрной металлургии директор завода и его заместитель были освобождены от занимаемых постов.³

В русле борьбы партийных органов против порождённой общей скудостью послевоенной жизни практики самоснабжения части вполне достойных хозяйственных кадров получил широкую огласку факт вопиющего нарушения руководством Урало-Сибирского округа железных дорог и Свердловской железной дороги Постановления Правительства СССР от 29 декабря 1945 года о порядке распределения заграничных подарков. Как следует из материалов со-

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 139. ЛЛ. 73-77.

² Там же. Д. 148. Л. 130.

³ Там же. Л. 131.

ответствующей проверки, в феврале 1946 года по указанию Министерства путей сообщения в Свердловск было направлено из мурманского порта «для выдачи работникам жел[езно]дорожного транспорта, работающим на открытом воздухе», 10 вагонов полученных из США носильных вещей. Несмотря на наличие «совершенно ясных и исчерпывающих указаний» о целевом назначении материальных ценностей, их значительная и лучшая часть была распределена по установленным на месте нормам среди руководящего состава; при этом рядовым работникам дороги, в том числе стахановцам, были предложены вещи «исключительно низкого качества или просто рвань», что спровоцировало даже случаи демонстративного отказа от их получения.¹

Выявленные аппаратом уполномоченного возмутительные факты стали предметом обсуждения на заседании бюро обкома ВКП (б) 1 августа 1946 года, осудившего действия железнодорожных чиновников как «неправильные и антипартийные»; было указано на необходимость возвращения несправедливо полученных вещей и их перераспределения в интересах «стахановцев, инвалидов Отечественной войны, семей погибших на фронте». По состоянию на 28 августа, – отметил уполномоченный КПК Сифуров в докладной записке на имя А.А. Андреева, – «уже возвращено свыше 400 вещей».²

Проведённый анализ источников относительно коррупционных проявлений на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны, позволяет, на наш взгляд, прийти, не претендуя на их завершенность, к некоторым предварительным выводам.

¹ ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 143. ЛЛ. 1-11.

² Там же. ЛЛ. 102, 103. С учётом того, что среди работников Управления округа было распределено 6770, а в Управлении Свердловской железной дороги – 1080 лучших новых носильных вещей, санкции высокой партийной инстанции чиновников не слишком испугали, а полученное добро возвращалось ими весьма неохотно.

1. Основными формами коррупционных проявлений на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны и сразу по её окончании являлись **перераспределение чиновниками в свою пользу с использованием служебного положения** либо примитивное **разворовывание** доверенных им фондируемых продуктов, промышленных товаров и иных материальных ценностей.

2. Масштаб коррупционных проявлений в регионе ограничивался, с одной стороны, общей скудостью военной и послевоенной жизни; с другой – обеспечивал субъектам коррупции поистине фантастическое **относительное** благополучие за счёт перераспределения ценностей, предназначенных для удовлетворения потребностей целых трудовых коллективов.

3. Основными субъектами коррупционного передела материальных ценностей выступали, как правило, руководители снабженческо-заготовительных и торгующих организаций, а также покровительствовавшие им партийные и государственные чиновники, в некоторой мере – хозяйственные руководители.

4. В ходе войны частью сформировались, частью – упорочились коррупционные связи, обеспечившие сравнительно высокий уровень защищенности их участников от декларируемых государством репрессивных воздействий.

5. По документам не прослеживаются сколько-нибудь заметные коррупционные проявления со стороны руководящих кадров крупной промышленности и сельскохозяйственного производства, принадлежавших, по нашей оценке, к «золотому фонду» аскетической административно-командной системы управления экономикой.

6. В изученных документах не нашли отражения, за малым исключением, факты коррупции областных партийно-советских и хозяйственных руководителей, что – при единой природе всех этажей партийно-государственной иерархии – позволяет предположить возможность наличия до-

кументальных свидетельств проявлений подобного рода в архивных фондах общенациональных партийных инстанций.

7. Обращает на себя внимание факт нарастания масштаба коррупционных проявлений от начала войны к её окончанию, связываемый нами с диверсификацией интересов социума в условиях приближения победы и снижения уровня объединявшей нацию общей угрозы.

8. Нарастание отчуждения между привилегированными слоями и основной массой населения к концу войны обусловило нарастание социальной напряженности вплоть до неоформленного социального протеста.

9. Попытки противодействия коррупции со стороны общенациональных и региональных партийных органов, уполномоченных государственных структур приводили лишь к частичным успехам, не имевшим серьезной перспективы в условиях нерыночной системы хозяйствования.

Источники и использованная литература:

1. ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 236. Оп. 5. Д. 126. Л. 60-63, 112, 115-116; Д. 127. Л. 100, 111-114, 116-118, 126, 133-134, 134а, 150, 150 об., 153 об., 156, 157, 160, 161, 166; Д. 130. Л. 72 об., 80, 83 об., 85-85 об., 104, 105-105 об., 141-147; Д. 133. Л. 2 об.; Д. 134. Л. 65, 69; Д. 135. Л. 84, 85-86, 87, 89, 98, 100-100 об., 101-102, 104-113; Д. 138. Л. 54, 55, 57; Д. 139. Л. 73-77; Д. 143. Л. 1-11, 102, 103; Д. 148. Л. 93, 130, 131.
2. *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1992. – 336 с.
3. *Вольхин А.И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2001.
4. *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. – Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. – 174 с.
5. *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 196 с.
6. *Палецких Н.П.* Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск: ЧГАУ, 2007. – 167 с.

7. Соловьева В.В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2011.

Kaplyukov V.V.

To a question about corruption manifestations on Middle Urals during the Great Patriotic War

In this article, on the basis of the archival sources which are for the first time introduced into scientific circulation, an attempt of an assessment and the analysis of the main forms and scales of corruption manifestations on Middle Urals during the Great Patriotic War are made.

Keywords: Sverdlovsk region, Great Patriotic War, officials, corruption, abuses.

Ильченко В.Н.

Русская Православная Церковь и советское государство в годы Великой Отечественной Войны

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями государственно-конфессиональных отношений в СССР в годы Великой Отечественной Войны, позиция РП, правительства, партии, руководителей и государства. Поднимаются проблемы положения религиозных организаций на оккупированных фашистами территориях, тактические и стратегические цели вероисповедной политики Советского государства.

Ключевые слова: Русская православная Церковь, Великая Отечественная война, митрополит Сергей, государственно-конфессиональные отношения, репрессии против священнослужителей.

В последнее время в связи с глубоким общественно-политическими преобразованиями наметились положительные тенденции в исследовании характера взаимоотношений между православной церковью и государством в период Великой Отечественной войны. Выявляются новые методологические подходы, предпринимаются попытки осуществить беспристрастный анализ важных юридических проблем. Особого внимания в этой связи заслуживают вопросы государственно-церковных отношений.

Обратимся к некоторым из них. К началу войны по-прежнему число верующих оставалось значительным. По всесоюзной переписи населения 1937 года, единственный раз зафиксировавшей отношения к религии, из 98,4 млн. человек в возрасте 16 лет и старше неверующими считали себя 42,2 млн. человек (42,9%), а верующими 56,2 млн. че-

Ильченко Вера Никитична – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой права и методики его преподавания Уральского государственного педагогического университета, доцент.

ловек (57,1%), верующих православных христиан среди них было 41,6 млн. человек (74% верующих в СССР). Относительно большое число верующих было среди женщин и, особенно, среди сельского населения.¹ Материалы переписи свидетельствовали о традиционной верности христианской вере.

Ни для кого не секрет, что на момент начала войны отношения государства и Церкви в Советском Союзе переживали глубочайший кризис. По сути дела, государственная политика в период между Гражданской и Отечественной войнами была ориентирована на полное вытеснение Православной церкви, как, впрочем, и других религиозных конфессий из общественной жизни. Теперь уже очевидно, что за всю историю существования Государства Российского два десятилетия, которые предшествовали Великой Отечественной войне, были временем жесточайших гонений и преследования православия, которые представляли собой результат именно целенаправленной политики государства. Разразившаяся на этом фоне самая страшная и разрушительная за всю историю человечества война стала грозным напоминанием нашему народу о том, что недопустимо предавать забвению веру отцов и заветы предков.

«По данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, только за период 1937-1941 гг. было репрессировано 175 800 представителей православного духовенства, из которых расстреляно – 110 700. Следует отметить, что наряду с православными священнослужителями, монахами и монахинями эти цифры включают в себя псаломщиков, послушников и послушниц, церковных старост, многих членов семей духовенства, а также представителей немногочисленного обновленческого духовенства и тем самым дают основание утверждать,

¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. – М. Институт истории СССР АН СССР, 1991. – 239 с.

что политика церковного геноцида обрушивалась не только на духовенство, но и мирян. Согласно планам сталинского руководства, к концу 1942 года в стране должны были исчезнуть любые формы организованной религиозной жизни.

Поэтому вполне закономерно, что в трагическом контексте происходящих гонений на Церковь нападение нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 года не могло быть воспринято однозначно представителями русской церковной иерархии».¹

Русская Православная церковь с первых же дней войны начала разворачивать активную патриотическую деятельность. В обращениях, проповедях, посланиях церковных иерархов выражалась моральная помощь и поддержка государству и гражданам со стороны Церкви. Наряду с призывами к консолидации, они разъясняли позицию Церкви по отношению к немецким захватчикам.

Нет сомнения в том, что в годы войны религиозность населения заметно возросла как среди гражданского населения, так и в войсках. Тяготы войны, с одной стороны, и поддержка Церковью растерявшихся и упавших духом, дававшая утешение в скорби и силу в тяжелые годы испытаний, с другой, вызвали участие в церковной жизни значительных групп людей, ранее совершенно индифферентных к религии.²

В этой связи важным является отношение к войне Русской Православной Церкви выразившееся уже в первый день войны в послании митрополита московского и коломенского Сергия.³ Он обратился к народу 22 июня 1941 года

¹ Митрофанов Г. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. – М.: Арета, Лепта Книга, 2011. С. 67-68.

² Одинцов М.И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Российская академия государственной службы (РАГС), 1995. С. 184.

³ Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. – М.: Изд-во Моск. патриархии, 1943. С. 4.

в день праздника всех святых земли русской. Его пасторское послание было разослано по всем приходам. Это было нарушение действовавшего закона, согласно которому запрещалось всякая церковная деятельность вне церковных стен, как всякое вмешательство в государственные дела. В своем послании Сергей пишет: «Мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охватив весь земной шар, до нас не дойдет. Православная церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и теперь благословляет и предстоящий народный подвиг».¹ Он напомнил народу о героях, которых воодушевляло чувство долга перед своей страной и церковью. Сергей убеждал священников не оставлять своих прихожан, и тем более не предаваться размышлениям о возможном переходе на другую сторону фронта, что было бы по его словам «изменой Родине и своему пасторскому долгу». Это явный намек на то, что после ужасов и преследований мысль об этом многим могла бы показаться соблазнительной. В литературе, к сожалению, встречается мнение о том, что митрополит Сергей определил патриотическую позицию под страхом репрессий со стороны государственных органов². Опровергая эти домыслы Сергей писал, что он из любви к Родине и народу без чьих-либо просьб и тем более принуждений всячески противился фашизму и порабощению им нашей страны. Сергей говорит, что люди, заявляющие противное живут корыстными целями и эгоистическими интересами, а не интересами церкви. При этом митрополит вспоминал, что «нам не приходилось даже задумываться, о том какую позицию должна занять наша церковь во время войны».³ Через четыре дня он отслужил в патриаршем Соборе благодарственный молебен, после кото-

¹ Русская Православная Церковь. Сбор. церковных документов. С. 4.

² Корзун М.С. Русская православная церковь, 1917-1945 годы. – Минск: Изд-во «Беларусь», 1987. С. 93.

³ Журнал Московской Патриархии. – 1943. № 1. С. 7.

рого произнёс проповедь, содержащую намёк на то, что положение в Советском Союзе неблагоприятно: «Пусть грянет буря, мы знаем, что она принесет не только несчастья, но и облегчение, она очистит воздух и унесет ядовитые испарения. Мы уже видим некоторые признаки очищения». Это было началом активного участия Сергея и возглавляемой им церкви в патриотической борьбе.

В октябре, когда немцы стояли вблизи Москвы Сергей выступил с посланием, осудившим тех священнослужителей, которые, оказавшись под оккупацией, начали активно сотрудничать с немцами. Весьма важными и требующими особого внимания представляются в этой связи вопросы, связанные с положением Русской Православной Церкви на оккупированной территории. Не секрет что фашизм нуждался в религиозном оправдании и использовал для освящения своего положения христианство. Об этом говорить в изданной в Московской патриархии в 1942 году книге «Правда о религии в России», которая вышла одновременно на нескольких языках. К сожалению, в Советском Союзе в продажу поступило небольшое число экземпляров. «Книга состояла из воззваний митрополита Сергея и других пропагандистских материалов, целью которых было изображение просоветского патриотизма Русской Православной Церкви. При этом полностью замалчивался тот факт, что к началу войны Церковь в СССР была почти уничтожена. Для работы в США было напечатано 100 экземпляров. Любопытно, что русский текст набрали латинскими буквами. Прекрасный кожаный переплет, хорошая печать сделали издание подарочным. По каналам НКВД экземпляры были переданы Экзарху Московской Патриархии в Америке митрополиту Вениамину (Федченкову), на долю которого выпала сложная задача: не только разослать книги по адресатам, необходимым Москве, но и получить от

них письменные отзывы».¹

Наиболее заметным и значимым видом патриотической деятельности Церкви стала её материальная помощь государству и армии – сбор денег, драгоценностей, вещей, медикаментов. Средства шли на подарки бойцам, содержание раненых в госпиталях, на помощь сиротам и семьям погибших на фронте. Представители духовенства воевали в рядах действующей армии и в партизанских отрядах на оккупированных территориях, многие из них были награждены государственными орденами и медалями.² Как пишет в своих воспоминаниях А. Свенцицкий «история показала миру, кто выжил: коммунисты или Русская Православная Церковь. В годы великой Отечественной войны началось последовательное единение людей верующих и неверующих... основная часть православного духовенства, забыв все обиды, нанесенные советской властью, не оказалась на оккупированных территориях в рядах изменников Родины, а поголовно ушла в партизаны либо помогала им. В этом прорыве был не только один патриотический долг, а осуществление, прежде всего, христианских заповедей... Рядовые гонители-атеисты и многие коммунисты были прощены. Прежде всего, поняли это в армейских рядах и покалялись, правда, пока ещё тайно. Во многих приходах началось массовое крещение детей и взрослых, служились многочисленные панихиды по убиенным войнам».³ Так, в докладной записке уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Ленинградской области А.И. Кушнарёва Г.Г. Карпову от 4 апреля 1944

¹ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943-1948 гг. Дисс... докт. ист. наук – М., 1998. С. 140.

² См: Кашеваров А.Л. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной церкви. 1917-1945 гг. – СПб.: СПбГТУ, 1995. С. 121.

³ Свенцицкий А.Б. Невидимые нити: Церковь, события, люди. – М.: Изд-во Московской патриархии, 2009. С. 139.

года (гриф «секретно») о проведении благодарственного молебна в связи с освобождением г. Луги говорится: «При взятии г. Луги войсками Красной Армии генерал Лобанов вызвал в деревню Заозерье ранее помогавшего партизанам священника Образцова М.С. и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен за одержание победы».¹

При этом «фактически легализовать сборы денег и вещей среди верующих (незаконные постановления ВЦИК РСФСР “О религиозных объединениях” 1929 года) митрополиту Сергию удалось лишь в 1943 году, когда на телеграмму И.В. Сталину от 5 января, в которой он сообщал о начале сбора средств на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, был получен ответ с разрешением открыть специальный счёт в Государственном банке. С получением права на центральный банковский счет Церковь почувствовала себя в какой-то степени юридическим лицом. На строительство танков Т-34 было собрано свыше 8 млн. рублей. В короткий срок на танковом заводе Челябинска было построено 40 танков. Они и составили колонну с надписями на башнях боевых машин “Дмитрий Донской”. Её передача частям Красной армии состоялась 8 марта 1943 года у деревни Горелки, что расположена в 5-ти километрах северо-западнее Тулы».²

По мнению М.В. Шкаровского религиозный фактор сыграл существенную роль и в обороне Ленинграда. «Действовавшие во время блокады 10 православных храмов активно способствовали мобилизации материальных средств и духовных сил ленинградцев. Проявления патриотической

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг. Сборник документов. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. С. 286.

² Там же. С. 21.

деятельности Русской Церкви были очень многообразны: морально-нравственное влияние (через послания, обращения, проповеди); сбор денежных средств (в Ленинградской епархии в общей сложности около 17,5 млн.), драгоценностей, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии и участие в партизанском движении; помощь раненым бойцам шефство над госпиталями и созданием санитарных пунктов; участие в сооружении оборонительных укреплений, организации противовоздушной обороны и т.д. Личным примером духовенство Патриархии призывало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла».¹

Вся эта деятельность не могла не вызвать надежды на изменение отношения государства к Церкви. Митрополит Сергей в сентябре 1943 года говорил: «Постоянная готовность ... наших богомольцев и постоянный призыв пастырей к этим жертвованиям обратили на себя внимание и правительства... и, конечно, эта наша деятельность, с Божьей помощью, не будет без плода и для положения нашей Церкви».² Эти надежды в определенной мере оправдались уже в первые годы войны. Так, несмотря на то, что в соответствии с религиозным законодательством 1929 года Церковь не имела права ни собирать денежные средства, ни обращаться с воззваниями к гражданам вне стен храмов, все это не только не пресекалось властью, но и всячески поддерживалось. Здесь следует отметить, что «драконовским законодательством» – постановлением «О религиозных объединениях» 1929 года запрещалась любая благо-

¹ Шкаровский М.В. Вклад ленинградской епархии в победу над фашизмом по новым документальным источникам // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. С. 53.

² Журнал Московской Патриархии. – 1943. № 1. С. 7-8.

творительная деятельность со стороны религиозных общин. Но в данном случае государство принимало помощь от церковных организаций, фактически «закрыв глаза» на собственное законодательство. Впоследствии, по просьбе митрополита Сергия, И.В. Сталин разрешил открыть специальный счёт для сбора пожертвований, поступающих от верующих Русской православной Церкви. Последнее означало, что *de facto* государство признало за Церковью права юридического лица, хотя и в весьма ограниченных пределах.¹

Можно привести следующий факт: «Указом Святейшего патриарха от 12 февраля 1947 года сборы на патриотические цели были прекращены. “В период Великой Отечественной войны Православная Церковь, – говорилось в указе, – выполняя свой патриотический долг, собирала средства на укрепление мощи Советской Армии в её борьбе с нашествием фашистских полчищ. По окончании войны сборы средств шли на оказание помощи детям сиротам, родители которых погибли на фронтах Отечественной войны, инвалидам и т.д. В связи с тем, что Правительство СССР проводит большую работу по обеспечению инвалидов и сирот для этой цели отпускаются достаточные средства, Московская Патриархия находит возможным впредь не производить сборы на эти цели...” Следует отметить, что это решение было принято по рекомендации советского правительства, которое, по-видимому, было обеспокоено ростом авторитета православной церкви. Патриотическая деятельность стала заключаться в “призывах к верующим честно трудиться и тем самым помогать быстрейшему восстановлению разрушений, нанесенных войной”».²

¹ Светозарский А.К. Патриархи военных лет // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная Война». – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. С. 39.

² Сапелкин Н.С. Патриотическая деятельность Воронежской епархии. 1941-1951 гг. // История церкви: изучение и преподавание. Материалы

В прессе практически прекратилась антирелигиозная пропаганда, СВБ свернул свою деятельность, хотя и не был распущен официально. В советской печати была ограничена антирелигиозная полемика. Журналы, издаваемые Союзом воинствующих безбожников, перестали выходить «за недостатком бумаги», и даже сам Союз прекратил своё существование без официального роспуска. Были закрыты и некоторые провинциальные антирелигиозные музеи. Из истории страны извлекли примеры, достойные подражания: портреты Суворова и Кутузова, которых историк-марксист 20-х годов XX века М.Н. Покровский клеймил как империалистов, шовинистов, душителей свободы, оказались в кабинете Сталина. Имена святых князей Александра Невского и Дмитрия Донского упоминались в положительном контексте и даже о Крещении Руси в учебниках истории стали писать как о событии относительно прогрессивном. Таким образом, советская идеология в борьбе за выживание обнаружила свою приспособляемость к обстоятельствам, а в годы войны оказалась достаточно гибкой и даже с либеральным оттенком в отношении Церкви.

Главным отправным моментом, сыгравшим переломную роль во взаимоотношениях Русской Православной церкви и государства, исследователи традиционно считают встречу И.В. Сталина в Кремле 4 сентября 1943 года с тремя церковными иерархами – Патриаршим Местоблюстителем Сергием (Страгородским), митрополитами Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). В соответствии с устным соглашением, заключенным в Кремле, Сталин обещал решить самые болезненные для Церкви вопросы: выборы Патриарха, открытие новых приходов; подготовка кадров священнослужителей, возобновление издательской деятельности Московской Патриархии; освобождение части архие-

реев и духовенства из лагерей и тюрем и др.

М.В. Шкаровский пишет, например, что «подавляющая часть населения Ленинграда положительно отнеслась к сближению правительства с Церковью. Но при этом многие объясняли этот факт давлением, которое оказывали на СССР союзники. Интеллигенция оценила политический смысл маневра Сталина как шаг, направленный на консолидацию общества в ходе войны, а также выбивающий один из козырей нацистской пропаганды. Молодежь же оказалась в основном дезориентированная, поскольку выросла в антирелигиозном государстве. В 1943 году Ленинградское Управление НКГБ переслало в Москву специальную сводку «характерных высказываний населения Ленинграда в связи с приёмом товарищем Сталиным митрополитов Алексия, Сергия и Николая». Духовенство северной столицы восприняло приём Сталиным митрополитов с большой надеждой, как изменение стратегического курса «всерьез и надолго».¹

В ответ Церковь брала на себя поддержку советской власти, в первую очередь, в её внешней политике.² После этой встречи в течение нескольких дней была обеспечена доставка в Москву двух десятков архиереев, освобожденных из заключения и ссылки. 8 сентября состоялся Архиерейский собор. На нём присутствовало 19 епископов, которые единодушно избрали Патриархом митрополита Сергия (Старгородского). После восстановления патриаршества началось восстановление церковной иерархии и замещение епископских кафедр, которые в большинстве своём, были пустующими. К началу войны в стране формально существовало около 10 сергиевских епархии (не считая обновленческих). В 1942 году их насчитывалось уже около 20. В 1943 году было восстановлено еще 16 епархий в том числе и

¹ Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. С. 52.

² *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. – М: Политиздат, 1991. С. 339-346.

Свердловская. Её границы теперь включали территорию Свердловской и Курганской областей. Управляющим стал архиепископ Варлаам (Пикалов), только что освобожденный из заключения и прибывши в Свердловск в октябре 1943 года Указом Патриарха Иоанно-Предтеченская церковь Свердловска получила статус кафедрального собора. Из спецсообщения Управления НКГБ по Свердловской области об откликах населения Свердловска и области по поводу приема Сталиным руководителей Православной Церкви: «...Было встречено одобрительно... Наряду с этим зафиксированы высказывания, что положительное отношение Советского правительства к образованию синода происходит под давлением Англии и Америки... Антисоветский церковный элемент сообщение встретил с большим одобрением».¹

Однако, частичная нормализация церковно-государственных отношений в 1943 году практически не отразилась в законодательных актах. Относительно стабильные условия для существования церкви были определены административными распоряжениями властей.² Например, «в 1944 г. Удмуртский обком ВКП (б) забил тревогу по поводу оживления религиозной жизни республики и практически превратившейся антирелигиозной пропаганды в большинстве районов УАССР. Им была предпринята попытка возобновить чтение лекций на естественнонаучные темы без особых выпадов против религии и в тоже время предполагалось активизировать деятельность “Союза воинствующих безбожников”».³

¹ См.: Екатеринбургская Епархия. События Люди Храмы. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.

² *Смыкалин А.С.* Очерки истории Русской Православной Церкви. – Омск: Омская академия МВД России, 2007. С. 26.

³ *Микрюкова М.А.* Религиозные объединения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Архивы Урала. – Екатеринбург, 2006. № 9-10. С. 320.

Исследователями, среди причин резкого изменения религиозного курса государства, указывается и такой фактор, как стремление нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианской цивилизации вообще и верующих в СССР. Гитлеровцы старались максимально использовать церковь в своих интересах. Для контроля и наблюдения за деятельностью религиозных организаций был создан специальный отдел в системе главного управления имперской безопасности (СД). Основным его заданием, кроме контроля, являлось изучение настроений в среде духовенства и верующих всех конфессий как на территории Германии, так и за её пределами. Этот отдел имел информаторов практически во всех религиозных структурах на территории Европы. Нацисты имели богатый опыт в решении религиозного вопроса. Как и руководители советской тоталитарной системы, они тоже не собирались делить с Церковью идеологическое влияние на население, но их отличием был отказ от открытого уничтожения религии. Стремлением нацистов являлось наиболее выгодное использование религиозного фактора в своих интересах. Основным направлением решения религиозного вопроса была ориентация на нивелирование устоявшихся традиционных религиозных структур и дробление конфессий.¹

«Основными целями деятельности данных ведомств внутри Германии и за ее пределами было разрушение через раздробление (“атомизацию”) традиционных религиозных структур и тотальный контроль за всеми проявлениями религиозной жизни. В Германии вводились и осущест-

¹ Августин, архиепископ Львовский и Галицкий. Церковная жизнь на территории оккупированной Украины в годы Великой Отечественной Войны // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. С. 96-103.

влялись жесткие ограничения на деятельность практически всех религиозных организаций, многие тысячи религиозных деятелей и верующих стали мучениками фашизма, оказавшись в концентрационных лагерях, тюрьмах или в вынужденной эмиграции. А. Гитлер вплотную занимался религиозными проблемами и считал их очень важными в деле «управления покоренными народами». В апреле 1942 года в кругу приближенных он изложил свое видение религиозной политики: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы».¹

На оккупированной советской территории нацистские СМИ настойчиво обсуждали тему гонений на религию и верующих со стороны большевиков, подчеркивая, что германские власти предоставляют религиозную свободу. При этом, не желая давать поводов для критики религиозной политики на территории самой Германии, Гитлер ещё в июле 1941 года секретным приказом запретил на время войны с СССР проведение каких-либо несанкционированных антирелигиозных мероприятий. Оккупанты «рекомендовали» священнослужителям в проповедях и во время «церковных церемоний» выражать верноподданнические чувства к Гитлеру и Третьему рейху, а также проводить особые молебны за победу немецкой армии и «спасение родины» от большевиков.

«По далеко неполным данным Чрезвычайной госу-

¹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. – М.: Наука, 1973. – Т. 1. С. 66.

дарственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, на оккупированной территории были полностью уничтожены, разграблены или осквернены 1670 православных церквей, 69 часовен, 237 костёлов, 532 синагоги, 4 мечети и 254 др. молитвенных здания. Среди уничтоженных или оскверненных фашистами оказались бесценные памятники истории, культуры и архитектуры, в т. ч. относящиеся к XI–XVII вв., в Новгороде, Чернигове, Смоленске, Полоцке, Киеве, Пскове. Только в Московской области уничтожено около 50 храмов, в Ленинградской области – 44, 40 костёлов в Литве. В груды развалин превращены древние монастыри в Новгородской области, Новоиерусалимский истринский в честь Воскресения Господня муж[ской] монастырь в Московской обл. Немало молитвенных зданий было переделано оккупантами в тюрьмы, казармы, конюшни, гаражи».¹

По мнению исследователей, имели значение личные настроения Сталина, к концу жизни, якобы, вспомнившего ранние годы семинаристской юности и начавшего проявлять склонность к мистике; стремление советской власти реабилитировать себя в глазах мировой общественности перед намеченной на осень 1943 года Тегеранской конференцией, которая могла решить судьбу второго фронта; роль, отводимая Церкви в геополитических послевоенных амбициозных планах Сталина по укреплению влияния в Восточной Европе, – идея создания своеобразного «православного Ватикана», объединявшего все Поместные Православные Церкви вокруг Московской Патриархии (данные претензии необходимо было доказывать религиозной терпимостью в

¹ Великая Отечественная Война (1941-1945) и религиозные организации в СССР // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла // URL: <http://www.pravenc.ru/text/150063.html>.

СССР).¹

Но следует не забывать, что для проведения в жизнь новой церковной политики при СНК СССР был создан специальный орган – Совет по делам Русской Православной церкви, который возглавил полковник госбезопасности Г.Г. Карпов. Юридически его действия определялись «Положением о Совете по делам Русской Православной церкви при СНК СССР», утвержденном постановлением СНК от 7 октября 1943 года. Главной функцией Совета являлось осуществление связи между правительством СССР и Московской Патриархией. На Совет также возлагались задачи по предварительному рассмотрению вопросов, возбуждаемых Патриархом и требующих разрешения правительства; разработке и внесению на рассмотрение правительства проектов законодательных актов, постановлений по вопросам Русской Православной церкви и инструкций по их применению; контролю за соблюдением законодательства о культах; постоянному информированию правительства о положении Русской Православной церкви, её деятельности на местах; составлению различных статистических сводок, учёту церковных зданий и т.д. Реализовывать новую государственную церковную политику на местах призваны были уполномоченные Совета, должность которых вводилась при союзных и автономных республик, при обл (край) исполкомах.

Главной задачей Совета было очевидное стремление поставить Московскую Патриархию под жесткий контроль, что и показало дальнейшее развитие событий. Пой-

¹ См.: *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943-1948 гг. Дисс... докт. ист. наук – М., 1998. С. 8; *Васильева О.Ю.* Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. Дисс... канд. ист. наук. – М., 1990; *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется. Критические очерки борьбы с религией в СССР. – М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992. С. 186.

дя на открытие новых церквей, правительство вовсе не собиралось оставлять процесс вне контроля. Этот подход был закреплен в секретном постановлении СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей», устанавливавшим весьма сложную процедуру, в соответствии с которой верующие, желавшие открыть церковь, первоначально должны были обращаться с ходатайством к местным властям, те – в случае положительного решения – высылали документы в Совет по делам Русской Православной церкви, а он, в свою очередь, принимал решение и выносил его на одобрение в Совнаркоме.¹

«Далеко не везде местные власти шли навстречу желанию верующих. Например, в июне 1943 года начальник Управления Наркомата госбезопасности по Пензенской области полковник Николаев с тревогой и недоверием писал в обком ВКП (б): «За последнее время среди верующих слов населения области широко распространились настроения на открытие церквей. В мае с.г. епископ Филарет (Волокитин Х.Т.) установил связь с активными церковниками в гор. Пензе и районах области, распространил слух, что он направлен в Пензу митрополитом Сергием, от которого якобы имеет полномочия на открытие церквей. Собрал более 1000 подписей верующих и возбудил ходатайство об открытии церкви в Пензе... Особое влияние на религиозно настроенную массу оказывают бродячие попы, монахи, появившиеся за последнее время в области после отбытия срока наказания и выселения из режимных городов». В этом спецсообщении отмечалось, что за организацию религиозного шествия ста женщин в с. Николо-Азясь Мокшанского района в начале июня были арестованы три “церковницы”».²

¹ Чумаченко Т.В. Государство, Православная Церковь, верующие 1941-1961 гг. – М.: АИРО-XX, 1999. С. 68.

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.:

Например, один из начальников управления НКГБ по Свердловской области, в секретном донесении указывая, что за последнее время среди духовенства и церковников значительно усилилось стремление к открытию новых церквей и предлагает обеспечить своевременное выявление фактов активизации деятельности церковного актива по вопросу открытия новых церквей, требует установить самый тесный контакт с городскими и районными Советами Депутатов Трудящихся в вопросе тщательной проверки документации по заявлениям церковников ходатайствующих об открытии церквей.¹

Уступки Церкви были сделаны, но они не явились столь значительными, как предполагалось и обещалось вначале. «Момент в истории Русской Церкви был исторический. Правительство, допуская избрание патриарха, открытие приходов и духовных школ, откровенно признавало несбыточность большевистских планов полного разгрома Церкви и устранения её из жизни народа. По существу, были заключены условия своего рода “конкордата”, который в основном государственная власть соблюдала вплоть до начала хрущевских гонений».² Хотя юридически такая форма государственно-конфессиональных отношений предполагает равенство сторон и взаимные обязательства, т.к. исключала любую возможность для Церкви настаивать на соблюдении своих прав и на выполнении условий предполагаемого договора.

Источники и использованная литература:

1. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 25а.
2. *Августин, архиепископ Львовский и Галицкий*. Церковная жизнь на

Вече, Лепта, 2010. С. 212.

¹ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 25а.

² *Цытин В.* протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 464.

- территории оккупированной Украины в годы Великой Отечественной Войны // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. С. 96-103.
3. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется. Критические очерки борьбы с религией в СССР. – М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992. – 186 с.
 4. *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. – М: Политиздат, 1991. – 400 с.
 5. *Васильева О.Ю.* Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. Дисс... канд. ист. наук. – М., 1990.
 6. *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943-1948 гг. Дисс... докт. ист. наук – М., 1998.
 7. Великая Отечественная Война (1941-1945) и религиозные организации в СССР/ Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла // URL: <http://www.pravenc.ru/text/150063.html>.
 8. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. – М. Институт истории СССР АН СССР, 1991. – 239 с.
 9. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы. – М.: Наука, 1973. Т. 1. –767 с.
 10. Екатеринбургская Епархия. События Люди Храмы. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – 336 с.
 11. Журнал Московской Патриархии. – 1943. № 1. С. 7-8.
 12. *Кашеваров А.Л.* Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной церкви. 1917-1945 гг. – СПб.: СПбГТУ, 1995. – 138 с.
 13. *Корзун М.С.* Русская православная церковь, 1917-1945 годы. – Минск: Изд-во «Беларусь», 1987. – 111 с.
 14. Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. – 152 с.
 15. *Микрюкова М.А.* Религиозные объединения Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Архивы Урала. – Екатеринбург, 2006. № 9-10. – С. 315-321.
 16. *Митрофанов Г.* Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. – М.: Арфеа, Лепта Книга, 2011. – 272 с.
 17. *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Российская академия государственной службы (РАГС) 1995. – 222 с.
 18. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг. Сборник документов. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. – 765 с.

19. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1943. – 100 с.
20. Сапелкин Н.С. Патриотическая деятельность Воронежской епархии. 1941-1951 гг. // История церкви: изучение и преподавание. Материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства. 22-25 ноября 1999 г. – Екатеринбург: Изд. Урал. гос. ун-та, 1999. С. 68-71.
21. Свенцицкий А.Б. Невидимые нити: Церковь, события, люди. – М.: Изд-во Московской патриархии, 2009. – 432 с.
22. Светозарский А.К. Патриархи военных лет // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная Война». – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. С. 35-47.
23. Смыкалин А.С. Очерки истории Русской Православной Церкви. – Омск: Омская академия МВД России, 2007. – 94 с.
24. Цыпин В. протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 816 с.
25. Чумаченко Т.В. Государство, Православная Церковь, верующие 1941-1961 гг. – М.: АИРО-XX, 1999. – 248 с.
26. Шкаровский М.В. Вклад ленинградской епархии в победу над фашизмом по новым документальным источникам // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005. С. 47-55.
27. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.

Ilchenko V.N.

Russian Orthodox Church and the Soviet state in days of the Great Patriotic War

In article the questions connected with features of the state and confessional relations in the USSR in days of the Great Patriotic War, a position of RP, the government, party, heads and the state are considered. Problems of position of the religious organizations in the territories occupied by fascists, tactical and strategic objectives of religious policy of the Soviet state rise.

Keywords: Russian Orthodox Church, the Great Patriotic War, the metropolitan Sergy, the state-confessional relations, repressions against priests.

Старикова О.Н.

Деятельность специальных лагерей НКВД/МВД СССР на оккупированной территории (1945–1950 гг.)

Статья посвящена одному из звеньев советской пенитенциарной системы – специальным лагерям НКВД/МВД СССР, располагавшимся на территории Германии в период с 1945 по 1950 гг. В тексте приводится анализ нормативно-правового материала, в соответствии с которым были образованы, функционировали и ликвидировались специальные лагеря.

Ключевые слова: специальные лагеря, пенитенциарная система, интернированные, осужденные, денацификация, ГУЛАГ.

Вторая Мировая война привела к появлению на территории Германии, оккупированной союзническими войсками, мест заключения, в которых содержались не только преступники, но и гражданское население. В советской оккупационной зоне они назывались специальными лагерями.

Специальные лагеря НКВД СССР на оккупированной территории появились ещё до окончания Второй мировой войны после издания 11 января 1945 года наркомом внутренних дел приказа № 0016, в котором говорилось о необходимости обеспечения защиты фронтовых тылов Красной Армии от вражеских элементов посредством их ареста и изоляции в соответствующие лагерные помещения.¹ Тогда лагеря имели своей главной задачей обеспечение безопасности советских войск на оккупированной территории.

Специальные лагеря НКВД/МВД СССР продолжали

Старикова Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

¹ См.: Архив новейшей истории России. Т. II: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 11-14.

функционировать вплоть до 1950 года. После капитуляции Германии к обеспечению безопасности советских оккупационных властей прибавились такие задачи, как проведение денацификации, изоляция противников нового политического режима, трудовое использование контингента. Некоторые западные исследователи всерьез рассматривают версии о том, что целью советской оккупации Германии было уничтожение или «ославянивание» немецкого населения. Справедливости ради следует отметить, что выглядят такие теории неубедительно. Из 157 837 человек, содержавшихся в специальных лагерях НКВД/МВД, отправлено в СССР 40 208 человек (из них 29 804 – осужденных советскими военными трибуналами и 10 440 – спецконтингента), передано МВД Германской Демократической Республики – 14 202, освобождено – 45 635, расстреляно – 786, умерло – 43 035.¹

Первый этап существования лагерей НКВД начался ещё в январе 1945 года с издания упомянутого ранее приказа № 0016, согласно которому на территории, освобождаемой от войск противника, следовало арестовывать шпионско-диверсионную агентуру германских разведывательных органов; террористов; участников различных вражеских организаций и бандитско-повстанческих групп; командно-оперативный состав полицейских органов; руководящий состав тюрем, концентрационных лагерей; военных комендантов; прокуроров; следователей; членов военных судов, трибуналов; руководителей областных, окружных уездных дум и управлений; бургомистров; членов фашистских организаций; редакторов газет, журналов; авторов антисоветских изданий; командный и рядовой состав армий воюющих с СССР стран и «Русской освободительной армии», а также

¹ Данные приведены в докладной записке начальника спецлагерей В.П. Соколова о деятельности и ликвидации Отдела специальных лагерей МВД СССР в Германии. – См.: Архив новейшей истории России. Т. II: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. С. 190.

прочий подозрительный элемент и направлять их в лагерные помещения.¹ Как видно, некоторые категории, подлежащие направлению в спецлагеря указаны весьма неопределенно.

Немецкий исследователь Р. Поссекель отмечает, что союзнические войска, в частности американцы, имели не менее обширные инструкции на этот счет, однако, в отличие от советской, американская программа интернирования была составлена юридически более точно, что, естественным образом, ограничивало усмотрение органов, производящих аресты. Советский Союз в большинстве случаев отдавал предпочтение «оперативным» подходам, при которых офицеры НКВД могли принимать решения в зависимости от конкретной обстановки.²

К особенностям начального этапа функционирования спецлагерей, который завершился в июле 1945 года, можно отнести следующие моменты: во-первых, они организовывались повсеместно на оккупируемой Красной Армией территории (Польша, Чехословакия, Венгрия и т. д., т. е. не только на территории Германии); во-вторых, руководство ими осуществлялось уполномоченными НКВД по фронтам. На этом этапе специальные лагеря не были включены в систему ГУЛАГа СССР.

Второй этап деятельности специальных лагерей (с июля 1945 г. до августа 1948 г.) начался с издания приказа НКВД СССР № 00780–1945 г., которым аппараты уполномоченных НКВД СССР по 2-му и 3-му Белорусским, 1-му и 4-му Украинским фронтам были расформированы, а вместо них появилась должность уполномоченного НКВД СССР

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Ед. хр. 178. Л. 44-48.

² *Поссекель Р.* Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. // Архив новейшей истории России. Т. II: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. С. 288-310.

по Группе советских оккупационных войск в Германии, на которую назначили комиссара государственной безопасности 2-го ранга И.А. Серова. Именно на него возлагались задачи по организации и руководству агентурно-оперативной работой на территории Германии, оккупированной советскими войсками; выявлению и ликвидации шпионов, диверсантов, террористов, а также враждебных по отношению к СССР организаций и групп; розыску и изъятию военных преступников, сотрудников гестапо и других карательных органов, руководящего состава областных, городских и районных национал-социалистических организаций: «Фольксштурм», СС, СА, а также тюрем, концлагерей, военных комендатур и других военизированных учреждений фашистского государственного аппарата. Кроме того, в ведение уполномоченного НКВД были отданы все лагеря, тюрьмы и проверочно-фильтрационные пункты.¹

Последний этап функционирования лагерей НКВД /МВД СССР на территории Германии связан с очередной реорганизацией, произошедшей в августе 1948 года, когда они в соответствии с приказом МВД № 00959 перешли в подчинение ГУЛАГа МВД СССР, на который было возложено выполнение задач по комплектованию, оперативному руководству и контролю за деятельностью отдела и подчиненных ему лагерей.² Думается, что данные изменения были связаны с окончанием работ по денацификации в советской оккупационной зоне; об этом свидетельствует тот факт, что работавшая там комиссия по денацификации была распущена в начале 1948 года, а ведение дел в отношении бывших нацистов и военных преступников передавалось немецкой уголовной полиции и немецким судам.

Всего для размещения контингента в советской оккупационной зоне были образованы 11 спецлагерей и 4

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Ед. хр. 178. Л. 14-16.

² ГА РФ. Ф. 9409. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2.

тюрьмы. Спецлагеря организовали в городах Фюрстенвальде, Франкфурте-на-Одере, Ораниенбурге, Либе-Розе, Берлине, Нойбранденбурге, Баутцене, Мюльберге, Торгау (два лагеря), Веймаре; тюрьмы – в городах Франкфурте-на-Одере, Берлине, Штрелетце, Торгау.

Спецлагерь № 1 дислоцировался в г. Мюльберге и просуществовал с сентября 1945 г. до ноября 1948 г.; спецлагерь № 2 Бухенвальд в районе г. Веймара – с августа 1945 г. до февраля 1948 г.; спецлагерь № 3 Хоэншенхаузен в г. Берлине – с мая 1945 г. до октября 1946 г.; спецлагерь № 4 (с 1948 г. – № 3) в г. Баутцене – с июня 1945 г. до января 1950 г.; спецлагерь № 5 Кеичендорф в г. Фюрстенвальде – с 1945 г. до мая 1947 г.; спецлагерь № 6 Ямнитц в г. Либе-Розе – с сентября 1945 г. до апреля 1947 г.; спецлагерь № 7 (с 1948 г. – № 1) Заксенхаузен в г. Ораниенбурге – с августа 1945 г. до марта 1950 г.; спецлагерь № 8 в г. Торгау – с сентября 1945 г. до января 1947 г.; спецлагерь № 9 Фюнфейхен в г. Нойбранденбурге – с апреля 1945 г. до октября 1948 г.; спецлагерь № 10 в г. Торгау – с мая 1946 г. до октября 1948 г.¹ В архивах можно также найти упоминание о спецлагере в г. Франкфурте-на-Одере, который был расформирован к маю 1946 года.² Спецлагери и тюрьмы расформировывались распоряжением заместителя министра внутренних дел И.А. Серова по мере сокращения их контингента. Таким образом, к 1948 г. на территории Германии осталось три специальных лагеря: № 1 – Заксенхаузен; № 2 – Бухенвальд; № 3 – в г. Баутцене.

Что касается специальных тюрем НКВД/МВД СССР, то они просуществовали непродолжительный период – с 1945 до конца 1946 гг. Об этом свидетельствует отсутствие

¹ Плато А. Советские спецлагеря в Германии // Архив новейшей истории России. Т. II: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. С. 253.

² Там же. С. 36-37.

статистических данных и нормативных документов, регламентирующих их деятельность. В более поздний период упоминаются лишь пересыльные тюрьмы и внутренние тюрьмы при оперативных секторах. Кроме того, в зонах спецлагерей имелись тюрьмы для содержания особо опасных преступников, приговоренных к длительным срокам лишения свободы.

Анализ имеющегося материала позволяет сделать вывод о том, что в спецлагеря направлялись две группы заключенных:

- 1) осужденные советским военным трибуналом;
- 2) спецконтингент, не имевший приговора.

Первоначально решение об аресте принималось органами военной контрразведки «СМЕРШ», но после реорганизации, проведенной в мае 1946 года, ГУКР «СМЕРШ» вошло в состав МГБ как 3-е Главное управление. Несмотря на это, вся агентурно-осведомительная сеть и разработка предполагаемых нацистских преступников вплоть до августа 1946 года находились в ведении МВД. Однако 20 августа было принято решение Политбюро ЦК ВКП (б) П59/39, которым указанные функции, а также право арестовывать за политические преступления в советской зоне оккупации Германии передавалось органам МГБ. Следственный аппарат находился в ведении уполномоченного МГБ, а дела рассматривались штатными трибуналами.

На 1 апреля 1949 года в спецлагерях содержалось 29 911 человек, из них осужденных – 14 721, спецконтингента – 14 181, подследственных – 9. При этом среди заключенных имелись осужденные на длительные сроки лишения свободы: от 15 до 25 лет – 3 449 человек, среди них приговоренные к каторжным работам – 908 человек, а также осужденные к пожизненному заключению – 400 человек. Эти категории содержались в г. Баутцене, где для них

устанавливался тюремный режим.¹

Иногда в ходе проведенной проверки задержанных не обнаруживалось фактов, свидетельствующих об их преступной деятельности, либо они вовсе не попадали под арестные категории. Логичным было бы предположить, что все указанные люди подлежали освобождению, однако советские нормативные документы решали вопрос иначе: получали свободу только лица, не годные к физическому труду: инвалиды, старики и нетрудоспособные. В случае, когда арестованный имел хорошее здоровье, его должны были направить «для работы в промышленность».²

Для определения состояния здоровья весь контингент проходил медицинскую комиссию, устанавливающую для каждого заключенного категории физического труда: к первой относились годные к тяжелому физическому труду, ко второй – годные к физическому труду, к третьей – годные к легкому труду, к четвертой – не годные к труду.³ Заключенные первой и второй категорий подлежали направлению в СССР.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 23 декабря 1946 г. № 2728-1124сс для обеспечения рабочей силой предприятий угольной промышленности восточных районов СССР и Министерства по строительству топливных предприятий СССР необходимо было вывезти немцев, содержащихся в спецлагерях и тюрьмах МВД на территории Германии. Для Министерства угольной промышленности – всего 15 500 человек, для Министерства топливной промышленности – 12 000 человек.⁴ В этот же день министром внутренних дел издан приказ

¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 44-45.

² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Ед. хр. 178. Л. 30-32.

³ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 23-24.

⁴ См.: Архив новейшей истории России. Т. II: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. С. 201.

№ 001196, согласно которому из числа содержащихся в специальных лагерях и тюрьмах МВД на территории Германии следовало в двухмесячный срок отобрать и направить в СССР физически здоровых немцев мужчин в количестве 27 500 человек, пригодных для трудового использования на предприятиях в СССР. Взамен вывозимых трудоспособных немцев следовало отобрать из лагерей МВД такое же количество нетрудоспособных и больных военнопленных и интернированных немцев, женщин старше 35-летнего возраста, женщин, имеющих детей, и беременных.¹

Однако медицинские комиссии, работавшие в местах заключения зимой 1946-1947 гг. не нашли необходимого количества здоровых мужчин. Число заключенных, которых можно было отнести к первой и второй категориям, не составило и 5 000 человек.²

В Советском Союзе трудовое использование заключенных было повсеместным и даже являлось одним из приоритетных направлений деятельности системы исправительно-трудовых лагерей. Естественным образом, и деятельность лагерей на территории Германии должна была отвечать общим принципам пенитенциарной политики, однако там советские власти столкнулись с рядом проблем. Направлять заключенных для работы в Советский Союз было нецелесообразным, так как большая их часть имела плохое здоровье и не подходила под первую и вторую категории физического труда. Кроме того, сама перевозка контингента обходилась дорого. За все время существования спецлагерей, по официальным данным, в СССР было направлено 29 804 осужденных и 10 440 спецконтингента (всего 40 244 чел.).³

В данном случае действия советских властей осуществлялись вразрез с общепризнанными нормам между-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Ед. хр. 204. Л. 116-121.

² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Ед. хр. 4152. Л. 242-259.

³ Там же. Ед. хр. 118. Л. 1-35.

народного права, регламентирующими статус интернированных. Так, интернирование вообще считается исключительной мерой. Освобождение должно производиться сразу после исчезновения причины интернирования (даже если ещё не окончены активные военные действия), а возможность использования гражданских интернированных на работе зависит исключительно от их согласия.¹

Рассматривая вопрос о трудовом использовании заключенных в спецлагерях на территории Германии, необходимо отметить, что их руководители неоднократно указывали на фактическое отсутствие работы для контингента. В марте 1948 года после проведения обследования условий содержания заключенных было установлено, что на работах в лагерях занято всего 23,6% заключенных (13 455 человек).² Таким образом, использование труда контингента спецлагерей было неэффективным и не являлось приоритетным направлением работы указанных пенитенциарных учреждений.

В целом вопросы охраны и режима регламентировались Временным положением «О спецлагерях на территории Германии»³, утвержденным И.А. Серовым 30 октября 1946 года, в котором говорилось о том, что лагеря предназначены для арестованных, категории которых перечислены в параграфах «а»–«ж» пункта 1 приказа МВД № 00315–1945 г. Спецлагеря организовывались изолированно от гражданского населения, все помещения были обнесены сплошным забором или проволочными ограждениями высотой не менее трёх метров. На расстоянии трёх – пяти метров с внешней и внутренней стороны во всю длину основного ограждения устанавливается запретная зона, ограждаемая ко-

¹ См.: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. – М.: МККК, 2000. С. 371-372.

² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 157-170.

³ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 17-24.

лючей проволокой в полтора – два метра высотой. В ночное время зона освещалась, а вышки и пост у ворот оснащались телефонной связью или звонковой сигнализацией (при отсутствии таковых свистками). Охрана спецлагерей осуществлялась конвойными войсками МВД, а впоследствии – внутренними войсками МГБ.

Следует отметить, что вопросы режима регламентировались неполно, Временное положение не охватывало всех сторон жизни в лагере. Отсутствие инструкции по режиму содержания спецконтингента привело к тому, что каждый начальник лагеря действовал по своему усмотрению. Например, в лагерях не было единообразного подхода к условиям содержания заключенных в общем, а также их категорий (особо опасных преступников, находившихся под следствием, интернированных и пр.); не оговаривались права начальников лагерей по части видов и размеров взысканий, налагаемых за нарушение режима.

В целях наиболее эффективного выполнения указанных задач в спецлагерях была организована оперативно-агентурная сеть, работавшая по бригадам вне зоны лагеря, внутри зоны лагеря и по баракам (т.е. по месту жительства) с расчетом, чтобы все производственные бригады и бараки были закрыты с расчетом 1 осведомитель на 25–30 человек. Однако в реальности количество агентуры было гораздо ниже, например, в спецлагере № 1, по информации на 25 августа 1948 года, при численности контингента 11 138 человек осведомителей было только 70 (т. е. 1 осведомитель на 160 заключенных).¹

Анализ имеющегося материала показал, что указанные оперативно-следственные задачи решались слабо, это было связано со спецификой лагерей, располагавшихся на территории Германии, население которой не стремилось сотрудничать с оккупационными властями. К тому же боль-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 36.

шую часть контингента составляло гражданское население, полагавшее, что заключение их в лагеря является несправедливым. Среди других факторов следует отметить некомпетентность администрации, плохую организованность работы и слабую дисциплину личного состава. Совокупность указанных обстоятельств привела к провалу работы по линии опергрупп и оперативных отделений лагерей.

Другим важным направлением работы спецлагерей была организация продовольственного снабжения контингента. Рядом нормативных актов устанавливались нормы питания для содержащихся в лагерях и тюрьмах НКВД/МВД СССР на территории Германии. До ноября 1946 года они снабжались по нормам довольствия для военнопленных¹, а с 1 ноября 1946 года были утверждены особые нормы для контингента спецлагерей, в дальнейшем они изменялись еще не раз.

С 1 ноября 1946 года нормы довольствия для спецконтингента были существенно снижены, что явилось причиной резкого повышения смертности в лагерях.² Зарубежные авторы отмечают, что и до снижения норм питания смертность в спецлагерях была высокой, за период с ноября 1945 г. по март 1946 г. умерло 7 872 человека, но с декабря 1946 г. её показатели выросли в несколько раз. Так, в октябре 1946 г. там умерло 299 человек; в ноябре – 329; в декабре – 1 129; в январе 1947 г. – 2 434; в феврале – 4 280; в марте – 2 362; в апреле – 1 417; в мае – 1 329; в июне – 1 170; в июле – 763.³

По официальным документам общее число заключенных спецлагерей и тюрем НКВД/МВД СССР составляло: на 15 октября 1945 г. – 53 849 чел.; на 31 мая 1946 г. – 83 533 чел.; на 15 мая 1947 г. – 61 324 чел.; на 15 января

¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Ед. хр. 278. Л. 30.

² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 163.

³ Плато А. Указ. соч. С. 258-259.

1948 г. – 58 071 чел.; на 1 мая 1949 г. – 29 256 чел.¹ Таким образом, своего апогея численность контингента достигла к маю 1946 г., после чего стала постепенно снижаться.

В период развития международного кризиса и развертывания «холодной войны» деятельность советских специальных лагерей была лишним поводом для обвинения СССР в некомпетентности и плохом обращении с немцами, тем более что условия содержания в лагерях союзников были комфортнее, а показатели смертности – ниже.

Уже с декабря 1946 года ответственные лица принимают первые шаги, направленные на упорядочение состава заключенных, содержащихся в спецлагерях, путем исключения из него лиц, не подлежащих изоляции. Однако в конце 1946 г., как и в 1947 г., такие попытки не увенчались успехом. Число заключенных уменьшалось за счёт освобождения немцев, негодных к физическому труду. Такое решение было принято заместителем министра внутренних дел И.А. Серовым, в соответствии с которым начальник Отдела спецлагерей М.Е. Свиридов в сентябре 1946 года предписывает начальникам лагерей просмотреть дела на командиров взводов военизированных организаций и военнопленных, занимавших офицерские должности, но не имеющих офицерских званий. В случае, если таковые признавались не годными к физическому труду и имели место жительства в советской оккупационной зоне, их надлежало освободить.² Несколько позже, 28 октября, на основании приказа МВД № 00601–1946 г. было издано указание М.Е. Свиридова, согласно которому во всех спецлагерях должна быть проведена работа по освобождению военнопленных рядового и унтер-офицерского состава, а также младших офицеров до капитана включительно, являющихся стариками, нетрудоспособными (отнесенными медицинской ко-

¹ Плато А. Указ. соч. С. 38–41.

² ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 10.

миссией к 3 и 4 группам физического труда), больными, за исключением японцев.¹

Реальная работа по пересмотру обоснованности содержания в специальных лагерях началась после издания 8 марта 1948 года постановления СМ СССР № 702-223сс, которое говорило о создании комиссии по пересмотру дел всех немецких граждан, за исключением лиц, содержащихся по судебным приговорам. Комиссия должна была в двухмесячный срок определить контингент, подлежащий освобождению, а именно: члены НСДАП, не совершавшие преступлений; не относящиеся к оперативному составу сотрудники гестапо, СД и других карательных немецких органов, а также те лица, в отношении которых следствием не установлено достаточных оснований для предания их суду.

Результаты деятельности комиссии стали известны к лету 1948 года и были утверждены 30 июня постановлением СМ СССР № 2386-991сс. Согласно указанному документу Министерство внутренних дел СССР обязывалось освободить 27 749 заключенных специальных лагерей. Работа по освобождению в целом была закончена к сентябрю 1948 года. Лица, подлежащие освобождению, были переведены в отдельные зоны, где было организовано улучшенное питание и проведены лекции о международной обстановке и внутриполитическом положении в Германии. К 30 октября в спецлагерях содержалось 14 721 человек из числа спецконтингента, который был сосредоточен в спецлагере Бухенвальд, осужденные немцы со сроками на 15 лет и больше в спецлагере отбывали наказание в спецлагере г. Баутцене (а именно в расположенной на её территории тюрьме), осужденные на срок менее 15 лет и женщины, а также осужденные граждане СССР – в спецлагере г. Ораниенбурге.²

¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 23-24.

² ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 80-81.

Принципиальное решение о ликвидации спецлагерей было принято осенью 1949 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), которое было оформлено постановлением СМ СССР от 30 декабря 1949 г. № 6021-2251сс. В соответствии с этим постановлением министром внутренних дел С.Н. Кругловым уже 6 января 1950 года издается приказ № 0022, который предписывает:

- освободить из лагерей 15 038 немцев (9 534 чел. из числа не осужденных и 5 404 чел. из числа осужденных за маловажные преступления);

- передать Министерству внутренних дел Германской Демократической Республики 13 945 немцев (10 513 чел. – осужденных, для дальнейшего содержания в немецких тюрьмах и 3 432 чел. – не осужденных, для расследования их преступной деятельности и предания суду);

- передать органам МГБ СССР в Германии 649 немцев, которые вели наиболее активную борьбу против Советского Союза (473 чел. – не осужденных, для предания их советскому суду и 176 чел. – осужденных, для дальнейшего содержания под стражей);

- освободить 126 человек иностранных подданных, осужденных за маловажные преступления;

- направить для дальнейшего отбывания наказания в лагеря МВД СССР на территории Советского Союза 58 человек иностранных подданных, находящихся в заключении за особо опасные преступления.¹

В целом ликвидация специальных лагерей была закончена к марту 1950 года, об этом говорилось в докладной записке начальника Отдела В.П. Соколова. Согласно данным, указанным в этом документе, на 1 марта было освобождено 14 937 человек; передано немецким органам власти для дальнейшего содержания под стражей – 14 202 человека; передано Советской контрольной комиссии в Германии

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1-2.

– 698 особо опасных преступников; передано в особые лагеря в СССР – 54 особо опасных преступника. Оставались незаконченными только вопросы, связанные с передачей имущества и зданий бывших спецлагерей.¹

Судьбу заключенных, не имеющих приговоров советского военного трибунала, переданных Министерству внутренних дел Германской Демократической Республики, должны были решить суды Восточной Германии на основании представленных им советских обвинительных материалов. Для этого в г. Вальдхайме в 1950 году были проведены заседания особых судов, решением которых 3 291 человек приговорён к лишению свободы, 33 человека – к смертной казни.²

Анализ исследуемого материала показал, что на территории союзнических оккупационных зон лагеря для интернированных были ликвидированы раньше: в американской – к октябрю 1946 г., в Британской – в 1949 г.³

Подводя некоторый итог, приходим к выводу о том, что советское руководство не стремилось к жесткой правовой регламентации деятельности специальных лагерей (связанной с арестом, содержанием, трудовым использованием и депортацией контингента), а ограничивалось лишь изданием документов общего характера, полагаясь при решении конкретных вопросов на усмотрение местных аппаратов государственной безопасности и администрации лагерей.

Исследование показало, что специальные лагеря

¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 233-234.

² См.: *Поссекель Р.* Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. С. 307.

³ См.: *Flocken J., Klonovsky M.* Stalins Lager in Deutschland: 1945-1950. – Berlin, 1991. S. 4, 6; *Мамяченков В.Н.* Денацификация и уголовное преследование нацистских военных преступников в союзнических оккупационных зонах Германии после Второй мировой войны: опыт и уроки // Великая война: Великая Победа и Великая Трагедия. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2005. С. 269-271.

НКВД/МВД СССР в Германии выполняли такие задачи, как обеспечение безопасности советских войск и военной администрации на оккупированной территории, проведение денацификации, изоляция противников нового политического режима, тогда как задача трудового использования контингента фактически осталась неразрешенной.

Источники и использованная литература:

1. Приказ НКВД СССР от 11 января 1945 г. № 0016 «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов Красной Армии» от вражеских элементов и о назначении уполномоченных НКВД СССР по фронтам» // Архив новейшей истории России. Т. II: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 11-14.
2. Приказ НКВД СССР от 5 мая 1945 г. № 00453 «О мероприятиях по очистке территории Восточной Пруссии от шпионов, террористов, диверсантов, действующих в тылу Красной Армии» // Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Ед. хр. 178. Л. 30-32.
3. Приказ НКВД СССР от 4 июля 1945 г. № 00780 «О расформировании аппаратов уполномоченных НКВД СССР по 2, 3 Белорусским, 1 и 4 Украинским фронтам и о назначении уполномоченным НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии И.А. Серова» // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Ед. хр. 178. Л. 14-16.
4. Приказ МВД СССР от 26 декабря 1946 г. № 001196 «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и спецлагерях МВД СССР, пригодных для работы на промышленных предприятиях СССР, и об отправке в Германию больных и нетрудоспособных военнопленных и интернированных» // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Ед. хр. 204. Л. 116-121.
5. Приказ МВД СССР от 9 августа 1948 г. № 00959 «О штатах отдела спецлагерей № 1, 2 и 3 МВД СССР в Германии и подчинении их ГУЛАГу МВД СССР» // ГА РФ. Ф. 9409. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2.
6. Приказ МВД СССР от 6 января 1950 г. № 0022 «О ликвидации спецлагерей МВД СССР в Германии» // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1-2.
7. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. НКВД СССР – Министерство внутренних дел СССР (МВД СССР) 1934–1960 гг. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 1-35; Ед. хр. 4152. Л. 242-259; Оп. 1а. Ед. хр. 204. Л. 116-121; Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1-2; Оп. 12. Ед. хр. 178. Л. 14-16, 30-32, 44-48; Ф. Р-9409 Отдел специальных лагерей Министерства внутренних дел СССР в Германии

- (1945–1950 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 36; Ед. хр. 130. Л. 10, 23–24. Ед. хр. 140. Л. 17–24; Ед. хр. 142. Л. 80–81; Ед. хр. 259. Л. 233–234; Ед. хр. 274. Л. 2; Ф. Р-9414. Главное управление мест заключения МВД СССР (1930–1960). Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 157–170; Ед. хр. 366. Л. 44–45.
8. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. – М.: МККК, 2000. – 720 с.
 9. Мамяченков В.Н. Денацификация и уголовное преследование нацистских военных преступников в союзнических оккупационных зонах Германии после Второй мировой войны: опыт и уроки // Великая война: Великая Победа и Великая Трагедия. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2005. С. 269–271.
 10. Плато А. Советские спецлагеря в Германии // Архив новейшей истории России. Т. II: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 253.
 11. Поссебель Р. Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. // Архив новейшей истории России. Т. II: Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 288–310.
 12. Flocken J., Klonovsky M. Stalins Lager in Deutschland: 1945–1950. – Berlin, 1991. – 248 s.

Starikova O.N.

**Activity of special camps of the People's Commissariat
for Internal Affairs / Ministry of Internal Affairs of the USSR
in the occupied territory (1945–1950)**

Article is devoted to one of links of the Soviet penal system – to the special camps of the People's Commissariat for Internal Affairs / Ministry of Internal Affairs of the USSR which were settling down in the territory of Germany during the period from 1945 to 1950. The analysis of standard and legal material according to which were formed, functioned and were liquidated the special camps is provided in the text.

Keywords: special camps, penal system, interned persons, condemned persons, a denazification, GULAG.

Кудоярова Г.Р.
**Основание, расположение и функционирование
лагеря для военнопленных № 197
Свердловской области
в годы Великой Отечественной войны**

В статье рассматриваются некоторые аспекты содержания военнопленных в лагере для военнопленных № 197 Свердловской области в годы Великой Отечественной войны, а также общая информация по основанию, расположению, функционированию лагеря.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, НКВД СССР, лагерь для военнопленных, военнопленные, нормы питания, материальное обеспечение.

Военнопленные в Свердловскую область стали пребывать с мая 1942 года. До 1944 года существовал лишь один лагерь для военнопленных № 84, в котором находилось 6 отделений.¹ После 1944 года число лагерей стало расти. Так, на конец 1945 года на территории Свердловской области насчитывалось 13 лагерей для военнопленных², в их числе был и лагерь № 197 для военнопленных Народного комиссариата внутренних дел СССР. Лагерь был организован по приказу НКВД СССР № 00815 от 14 июня 1944 года «Об использовании военнопленных на строительстве Богослов-

Кудоярова Гульнара Ракитовна – адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России; научный руководитель: Александр Сергеевич Смыкалин, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор.

¹ См.: *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы Советской России. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. С. 153-154.

² См.: *Мотревич В.П.* Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны на Урале // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Екатеринбург: Ин-т ист. и археол. УрО РАН, 1995. С. 77-86.

ского алюминиевого завода», предписывающему «организовать лагерь для содержания военнопленных на 5000 чел., обеспечивающий нормальное размещение их в соответствии с приказами НКВД СССР, присвоив ему № 197».¹

Управление лагеря № 197 для военнопленных Народного комиссариата внутренних дел СССР входило в состав Богословлага и непосредственно подчинялось отделу по делам военнопленных и интернированных управления НКВД по Свердловской области Главного Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных.²

Первое поступление военнопленных состоялось 23 июля 1944 года. Исходя из доклада начальника санотдела³ лагеря, военнопленные прибыли в истощенном состоянии «с отеками и поносами на почве авитоминоза и, кроме того, с тяжелыми формами ангины». Этот ослабленный контингент в течение двух месяцев пребывания в лагере не мог акклиматизироваться в суровых климатических условиях Урала, и с наступлением резкого похолодания в октябре месяце дал повышение заболеваемости, в основном за счет простудных заболеваний (грипп, ангина, пневмония). Естественно сопротивляемость организма, резко пониженная под влиянием перемены климата и физической работы, способствовала длительному течению заболеваний, с различными осложнениями, оканчивались иногда летально. Лагерно-освобожденных за август было 909 человек, за сентябрь – 2007 человек. Смертность в лагере за июль, август, сентябрь составила 20 человек, за октябрь – 29 человек, ноябрь – 12 человек.

В ноябре месяце благодаря ряду проведенных профилактически-оздоровительных мероприятий заболеваемость

¹ См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000. С. 586.

² Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО). Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 5. 6.

³ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

и смертность была снижена. Так, был вновь переукомплектован весь контингент: III-я категория использовалась только на легких работах с 4-х часовым рабочим днём, без хождения на длительные расстояния; ослабленные были помещены в ОК. Проводилась строгая госпитализация всех температурящих, дистрофиков; в стационарах проведено дифференцированное питание для дистрофиков и общебольных, диетическое и индивидуальное – для тяжелых больных. Каждые 10 дней проводились профилактические осмотры III-й категории и выборочные остальных рабочих бригад. На производственных объектах устанавливались обогревалки.

Все военнопленные были обеспечены зимней одеждой: ватными брюками и телогрейками, бушлатами, башлыками, шлемами, шерстяными носками, портянками. Валенками – 52 %, теплыми бурками – 28 %. Весь работающий контингент был обеспечен нательным бельём, остальные – майками и трусами.¹

Количество военнопленных на первую декаду ноября 1944 года составляло 2 331 человек.²

В 1944 году лагерь размещался в двух отделениях. Первое отделение, где находилось управление лагеря, располагалось в 4 км от г. Краснотурьинска на берегу реки Турьи. Отделение состояло из 12 барачных корпусов, из которых 8 были заняты под жилье военнопленных, 3 – под стационары и 1 – под оздоровительную команду.

Как говорилось в отчетах за данный период: «Все бараки оштукатурены снаружи и внутри, побелены, утеплены, оборудованы нарами вагонной системы. Каждый военнопленный имеет отдельное спальное место, на одного человека приходится 1,5 кв. м жилой площади. Температура воздуха не ниже 16 градусов, в оздоровительном бараке и стационаре не ниже 20. Всем военнопленным выданы мат-

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 24 об, 25, 25 об.

² ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 5. 6.

рацы, подушки, обеспеченность одеялами на 60 %».

В отделении находились две кухни, баня, дезкамера. Весь контингент отделения проходил санитарную обработку не реже 1 раза в 8 дней.

Объекты работы: Базстрой НКВД СССР; I-й Промстойрайон; III-й сантехстойрайон; IV-й район (ТЭЦстой); Монтажная контора; Лесной район.¹

Второе отделение расположено в Карпинском районе в 7 км от г. Карпинска в лесу, на расстоянии 32 км от управления лагеря. В нем имелось три барака, два из них были отданы под стационар.

Объекты работы: Базстрой НКВД СССР; Лесной район; строительство ж./д. путей.²

Санитарное отделение лагеря имело в своем штате: зубных врачей – 2 человека; фельдшеров – 6 человек; медсестер – 7 человек; фармацевтов – 2 человека. Из этого количества – трудомобилизованных 2 врача и 1 фельдшер. Из контингента военнопленных медработников не было. Причём, часть врачей и среднего персонала работала за счёт Богословлагеря. Недоставало в лагере 4 человека фельдшеров; медсестер – 5 человек; фармацевта – 1 человека.

Центральный лазарет находился в отделении лагеря и размещался в трёх бараках, один из которых имел палатную систему с количеством мест 112, в других была коечная система. Ещё два барака были приспособлены под лазарет с вагонной системой с количеством 260 человек.

Из общего числа – 437 коечных мест терапевтических коек – 414, хирургических – 23. Все экстренные хирургические случаи направлялись в Центральную больницу Богословлага. Оборудованность лазаретов твердым инвентарём, предметами ухода за больными, инструментарием и медикаментами, как и во всех лагерях НКВД, была недостаточ-

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

² ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

ной. Питание госпитальных больных организовывалось дифференцированно. Меню-раскладка состояла из 4-х столов, питание проводилось 5 раз в сутки, а у тяжелых больных индивидуальное, дробное: кроме больничного стола существовало диетпитание и индивидуальное питание для тяжелобольных и «поносников», больных дистрофиков – дистрофическое питание. В рационе питания отсутствовало сливочное масло и свежее молоко. Амбулатория 1-го отделения находилась в отдельном бараке, имела следующие кабинеты: терапевтический, хирургический, зубной и прививочную.

Всем военнопленным были поставлены профилактические прививки против брюшного тифа и дизентерии.

Физический профиль военнопленных на 1 декабря 1944 года:

I категория – 136 человек;

II категория – 887 человек;

III категория – 690 человек;

ОК – 207 человек стационарных больных.¹

Третье отделение открылось 20 апреля 1945 года. Оно располагалось в лесу и состояло из четырёх рубленых барачных, из которых один был отделан под стационар. При отделении находились баня, столовая, кухня, прачечная, дезкамера. В это отделение была переведена часть ослабленного контингента (III категория), работающая на пригородном хозяйстве. Контингент размещался в двух бараках вагонной системы, оштукатуренных снаружи и внутри.

Лагерь расположен рядом с объектом работы этого контингента.

Как отмечается в докладной записке начальника санотделения лагеря, «Общее состояние лагеря № 197 с его отделениями удовлетворительное. Постоянно проводится уборка и очистка территории от грязи и снега, систематически вывозятся нечистоты из уборных, мусорных ящиков. Про-

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 24 об, 25, 25 об.

ложены деревянные мостки по всей территории к баракам и служебным помещениям. Уборные, мусорные ящики побелены. В жилых помещениях поддерживается порядок и чистота. Бани и дезкамеры работают бесперебойно, и вшивость в лагере не обнаруживается. Кипяченой водой питьевой лагерь обеспечен. Санитарное состояние кухонь и столовых удовлетворительное. Кухонная посуда требует обновления, пополнения. Часть посуды нуждается в полуде, особенно на стационарной кухне. Способы приготовления пищи, состояние и мойка посуды находятся под постоянным наблюдением медико-санитарных работников, начальника отделения, санинспектора и прикрепленного к пищеблоку медработника».¹

Физический профиль контингента военнопленных на 1 мая 1945 года:

I категория – 288 человек;

II категория – 737 человек;

III категория – 492 человека;

IV категория – 4 человека;

ОК – 201 человек;

Стационарных больных – 502 человека².

В июне 1945 года лагерь состоял из четырёх отделений. Первое отделение, расположенное при управлении лагеря, вмещало 1786 человек. Второе отделение, находящееся в лесу на расстоянии 27 км от первого, имело списочный состав 383 человека. В третьем отделении было 1423 военнопленных, в четвёртом – 1196 чел. Вновь прибывший контингент на время карантина размещен в 3-м и 4-м отделениях, которые расположены от Управления лагеря в 3-4 км.³

В июле 1945 года лагерь состоял уже из пяти отделений. Пятое отделение, расположенное при Волчанстрое,

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 9. Л. 43, 43 об, 44, 44 об.

² ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1 Д. 9. Л. 43, 43, об 44, 44 об.

³ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1 Д. 9. Л. 69.

представляло новый вырубленный в лесу участок, на котором размещались 4 жилых палатки; 1 палатка, занятая под санчасть; и 1 палатка, выделенная под кухню. Данное отделение ввиду стремительного открытия оказалось неподготовленным к приёму контингента: «Бани и дезокамеры нет, контингент вынужден ходить в баню за 4 км. Вода доставляется из колодца. Отделение к зиме совершенно не подготовлено. Ассортимент продуктов однообразен. По-прежнему отсутствуют свежее мясо и рыба. Нет никаких овощей, несмотря на летние месяцы».¹ Физический профиль контингента военнопленных на 1 июля 1945 года следующий:

I категория – 815 человек;

II категория – 2610 человек;

III категория – 453 человек;

IV категория – 2 человек;

ОК – 55 человек;

Стационарных больных – 110 человек.

Списочный состав контингента военнопленных лагеря № 197 на 1 июля 1945 года включал 4075 человек:

1-е отделение – 1430 человек;

2-е отделение – 557 человек;

3-е отделение – 538 человек;

4-е отделение – 1065 человек;

5-е отделение – 484 человека.²

За всё время функционирования лагеря в нём находились военнопленные следующих национальностей: чехи, немцы, французы, поляки, австрийцы, сербы, бельгийцы, итальянцы.

Все военнопленные обязаны были носить отличительные повязки, утвержденные НКВД. В соответствии с директивой УВС НКВД СССР и ГУПВИ НКВД СССР № 25/044993 от 1 ноября 1943 года «О ношении военнопленными

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 9. Л. 80.

² ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 9. Л. 80.

отличительной повязки для военнопленных», утвержденной заместителем народного комиссара внутренних дел СССР, Комиссаром госбезопасности II-го ранга Кругловым, отличительные повязки изготавливались из утильного летнего обмундирования, пришедшего в полную негодность, списанного с учёта вещевого имущества по утверждённым сортировочным актом. В первую очередь ими обеспечивались военнопленные, выходящие на работу за зону.¹

Для военнопленных, нарушивших дисциплину и правила внутреннего распорядка, в лагере была организована режимная бригада по принципу штрафного-батальона, в котором содержалось в 1944 году 17 человек военнопленных.

В режимную бригаду зачислялись военнопленные, совершившие продажу вещдоговоров, систематические спекуляции, отказывающиеся от работы. На каждый отдельный случай нарушения издавался приказ, который зачитывался перед строем всему контингенту военнопленных. Режимная бригада находилась в отдельном помещении, отгороженном от общей зоны лагеря. Военнопленные режимной бригады были лишены общения с остальным контингентом, культурно-массового обслуживания, как-то: кино, концертов, радио, газет, настольных игр и т.д. Они содержались в режимной бригаде от 10 до 30 дней и выводились на работу под усиленным конвоем на отдельный участок. По отчетам с созданием режимных бригад резко сократилось число правонарушений военнопленных. Кроме того, в докладных записках отмечается, что военнопленные режимной бригады становились хорошими производственниками, дающими высокие показатели выработки. За проявленную хорошую дисциплину и высокую производительность труда досрочно высвобождались.²

Инструкция к приказу НКВД СССР от 4 октября 1945

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

² ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

года ставила перед вахтерскими подразделениями задачи, направленные на охрану военнопленных в лагерях и на работах, конвоирование их к местам работ совместно с гарнизонами конвойных войск НКВД. Большое значение в инструкции занимала организация работы «бригад содействия», которые организовывались в населенных пунктах из числа местных жителей. С членами бригад содействия периодически проводились инструктивные занятия. Так, например, на Урале на предприятиях Базстроя, Станции Надеждинске, Надеждинском заводе, Серовской сплавконторе, в деревне Вятчино были созданы бригады содействия для задержки беглецов. При поимке беглецов жителями выдавалась премия и объявлялась благодарность.

Во исполнение Приказа НКВД СССР № 00311 от 16 апреля 1945 года «О сформировании отделений, взводов, рот и батальонов из числа военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД», в целях предотвращения побегов, склонные к побегу военнопленные сосредоточивались в штрафных подразделениях и выводились на работу под усиленной охраной конвойных войск. Например, при первом отделении лагеря № 197 было создано подразделение усиленного режима, в котором находились 38 военнопленных, склонных к побегу. Военнопленные содержались в штрафных подразделениях от 1 до 3 месяцев. Рабочий день штрафников был увеличен до 12 часов, их посылали на более трудные участки работ (карьеры, шахты с тяжелыми условиями труда и пр.), лишали добавочных норм питания. Кроме того, приложение к приказу НКВД СССР № 00311 1945 года – «Временное положение о штрафных подразделениях, организуемых из числа военнопленных и интернированных, содержащихся в лагерях НКВД» предписывало, при систематических нарушениях режима, виновных привлекать к уголовной ответственности.

В конце 1946 года по всем лагерям военнопленных Свердловской области отмечался значительный рост различных преступных намерений военнопленных, особенно со

стороны бывших активных фашистов (эсэсовцев, полевой жандармерии и т.д.). Резко возросло количество военнопленных, готовящихся к побегам, в т. ч. групповым. Всего за время организации лагеря бежало три немца, которые были пойманы.

В соответствии с приказом НКВД СССР № 001263 от 19 октября 1944 года о расконвоировании военнопленных для использования их на различных хозяйственных должностях и в связи с поступающими запросами из лагерей НКВД о порядке расконвоирования военнопленных была издана директива начальником Главного Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных, направленная народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краёв и областей, начальникам ОПВИ УНКВД по делам военнопленных УСССР и ВССР.¹ Данная директива возлагала ответственность за расконвоирование военнопленных на начальника Управления лагеря, утверждающего списки на расконвоирование, и начальника оперативного отделения лагеря, дающего санкцию для включения в список военнопленных для расконвоирования.

Наркомы внутренних дел союзных и автономных республик и начальники управлений НКВД краёв и областей должны были к 5-му числу каждого месяца высылать в ГУПВИ НКВД СССР сведения с указанием количества расконвоированных, для каких целей расконвоированы, какой национальности. Также кратко описывать положительные и отрицательные стороны поведения военнопленных на работах, какое количество было совершено побегов и попыток к побегу со стороны расконвоированных военнопленных.

Расконвоирование военнопленных производилось из антифашистски настроенного контингента, зарекомендовавшего себя в течение продолжительного времени с положи-

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 4, 5.

тельной стороны. Кандидаты на расконвоирование персонально и в обязательном порядке проверялись и согласовывались с оперотделом лагеря.

Из числа расконвоированных военнопленных в лагере (лаготделении) создавалась команда со старшего команды из их числа. Организованная команда из расконвоированных военнопленных размещалась вне зоны. Директива предписывала при отсутствии такой возможности размещать их в зоне, но в отдельном помещении, изолированно от общей массы военнопленных и содержать на казарменном положении.

Ежедневная посписочная поверка расконвоированных военнопленных проходила утром во время обеденного перерыва, а также вечером и в ночное время.

Среди расконвоированных военнопленных была усилена полит-массовая работа и агентурное обслуживание как самих расконвоированных, так и окружающего населения, поскольку учитывался факт возможного взаимодействия расконвоированных военнопленных по роду своей работы с окружающим местным населением.

Расконвоированные военнопленные, допустившие нарушение дисциплины, правил внутреннего распорядка, подвергались взысканию и немедленно возвращались в зону лагеря (лаготделения). Поскольку такие возвращающиеся в зону военнопленные за время их расконвоирования могли хорошо изучить местность и пути движения, за зону их не выводили и устанавливали за ними наблюдение с целью недопущения побегов. О данных фактах одновременно доносилось в ГУПВИ НКВД для перевода их в другие лагеря.

Расконвоированным военнопленным, связанным с работой за пределами лагеря, начальником лагеря выделялся временный пропуск на право бесконвойного передвижения. В пропуске с фотокарточкой, скрепленной печатью, указывалась фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, выполняемые обязанности и срок действительности пропуска. Помимо пропуска расконвоированному военно-

пленному выдавалась путевка, в которой указывалось (без номера) наименование лагеря, полностью фамилия, имя, отчество, время выдачи, срок действия путевки, число и время выдачи, каким маршрутом должен следовать, с какой целью и на каких средствах передвигается. Путевка удостоверяется печатью лагеря.

Пропуски и путёвки расконвоированным выдавались только за подписью начальника лагеря по персональным спискам. Хранение незаполненных подписанных с печатями бланков пропусков категорически запрещалось.

Начальник управления НКВД по Свердловской области, комиссар государственной безопасности предписывал производить расконвоирование ограничено, только в действительно необходимых случаях (специалистов, на работах, требующих индивидуального труда военнопленных) и только после изучения санкции начальника отдела УНКВД по руководству лагерями военнопленных.¹ Не расконвоировались военнопленные, служившие в войсках СС, СА, полевой жандармерии – они находились на особом учёте.

Начальник УПВИ НКВД Свердловской области, полковник госбезопасности подчеркивал важность данной директивы, которая, по его мнению, при правильном и разумном применении в жизнь лагеря даст возможность усилить антифашистскую политическую работу среди военнопленных, увеличить производительность труда и сократить расход вахтерского состава².

Приказами НКВД СССР от 15 и 27 июня 1945 года с целью сокращения вахтерского состава для конвоя военнопленных на производственных объектах в лагерях создавались вспомогательные команды из числа расконвоированных военнопленных, выполнявших правила внутреннего распорядка. Расконвоированные военнопленные использова-

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

² ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

лись также на работах в подсобном хозяйстве лагеря, на производственных объектах в качестве электромонтеров, кузнецов и т.д. Группы военнопленных более 30 чел. конвоировались красноармейцами гарнизонов, которым в помощь придавались солдаты вспомогательной команды, вахтеры лагерных отделений. Попыток к совершению побега расконвоированными военнопленными в большинстве лагерей зарегистрировано не было. В феврале 1946 года было расконвоировано 43 человека: 30 немцев, 13 австрийцев офицерского состава.

Военнопленные работали на объектах Базстроя НКВД СССР, сантехстроя, монтажной конторы, в лесном районе, на строительстве железных путей.

Штатно списочная численность личного состава на 1 января 1945 года включала 125 чел., списочная численность военнопленных 3 732 чел.

С июня 1945 года началась отправка военнопленных на родину по эшелонным спискам. В июле месяце были отобраны больные хроники, ослабленные, находящиеся долгое время в ОК или числящиеся в течение длительного времени по III-й категории труда, в количестве 598 человек и этапированы по распоряжению ОПВИ УНКВД.¹

В 1946 году военнопленных отправляли в антифашистские школы и курсы.

По косвенным данным, представленным в исторической справке архива, лагерь для военнопленных № 197 был расформирован в 1947 году.

По результатам данного исследования, основанного на не опубликованных ранее архивных материалах, можно составить объективное представление о некоторых аспектах основания, расположения и функционирования лагеря для военнопленных № 197. Анализ организации режима и охраны, трудового использования, материального обеспечения,

¹ ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 9. Л. 80.

быта военнопленных подтверждает, что лагерь для военнопленных во многом копировал устройство исправительно-трудового лагеря НКВД СССР. Вместе с тем режим содержания военнопленных по сравнению с заключенными исправительно-трудовых лагерей был более мягким и гуманным, что связано, прежде всего, с регламентацией их правового статуса международными правовыми актами; военнопленные реже подвергались лагерному произволу. Суровые климатические условия Урала, тяжелый труд, дефицит продуктов питания оказывал негативное влияние на физическое содержание контингента. Однако принимаемые меры по улучшению медицинского обслуживания, дифференциации труда, нормализации условий содержания имели свои положительные последствия. Следует отметить, что государство старалось максимально обеспечить военнопленных всем необходимым в условиях военного лихолетья и тяжелых послевоенных лет.

Источники и использованная литература:

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО). Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 24, 24 об, 25, 25 об.
2. ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 5, 6.
3. ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 4, 5, 8, 9, 12, 15, 22.
4. ГААОСО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 9. Л. 43, 43 об., 44, 44 об., 69, 80.
5. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.
6. *Мотревич В.П.* Иностранцы военнопленные Великой Отечественной войны на Урале // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Екатеринбург: Ин-т ист. и археол. УрО РАН, 1995. С. 77-86.
7. *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы Советской России. – Екатеринбург: Изд-во Уральской государственной юридической академии. 1997. – 368 с.

Kudoyarova G.R.

The establishment, location and functioning of camp for prisoners of war No. 197 of Sverdlovsk region in days of the Great Patriotic War

In this article, some aspects of the maintenance of prisoners of war in camp for prisoners of war No. 197 of Sverdlovsk region in days of the Great Patriotic War, and also the general information on the establishment, location and functioning of camp are considered.

Keywords: The Great Patriotic War, People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR, camp for prisoners of war, prisoners of war, norms of food, material security.

**К 110-летию участника Великой
Отечественной войны, профессора,
заведующего кафедрой истории
государства и права
Свердловского юридического института
Бориса Фёдоровича Ливчака**

Насибуллин Р.А.

Две войны Бориса Ливчака

О жизни и деятельности Бориса Фёдоровича Ливчака (02.08.1906 – 22.07.1993) – сына крупного симбирского земского архитектора, инженера и изобретателя, выпускника историко-философского факультета Московского госуниверситета (1931), участника Великой Отечественной войны, преподавателя, профессора (1939-1975), заведующего кафедрой истории государства и права Свердловского юридического института (1963-1971), доктора исторических наук (1967), кандидата юридических наук (1946).

Ключевые слова: Ливчак, Фёдор Иосифович, война, революция, детдом, университет, марксизм, преподаватель, партия, репрессии, институт, лейтенант, профессор, заведующий кафедрой, организация вооружённых сил.

Детство в Симбирске. Фёдор Иосифович Ливчак

Б.Ф. Ливчак родился 2 августа 1906 года в посёлке Стрельна Санкт-Петербургской губернии (ныне Ленинградской области).¹ Отец – Фёдор Иосифович Ливчак (1877-

Насибуллин Рафил Ахнафович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

¹ При написании статьи использовались личное дело проф. Б.Ф. Ливчака (Архив УрГЮУ. Личное дело Б.Ф. Ливчака. Р-2143. Оп. 1. Ед. хр. 125.) и другие материалы из архива УрГЮУ, за что автор выражает искреннюю признательность директору архива УрГЮУ Н.С. Елисовой;

1919)¹ родился в городе Вильно (ныне Вильнюс – столица Литвы) в многочисленной семье незаурядной личности, изобретателя и общественного деятеля Иосифа (Осипа) Николаевича Ливчака (1839-1914).

Иосиф (Осип) Николаевич Ливчак (1839–1914) – русский изобретатель, писатель, публицист, преподаватель математики, общественный деятель. Его отец Ливчак Николай Иосифович был священником в с. Тисове Перемышльского уезда Галицкой Руси в 1835-1864 гг. Иосиф Николаевич – по происхождению прикарпатский русин (гуцул) из тогда ещё русской (не бандеровской, не русофобской) Галиции, входившей в те времена в состав Австро-Венгерской империи, в которой славянское большинство подвергалось национальному угнетению. Галицко-русский писатель, видный деятель старорусского движения в Галиции.

Он с 1863 года жил в Вене, издавал журналы (1863-1868). Призывал к освобождению славянских земель из-под власти Австро-Венгрии и объединению их вокруг России. Был знаком с И.С. Аксаковым, Ф.М. Достоевским и Д.И. Менделеевым, сотрудничал с русскими периодическими изданиями и придерживался твёрдых консервативных православно-монархических убеждений.

Из-за преследований австрийскими властями в 70-х гг. XIX века переехал в Россию. В Виленском реальном училище преподавал математику. В числе изобретений Осипа

воспоминания Б.Ф. Ливчака: *Ливчак Б.Ф.* Храни меня, мой талисман // Урал. 1993. № 12. С. 141-185; *Ливчак Н.Ф., Ливчак Б.Ф.* Воспоминания брата и сестры // URL: livchak.narod.ru; воспоминания коллег Б.Ф. Ливчака.

¹ При написании использовались: *Касаткина С.С., Свешникова О.А.* Фёдор Ливчак (Мастера архитектуры Симбирска). – Ульяновск: Типография Облучинского, 2006. – 200 с., ил., фот.; Фёдор Осипович Ливчак (1878-1919) // Ульяновская правда // Цит. по: Улпресса движения общего дела // URL: Ulprensa.ru; Архитектор Фёдор Осипович Ливчак (1878-1919) // ОтветЪ – газета Другой Ульяновск // URL: OTVET; Ф.О. Ливчак // URL: ru.wikipedia.org; Завещание Ливчака // URL: sim-k.ru (дата обращения: 25.12. 2012).

Николаевича – матрицывывивательная наборная машина, которая с 1875 года использовалась при наборе газеты «Виленский вестник». Ряд его изобретений связан с военным делом – прицельный станок (1886), оптический прибор *диоскоп* (прототип перископа), отмеченный большой золотой медалью Парижской академии. В 1880 году на Закаспийской железной дороге Иосиф Ливчак разработал и применил технологию механизированной укладки железнодорожного пути. Он сконструировал указатель пути и скорости движения локомотива. Русское техническое общество наградило его за эту работу золотой медалью им. А.П. Бородин (1903). Д.И. Менделеев называл Ливчака «русским Эдисоном» и признавал, что «такого настойчивого, остроумного и всегда опиравшегося на науку изобретателя множества приборов – другого я не знаю». Упомянут в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и Большой Советской Энциклопедии.¹

И.О. Ливчак – отец восьмерых детей. Двое из них умерли от воспаления мозга. Психически больными оказались двое: сын Андрей (1888? – 1916?), склонный к изобретательству (иногда Андрею казалось, что он – животное, и тогда он убегал в симбирский лес, пропадал на несколько дней, и Фёдор Иосифович ездил его разыскивать; в период одного из помешательств он был в лесу, и его съели волки) и дочь Елена (1874? – 1944?), которая получила высшее женское образование и занималась теософией. Сыновья: Владимир (1870? – ?) – учёный лесничий; Николай (1872? – 1942?) – изобретатель механик, собственник механического завода в Петрограде, нэпман; Фёдор (1878-1919) – третий сын, отец Б.Ф. Ливчака; дочь Вера (1888? – 1962?) – работница палаты мер и весов. Дочь Владимира – Ксения Ливчак (1906-1988) – живописец, график, художник по

¹ См.: Немировский А.И. Изобретатель Ливчак // Знание-сила. 1952. № 2. С. 2-4; Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. – СПб.–Пг.: Изд-во Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1915. Т. 24. Столб. 502; Большая советская Энциклопедия. 2-е изд. М.: Гос. науч. изд-во “Большая сов. энц-ия”, 1954. С. 105.

тканям и фарфору, ученица всемирно известного художника – авангардиста Павла Николаевича Филонова (1883-1941), ленинградская блокадница; её работы хранятся в Государственном Русском музее.¹

Фёдор Ливчак пошёл по стопам отца. Склонность к художественному творчеству предопределила его поступление в 1900 году на архитектурно-строительный факультет Института гражданских инженеров в Петербурге – замечательное учебное заведение, из которого вышло множество строителей, создавших, по существу, облик предреволюционной России. По окончании с отличием института в 1904 году служил по направлению инженером в Смоленске, где строил Геденовскую психиатрическую лечебницу.²

В августе 1906 года с женой и тремя детьми Ф.О. Ливчак приехал в Симбирск, где начал работать в должности городского архитектора. В марте 1910 года он занял должность заведующего строительным отделом губернского земства. Профессионализм, деловые и личностные качества Ф.О. Ливчака высоко ценились в Симбирске. В 1913 году его избрали гласным (депутатом) Симбирской городской Думы.

Удивляет многогранность и разнообразие его деятельности. Ливчак – талантливый архитектор, один из лучших мастеров русского архитектурного модерна начала XX века. В 1903-1917 годах он украсил своими постройками многие города России. По его проектам в Симбирске (Ульяновске) построено несколько десятков зданий гражданского и промышленного назначения – банки, больницы, учеб-

¹ Мухно С. Мастер «аналитического искусства» // Обзор. – 2010. № 680 // URL: www.obzor.lt.

² Иосиф Николаевич считал своим долгом дать своим детям только среднее образование, а высшее образование они получали только на свои средства. Фёдор Иосифович учился в институте на казенные средства. Поэтому после окончания института он два года отрабатывал в г. Смоленске.

ные заведения, доходные дома, жилые особняки.

Вот лишь некоторые из них: здание и флигель Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков (ныне здесь размещается один из корпусов Ульяновского госуниверситета); здания Общественного собрания (областная филармония), Общества взаимного кредита (Центр научно-технической информации). Единственная сохранившаяся за советское время каменная Воскресенская церковь на старом городском кладбище, Школа огнестойкого строительства (областной туберкулёзный диспансер), доходные дома купцов Зеленковых (кинотеатр «Художественный»), князей Ухтомских (корпуса городской детской больницы), жилой дом купца Бокоунина («теремок»), собственный дом -особняк архитектора с ателье-мастерской (Дом актера, ул. Архитектора Ливчака, 4), Частный дом (обком профсоюза работников сельского хозяйства).

Вице-президент Российской академии художеств, ректор Московского архитектурного института Д.О. Швидковский дал следующую характеристику творчеству зодчего Ливчака: «Его имя достойно занять заметное место среди лучших мастеров русского модерна... Как и все, он был подвержен влиянию и переменам архитектурной моды, но его творчество всё же отличается значительной цельностью, а это, как кажется, признак крупного таланта. В его постройках и проектах соединяются черты петербургской эклектики и скорее московского или волжского, но не столичного модерна, с добавлением неоклассицизма вновь петербургского толка. Произведения зодчего, несмотря на разнообразие образцов и источников творчества, очень органичны и узнаваемы. Здания не только функционально удобны, но и обладают единством образа, даже когда автор использует элементы различных стилей. И, кроме того, что самое главное, произведения Федора Осиповича Ливчака исключительно обаятельны, может быть сохраняют в себе

его цельный, приятный и изобретательный характер».¹

Столыпинская аграрная реформа предусматривала создание Крестьянского поземельного банка. Для его отделений в губернских городах строились роскошные здания. По проектам Фёдора Иосифовича они построены в Симбирске², Тамбове (1911 г.; ныне Тамбовский государственный университет), Курске (ГУ Центрального банка России по Курской области), Кишинёве и Нижнем Новгороде (1913-1916 гг.; Дворец творчества юных). Все эти здания выполнены преимущественно в русском стиле, который впоследствии называли музыкой Глинки в архитектуре. В своей серии работ по проектированию банков Ф.О. Ливчак выступил не только как архитектор, но и дизайнер, разрабатывая эскизы мебели, росписи внутреннего вида, лепных декоров и майолики для украшения фасадов. Это стало наиболее значительным творческим достижением Ф.О. Ливчака.³

Фёдор Иосифович в должности заведующего строи-

¹ Швидковский Д.О. Симбирск – это не только Ленин // Культура. 2007. № 1 (7562). Не менее высоко охарактеризовал творчество Ф.О. Ливчака президент Союза архитекторов России, народный архитектор России Ю.П. Гнедовский: «Архитектурные принципы, характерные для творчества Ливчака – это целостный архитектурный образ, чистота, ясность и смелость композиции, новаторская для того времени работа с материалами – недекорированным бетоном и бетонными пустотелыми блоками – чистые большие плоскости стен и остекление, новаторские конструкции и новые строительные материалы. Эти архитектурные методы и приёмы стали основополагающими в эпоху модернизма и конструктивизма». – Гнедовский Ю.П. Предисловие к изданию (Мастера архитектуры Симбирска. Федор Ливчак) // Вестник. «Зодчий. 21 век». 2007. № 1 (23). – См.: Вестник. «Зодчий. 21 век» // URL: <http://www.zodchiy21.ru/index.php?id=143>.

² Объясняя замысел, Ливчак писал: «В идее осуществлённого проекта лежало олицетворение здания Крестьянского банка в виде колоссальной избы с характерной двускатной коньковой крышей».

³ Кроме этого, архитектор принимал участие в реконструкции Поземельного банка в г. Пензе и разработал проекты для отделений в городах Оренбург и Уфа, которые не были реализованы.

тельным отделом земства в летние месяцы объезжал свои многочисленные стройки и всегда брал с собой маленького Бориса, тоже увлечённого архитектурой. Благодаря этому он в детстве повидал сельскую дореволюционную Россию. Стройки архитектора Ливчака были разные: земские школы и больницы, опытно-показательная сельскохозяйственная станция, сумасшедший дом близ Симбирска, одно из крупнейших предприятий тогдашней России – Сенгелевский цементный завод.

Ф.О. Ливчак – инженер и изобретатель. Один из первых он оценил огромные возможности, заложенные в новом для того времени строительном материале – бетоне. Как инженер он изобрёл и освоил производство бетонных пустотелых блоков, заложив основу огнестойкого строительства с повышенным сопротивлением теплопередачи стен. Он разработал систему кладки бетонных пустотелых блоков и сконструировал станок для их изготовления.

Ф.О. Ливчак открыл в 1911 году собственный завод по изготовлению бетонных пустотелых блоков – на берегу реки Волги. Кроме бетонных блоков, он выпускает цветную цементную плитку, мозаично-мраморные ступени, черепицу, железобетонные трубы. В короткий срок в Симбирске и губернии строится более 50 частных и общественных зданий из пустотелых блоков системы Ливчака.

Одновременно с этим, энергичный инженер и земский деятель Ливчак организует съезды производителей цемента и бетонных блоков, пишет и печатает труды по их производству.¹ Внедряя передовые архитектурные и инженерные решения, мастер создал свою школу – «школу огнестойкого строительства», построив для неё особое здание.²

¹ Ливчак опубликовал около двух десятков работ, в том числе два издания книги «Бетонный пустотелый камень. Станок для выработки его. Кладка из него стен и зданий. Системы инженера Ф.О. Ливчака» 1912 и 1914 года.

² Продвигая свои идеи бетонного строительства, изобретатель организовал земскую лабораторию для испытания строительных материалов

«Бедствием русской деревни были пожары. Деревянные избы, крытые соломой, близко примыкающие одна к другой, выгорали целыми селениями. Сельское строительство из бетонного камня с черепичной кровлей должно было пресечь это русское бедствие».¹

Фёдор Иосифович заказал для маленьких сыновей Бориса и Глеба копию изобретённого им станка для изготовления из песка (или гравия) и цемента бетонного пустотелого блока (камня) в десятикратном уменьшении. Дети запросто смешивали в заданной пропорции песок, цемент и воду и формировали пустотелый камень. Занявшись кроликами, они построили в саду для них домик из бетонного камня, остеклили его окно и утеплили домик печкой под его полом. Отец не вмешивался в это строительство, но с интересом посматривал на эту ребячью стройку.²

Ф.И. Ливчак мечтал построить для своей семьи большой дом, настоящий дворец. В 1914 году он осуществил свою мечту. Просторный особняк из девяти комнат Ф.И. Ливчак построил из бетонных пустотелых блоков собственного изобретения. В провинциальном патриархальном Симбирске (60 тыс. жителей) семья Ф.И. Ливчака имела своё хозяйство – лошадь, корову, многочисленных кур и индеек.

Надежда Фёдоровна Ливчак (1903-1994) вспоминала:

«С раннего детства я знала, что у отца опасное хроническое сердечное заболевание. И всё своё детство я провела под страхом лишиться отца. Когда я возвращалась из школы, я боялась входить в дом до того, как увижу в окно отца, и узнаю, в каком он состоянии. Я всегда смотрела, нет ли у него тряпки на сердце.

Отец с матерью жили дружно. Хотя людьми были разными. Отец жил своей деятельностью, очень любил детей

и построил земский бетонный завод. Там он проводил опыты по изучению физических свойств «бетонита» – материала на основе бетона, из которого Ливчак начинал производить пустотелые бетонные блоки.

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 145.

² Там же. С. 146.

и животных. Любил неожиданные шутки и придумывал разные выходы. В нашем доме никогда семья не ограничивалась только пятью нашими детьми. Часто гостили двоюродные братья и сестры...

Из раннего детства помню, как отец собирал нас в своём кабинете у камина (в камине что-то тлело, а в решающий момент ярко вспыхивало), и начинал рассказывать страшные истории собственной выдумки. А делать это он умел классически, с постепенным нарастанием эмоций, беспокойства, страха. И, в конце концов, всё кончалось ужасом, криком и побегом из комнаты.

Отец очень любил Гоголя. И тоже, собрав вокруг себя ребят, десяток человек, читал нам Вия. Мать возмущалась. Нас она учила хорошим манерам, доброжелательному отношению друг к другу. Сама она была человеком весёлым, оптимистичным, участвовала в любительских спектаклях, и пользовалась большим успехом».¹

Первая мировая война глазами мальчика Бориса Ливчака

Восьмилетним мальчиком Бориса застала Первая мировая война.

«Общим фоном нашей жизни оставалась, конечно, война. На большой карте Европы, что на стене в столовой, отец переставлял булавки – флажки, обозначавшие линию фронта. По утрам, за чаем, просматривал «Русское слово»², он называл, “что взяли” – главным образом у австрийцев, “что оставили” – преимущественно немцам и, чаще всего,

¹ *Ливчак Н. Ф., Ливчак Б. Ф. Воспоминания брата и сестры* // URL: livchak.narod.ru.

² «Русское слово» (1895-1917) – самая распространённая, читаемая и многотиражная (тираж в 1916 г. – до 750 тыс. экз., а в 1917 г. – 1 миллион 200 тыс.) ежедневная газета Российской империи умеренно либерального направления, издаваемая крупнейшим русским издателем Иваном Дмитриевичем Сытиным (1851-1934) и редактируемая «королём русской журналистики» Власом Михайловичем Дорошевичем (1865-1922). – См.: *Дорошевич В. М. Воспоминания*. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 830 с.

где «без перемен». Та война была позиционной.

Сентябрьским утром (1914 г.) готовимся к встрече первого в Симбирске санитарного поезда с ранеными. У подъезда пролётка. В ней размещаются мама и четверо детей (отцу, как всегда, некогда). Мальчики – в матросских бескозырках с георгиевскими ленточками, у всех – по букетику осенних цветов.

Станционный перрон, отдалённый свисток, всё ближе стук колёс, клубы пара подошедшего поезда. Вагоны товарные. Отодвигаются двери теплушек, и на перрон принимают лежащих на носилках, помогают тем, кто на костылях, потом сходят легкораненные. На их помятых шинелях – остатки соломенной подстилки. Лица хмурые, землистые, небритые, исподлобья смотрящие на «чистую публику», на наши бескозырки с георгиевскими ленточками, на букетики. Мне как-то неловко. Стыдновато, что ли, но это – подсознательно¹...

Не сказал бы, что в семье витал дух патриотизма. Как и к религии, отношение к Отечеству было никак не горячим. Вспоминаю, правда, семейное торжество по поводу взятия нашими войсками Перемышля (1914 г.). Но это потому, что Перемышль – родина предков отца. Вспоминаю траур при оставлении нами Варшавы (1915 г.). Это совпало с именинами не то Фёдора, не то Бориса и Глеба. Семейный праздник был приглушён: не заводили граммофон – с улицы слышно».²

С началом Первой мировой войны Фёдор Иосифович занимался, главным образом, оборонным строительством. По его проектам в губернии строятся пять тыловых госпиталей и лагерь для военнопленных на 10 тыс. человек³,

¹ Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 143.

² Там же. С. 148.

³ «Применение труда военнопленных и в Германии, и в России стало к тому времени обычным. Но отец имел военнопленных расконвоированных. Тут дело в следующем. Среди австро-венгерских пленных было много чехо-словаков, не желавших воевать против «братьев-славян» и охотно сдававшихся целыми частями в плен русским. Напомню,

приспосабливаются под лазареты многочисленные здания. Он осуществлял также поставку бетонного камня строительству патронного завода.

Ещё одной удивительной разработкой Фёдора Ливчака становится... снаряд из суперпрочного бетона. «Отец был белобилетником (освобождён от воинской повинности из-за порока сердца). Он пытался внести свою лепту изобретением в области вооружения. При военном дефиците на металл он сконструировал бетонный фугас. Его образец кустарно изготовлялся у нас во дворе, и простенькая его технология была мне ясна.

В 1915 году отец повёз свой фугас на испытание в Петербург. Испытание на полигоне дало отрицательный результат (большинство осколков разлетелось выше человеческого роста). Об этом испытании “чёрной смерти” Ливчака я потом прочёл в воспоминаниях бывшего военного министра, пресловутого Сухомлинова».¹

Семейные традиции изобретательства оказали влияние и на детей. «И вот, когда в 1915 г. мы узнали о немец-

как brave солдат Швейк (чех), попав на русский фронт, прежде всего, спросил – где тут плен? Вот эти пленные чехо-словаки имели особый режим – были расконвоированными. На каких условиях они работали у отца в смысле зарплаты – не знаю. Но помню, что с их прибытием была заведена пекарня. Была ли кухня (или котел для каши) не знаю, но пекарню помню хорошо, потому как ел очень вкусный хлеб, выпекаемый очень симпатичным пекарем – чехом. О двух чехах, живших у нас. Один – Якубчак, несмотря на малый рост, но при фартовых усилиях, которые он на ночь подвязывал, был кумиром кормилиц из соседнего приюта подкидышей. Другой, высоченный блондин Словак (это его фамилия) оказался музыкантом и скрипичным мастером. Он удивил нас, склеив самодельную скрипку, на которой постоянно исполнял “Пепик” – наш Пупсик. Чем они были заняты у отца? Ничем определённым. Разве что работали истопниками. При изготовлении отцом фугаса они готовили бетонную смесь и т.п. Об их досуге можно судить по тому, как вместе со мной и Глебом они ходили на Свягу купаться. Ночевали летом на сеновале, а зимой в котельной». – *Ливчак Н.Ф., Ливчак Б.Ф. Воспоминания брата и сестры* // URL: livchak.narod.ru.

¹ *Ливчак Б.Ф. Храни меня...* С. 148-149.

ких газовых атаках, а дамы маминого круга, собираясь, шли для армии примитивные респираторы (из ваты и марли), мы, дети, и девочки тоже, занялись изобретением... отравляющего газа! В бутыль задавливали почему-то ягоды бузины, бутыль закапывалась в землю, её время от времени откапывали и, рискуя отравиться, нюхали».¹

«В 1915 году был большой пожар на строительстве симбирского моста через Волгу. Мост в 12 пролётов, протяжённостью в полтора километра. Он был в той стадии строительства, когда его металлические фермы держались ещё на лесах, возведённых между балками и опирающихся на баржи. Вот эти леса и баржи под ними вспламенились, и по мере их сгорания фермы целиком падали в воду. Отец выехал на пожар, прихватив на это зрелище детей.

Лет через 40, роясь в центральном военно-историческом архиве, наткнулся я на документы следствия по этому пожару. Это была диверсия немецкой агентуры. Стратегическое значение моста было не только в том, что он связывал центр с симбирским продовольствием и сырьём, – по другую от Симбирска сторону Волги строился патронный завод».²

С 1 сентября 1915 года Борис стал гимназистом Симбирской первой мужской гимназии, надев гимназическую форму и фуражку с блестящим козырьком, синим околышком с серебряным значком. Его – «барчука», сына инженера, губернского архитектора, домовладельца, предпринимателя, умеренного либерала – конституционного демократа, казалось, ожидало прекрасное будущее.

В революцию и гражданскую войну (1917-1921)

Падение монархии, развал российского государства, анархия, захват власти леворадикальной партией коммунистов в 1917 году, установление в стране большевистской од-

¹ Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 149.

² Там же.

нопартийной диктатуры, массовые репрессии, четырёхлетняя гражданская война, иностранная интервенция, безумные экономические эксперименты привели страну к гуманитарной катастрофе. Тяжёлые испытания обрушились и на многочисленную семью Ливчаков.

Октябрьскую революцию Ф.И. Ливчак не принял. С приходом большевиков к власти в Симбирске начались репрессии, которые затронули многих друзей архитектора. В город вошли белогвардейские части генерала Владимира Оскаровича Каппеля (1883-1920) и белочехи. Каппелевцы распевали песню:

Смело мы в бой пойдём
За Русь святую!
И, как один, прольём
Кровь молодую!¹

Ливчак стал оказывать им всяческую помощь. С группой своих друзей он организовал мастерскую по переоборудованию грузовых автомобилей в броневики. Для этого автомобили обшивали бронелистами. Машины поступали на вооружение белогвардейцам.

В случае возвращения красных Ливчака запросто могли «поставить к стенке». Дождаться такого исхода он не стал. Утром 12 сентября 1918 года Ливчак покинул город вместе с семьёй. Федор Иосифович нанял лодку, переплыл Волгу и пешком двинулся в город Мелекесс (ныне Димитровград). Пока отряды Каппеля удерживали оборону на левом берегу Волги, семья Ливчака жила в Мелекессе. Однако вскоре белые стали отступать под натиском красных. Ливчак принял решение уйти на Урал с войсками Кап-

¹ Через несколько лет детдомовец Борис Ливчак в красной Москве будет с энтузиазмом петь другие слова на тот же мотив:

Смело мы в бой пойдём
За власть Советов!
И как один умрём
В борьбе за это.

пеля...

Жена Фёдора Ливчака Мария с детьми решила вернуться в ставший им родным Симбирск. Больше супруги друг друга не видели. Тем временем Фёдор Осипович в Омске занимался перестройкой помещений под тифозные бараки. Там он и заразился сыпным тифом. Принимая во внимание серьёзную болезнь сердца у архитектора, доктор не скрыл от него возможных последствий, и Ливчак написал семье последнее письмо. Через несколько дней, 20 декабря 1919 года, он умер в расцвете сил в сорок один год (!). Через 80 лет именем Ф.О. Ливчака в Ульяновске будет названа улица, где стоит его дом, известный ульяновцам как Дом актера. Поразительно как много он успел всего за тринадцать лет. Удивительно, что так много его построек дошли до наших дней и остались неразрушенными.

Семья узнала о смерти Фёдора Осиповича лишь через три недели. Последнее письмо принесла неизвестная, плохо одетая женщина. Известие подкосило семью: мать потеряла сознание и, ненадолго приходя в себя, по воспоминаниям Надежды, кричала «не своим голосом». Братья валялись в снегу и ели его – так проявлялось их отчаяние. В письме была «карточка» с изображением Фёдора Осиповича. Передавая её Борису, Ливчак завещал ему жить в дружбе с братьями и сестрами и помогать маме...

Многочисленная семья Ливчаков осиротела, осталась без кормильца, без средств к существованию, без дома, который советская власть национализировала. У Бориса были две старшие сестры Надежда¹ и Вера² и два младших брата

¹ Надежда Фёдоровна Ливчак (1903-1994) – талантливый художник и преподаватель художественного училища в Москве.

² Вера Фёдоровна Ливчак (1905-1992) – муж её был арестован и осуждён, она много лет работала лагерным врачом, чтобы быть ближе к нему. После реабилитации мужа вернулась в Москву. Все, кто вспоминает о её московском доме, рассказывают не только о доброте и радушии Веры Фёдоровны, но и о её бесстрашии. Она запросто могла принести

домой рассказы запрещённого тогда писателя В. Шаламова, с которым была знакома через брата Б.Ф. Ливчака. Вера Фёдоровна очень дружила с академиком, правозащитником Андреем Дмитриевичем Сахаровым (1921-1989).

«В 1971 году её единственная дочь с мужем-евреем и внучкой уехали в Израиль. Вера Фёдоровна не хотела по многим существенным для неё причинам уезжать из СССР навсегда, но, начиная с 1972 года, добивалась возможности навестить дочь и внуку, увидеться с ними. История её мучений при этом – наглядное свидетельство бесчеловечности всей нашей системы с поездками и выездами... Вера Фёдоровна ходила на приёмы к разным начальникам. Каждый раз это стоило многих месяцев усилий, ожидания, нервов. Но ни один из них не помог в разрешении этого дела... В апреле 1978 года, после очередного отказа, у Веры Фёдоровны случился инфаркт. Опасаясь не дожить до разрешения на поездку, она, после мучительных сомнений, решила подать заявление на выезд и уехала в Израиль...

Одной из причин, удерживающих Веру Фёдоровну от эмиграции, было её ощущение, что тут она полезна людям. Она долго продолжала работать врачом. Сразу после отъезда дочери она стала много помогать семьям евреев-отказников. Потом очень большое место в кругу её помощи заняла наша семья. Если заболел кто-то из маленьких, или наоборот – не маленьких, а старых, первым движением всегда было позвонить Вере Фёдоровне, и она тут же появлялась, так же тогда, когда надо было посидеть с малышами, и всё это – от души.

По вторникам, по четвергам, Вера Фёдоровна вместе с Машей Подъяпольской приходили к нам посидеть, поговорить. Без них мы уже не мыслили нашей семьи. Потом, когда Вера Фёдоровна уехала, нам очень её не хватало.» (*Сахаров А.Д.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2011. С. 541-542). В 1979 г. Вера Фёдоровна эмигрировала в Израиль. В 1990 году восьмидесятичетырёхлетний Борис Фёдорович, переживший инсульт, посетил больную Веру Фёдоровну в Израиле.

¹ Глеб Фёдорович Ливчак (1908-1978) – механик в Москве, проживавший по ул. Новокузнецкая, д.17, кв. 13 а.

² Иосиф Фёдорович Ливчак (1914-2006) – профессор, доктор технических наук, член-корреспондент Академии строительства и Архитектуры СССР (1957), крупный российский ученый в области климатизации и вентиляции гражданских зданий и охраны окружающей воздушной среды, заслуженный деятель науки и техники РФ, автор 21 изобретения,

1945), в девичестве Гартц, русская уроженка г. Санкт-Петербурга, красавица, которая блистала на балах, утраивала в своём доме пышные приёмы, в 1919 году поступила на службу счетоводом. Служащими стали и сёстры Надежда и Вера. Как служащие они получали очень скудный продовольственный паёк, ставший единственной пищей для семьи.

Главным кормильцем матери и четырёх детей оказался Борис, которого друзья Ливчака осенью 1918 года устроили на работу чертёжником в Управлении по восстановлению моста через реку Волгу и укреплению Симбирского косогора. Стройка считалась тогда ударной. «Паёк для работающих здесь был, соответственно, ударным. Следует учесть, что продовольственные карточки всех членов семьи прикреплялись к месту работы одного из работающих. В итоге – 12-летний мальчишка оказался кормильцем семьи».¹

Учёбу на три года пришлось прервать. Борис как «мешочник» обменивал в деревнях вещи на спасительную муку.²

19 монографий, около 400 статей в области отопления и вентиляции гражданских зданий, часть из которых опубликована в иностранных журналах, участник Финской и Великой Отечественной войн, многолетний глава секции отопления, вентиляции и теплоснабжения Научно-технического совета Госстроя СССР, преподаватель московских вузов около 50 лет, декан Московского института инженеров городского строительства, заведующий кафедрой охраны окружающей среды, строительства и сантехники в Московском институте пищевой промышленности, научный руководитель 15 аспирантов, успешно защитивших свои кандидатские диссертации, член КПСС. (К 85-летию и 70-летию трудовой деятельности проф. И.Ф. Ливчака. – М.: Изд-во МГУПП, 1999).

¹ Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 152.

² «Не могу обойти “позорного” для будущего, комсомольского отрезка моей биографии пятна. Дело было зимой 1919 г. С работы я проходил рынком. Слышу вопли женщин. Военные отбирают у «спекулянтов» зерно, муку, крупы. Государственная монополия на хлеб? А я позволил себе квалифицировать происходящее, как грабёж. Да вслух. Чья-то

«Весной 1919 г. сотрудникам нашего управления дали так называемые провизионки – право на разовый проезд по железной дороге на 300 км. Для обмена в деревне шмоток на провизию. Мама рискнула отпустить меня. Мой обменный фонд состоял из шибко надрасенного мною медного подноса и пары мужских ботинок, выигранных в лотерее, и кое-какой мелочи – иголок, рыболовных крючков ... Ехал я в теплушке с одним из чертёжников. У немцев-колонистов поменял ботинки. Посмеявшись над моим товаром, немцы посоветовали пойти в татарскую деревню. Там успех был. Пуда полтора (24 кг – РН.) муки я привёз».¹

В Москве (1921-1931)

В конце 1921 года в связи с голодом в Поволжье семья Ливчаков переехала в Москву. В маленькой московской комнатухе с матерью жили две дочери и младший сын Ося. Они спали на полу, лёжа вплотную. В связи с болезнью матери и отсутствием средств Борис с братом Глебом был принят в детский дом № 168 в Москве рядом с Хитровым рынком и пробыл в нём около трёх лет с 1921 по 1924 годы, окончив здесь школу.

«Дети здесь собранные были очень разные. От беспризорников с улицы до питомцев кадетского корпуса и воспитанниц института благородных девиц, оставшихся по тогдашним обстоятельствам, – гражданская война, эмиграция

сильная рука взяла меня за локоть, и повели мальчишечку прямехонько к Особому отделу штаба Пятой армии, который так некстати находился как раз против дома моего отца. Проведя через прихожую, где стоял часовой, особист посадил меня на стул в приёмной какого-то начальника, а сам вошёл к нему, закрыв за собой дверь. Оценка моего положения – как оно может отразиться на семье, приняв во внимание местонахождение отца и пр., была сделана мною ещё по пути нашего с особистом следования. Оставалось решиться. До охраняемого выхода было шагов пять. Я их «спокойно» сделал, и, не будучи остановлен, был таков». – *Ливчак Н.Ф., Ливчак Б.Ф.* Воспоминания брата и сестры // URL: livchak.narod.ru.

¹ *Ливчак Б.Ф.* Храни меня... С. 152.

– без родителей. Педагоги – от пулемётчика будённовской тачанки, преподавателя физики, до старика, бывшего царского не то генерала, не то полковника, учителя пения. От эсера, начальника детдома, до коммунистки (кажется, единственной), преподавателя естествознания Д.Д. Пергамент. Детдом – далеко не лицей, скорее он напоминал бурсу Помяловского. Но, всё же, были регулярные занятия по программе школы-семилетки. Были и художественная самодеятельность, и довольно активное детское самоуправление с регулярной стенгазетой. Трудовое воспитание сводилось к самообслуживанию по части дров, уборке снега, дежурства на кухне...

Центральное отопление не работало. Из 4 комнат старших мальчиков в одной только стояла “буржуйка”. Здесь во внеклассные часы мы собирались. К бокам раскалённой печурки прикладывались ломтики картофеля, прикармливаемого на кухне или при переборке в погребе. Не скажу, что мы голодали. Не доедали, и очень даже, повседневно».¹

С 1924 по 1926 годы Борис учился в Московском промышленно-экономическом техникуме, из которого был отчислен на втором курсе за неуспеваемость. Он несколько месяцев жил в техникумовском полуподвале, где спал на листах фанеры, а подушкой ему служили книги. Затем переселился в общежитие техникума. Как студент-детдомовец получал ежемесячную стипендию – 8 рублей. Их ему при тогдашних ценах на скромную жизнь хватало. «Закупали оптом в соседней частной колбасной воловьи хвосты, мешком – пшено и горох, и [кухарка] тётя Саша кормила нас в пределах в складчину вносимых восьмирублёвых стипендий».²

В 1926 году Б. Ливчак поступил на работу в Наркомат (министерство) труда РСФСР разнорабочим-контролёром.

«Секретарём прокурора труда – была такая должность

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 156-157.

² Там же. С. 163.

– оказался бывший белый офицер (людей такого статуса в наркомате было несколько). Отбыв своё, они, естественно, не могли трудоустроиться. Наркомат труда брал их в свой аппарат. Однажды утром уборщица, войдя в кабинет прокурора труда, увидела там повесившегося секретаря. Короткая записка: “Надоело быть большевистской б...”¹.

В 1927 году Ливчак стал ночным сторожем в редакцию газеты «Кооперативная жизнь», где работал до 1930 года. С 1930 по 1931 годы работал преподавателем истории на рабфаке Московского финансово-экономического института. Рабфак (рабочий факультет) – это годичные подготовительные курсы для детей рабочих и крестьян, которые поступали в вуз в приоритетном порядке.

В 1927 году 21-летний Б. Ливчак поступил в Московский госуниверситет на историческое отделение историко-философского факультета. Учёбу совмещал с работой. Институт окончил в 1931 году.

Курс русской истории в институте читал профессор из знаменитой купеческой семьи, ученик выдающихся русских историков Василия Осиповича Ключевского (1841-1911) и Матвея Кузьмича Любавского (1860-1936) Сергей Владимирович Бахрушин (1882-1950). Он излагал курс от Рюрика до Александра II в традиционном ключе без «общественно-экономических формаций», «классовой борьбы», «беспросветной русской отсталости», «закономерности и спасительности Великого Октября 1917 г.».

Вскоре в 1930 году как фигурант Академического дела историков (1929-1931)², как «участник» мифического монархического заговора, как «великорусский националист» профессор был арестован и в 1931 году сослан в ссылку в

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 164.

² Брачев В. С. «Дело историков», 1929-1931 гг. 2-е изд., доп. – СПб.: Нестор, 1998. – 125 с.; Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. – М.: Наука, 1995. С. 201-235.

Семипалатинск. Вместе с ним оказался в ссылке цвет российской исторической науки: С.Ф. Платонов и Ю.В. Готье – в Самаре, Е.В. Тарле – в Алма-Ате, М.К. Любавский – в Уфе, Н.П. Лихачёв – в Астрахани, С.В. Рождественский – в Томске, А.И. Яковлев – в Минусинске, Д.Н. Егоров – в Ташкенте, В.И. Пичета – в Вятке. Начиная с 1933 года они, в том числе и С.В. Бахрушин, стали возвращаться в центры страны. В ссылке умерли Д.Н. Егоров (1931), С.Ф. Платонов (1933), С.В. Рождественский (1934), М.К. Любавский (1936).

Средневековой истории учили всемирно известные медиевисты академики Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863-1942) и Евгений Алексеевич Косминский (1886-1959). Е.А. Косминский предлагал Б. Ливчаку поступить в аспирантуру, но помешали «троцкистские колебания». Будучи секретарём по агитации и пропаганде комсомольской ячейки газеты «Кооперативная жизнь», Борис приглашал, минуя районный комитет комсомола, участника китайской революции некоего Далина, а он потом был исключен из партии как троцкист.¹

Общий фон многообразной студенческой университетской жизни – «сплошная дискуссия. В философии механицисты сражались с деборинцами, пригвождёнными Сталиным к кресту “меньшевистствующего идеализма”». ² Лекции и семинары по этому предмету – не столько сообщение положительных знаний, сколько сведение фракционных счётов. Нередко беспардонное.

Курс читает профессор Сарабьянов – механицист, а

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 168.

² См. о советском марксизме и об истории советской философии: Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии // Он же. Трагедия свободы: избранные произведения; вступ. статья, составление и комментарий В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. С. 816-842; Вышеславцев Б. Философская нищета марксизма // Он же. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. – М.: Астрель, 2006. С. 195-354; Лосский Н.О. Диалектический материализм в СССР // Он же. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991. С. 399-440.

семинары по его предмету ведёт доцент Брамбель. И вот Сарабьянов на лекции: “Есть у Деборина толковые последователи – Карен Луппол, но ... не прочие Брамбели!”

Лектор политической экономии Любимов внушает: государственные предприятия – последовательно социалистические. Ведущий семинар по тому же предмету доцент Гермаидзе: “Это государственный капитализм, какие бы красные тряпочки на него не вешали”.

Всемирно известного медиевиста академика Петрушевского поносят за критику марксовых “общественно-экономических формаций”... Крупнейший историк западноевропейского феодализма Евгений Алексеевич Косминский передаёт мою семинарскую работу о парижских цехах 14-го столетия своему ассистенту Звавичу для редактирования и публикации, а в “Правде” – фельетон: в МГУ феодализму отводится 300 часов, а ленинизму – 30. Набор моей статьи рассыпается».¹

Борис с самого детдома воспитывался в духе вульгарного марксизма на «Азбуке коммунизма» Н. Бухарина и А. Преображенского, «Политической экономии социализма в вопросах и ответах» А. Богданова, «Историческом материализме» Н. Бухарина, «Экономическом учении Карла Маркса» К. Каутского. Именно «любимец партии» Николай Иванович Бухарин (1888-1938) приобщил его к марксизму. Однако наибольшее впечатление на Бориса произвела работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. Плеханова.

Б. Ливчак оказался оторванным от русской либеральной, а тем более консервативной православно-монархической мысли. Марксизм в СССР победил не потому, что был вершиной развития человеческой мысли, не потому, что пропагандисты оказались исключительно талантливыми, а потому, что другие немарксистские точки зрения не допускались тоталитарным режимом ни в образовательных учре-

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 165.

ждениях, ни в печати.

Юный Борис сердцем и умом безоглядно и фанатично верил, как и многие его сверстники, что, под мудрым руководством партии Ленина, СССР успешно строит самое передовое в мире общество, мечту прогрессивного человечества – коммунизм, верил в близкую победу социализма и мировой революции. Детдомовцы убеждённо распевали популярную песню «Красная армия всех сильней», где были такие слова:

«Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землёй».

В конце 60-х гг. XX века шестидесятилетний профессор Свердловского юридического института Б.Ф. Ливчак принимал пересдачу экзамена. Из окон института по центральной улице Малышева 2 б открывался очаровательный вид на тюрьму – колонию № 2 и следственный изолятор. Борис Фёдорович заметил: «Вот! Вот! Тюрьмы сравняем с землёй. А они под окном в центре города до сих пор».¹

Детдомовцы с удовольствием распевали песню о нэпманах, сочинённую слушателями Коммунистического университета им. Свердлова:

Эй, живей, живей, живей!
На фонари буржуев вздёрнем.
Эй, живей, живей, живей!
Хватило б только фонарей.²

В детдоме Борис в 1924 году вступил в комсомол.

«В это время происходило изъятие церковных ценностей. Рядом с детдомом была захолустная церквушка. Её пытались защитить богомольные старушки. Мы же, конечно, активно вмешивались, пытаясь переубедить старушек своими богохульными аргументами».³ Детдомовцы с го-

¹ Свидетельство профессора кафедры истории государства Т.М. Баженовой, высказанное в личной беседе.

² Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 158.

³ Там же.

речью переживали неудавшееся Гамбургское восстание 1923 года в Германии. Они считали это неудавшимся началом, как тогда казалось, неизбежной мировой революции.

«Смерть Ленина резко повлияла на нашу психику, на взаимоотношения с начальством. Боюсь, не все теперь поверят, что после первого известия об этом несчастье нас, комсомольцев, немедленно вызвали в райком, включили всех парней в так называемый ЧОН (части особого назначения), выдали нам винтовки – для ночного дежурства в помещении техникума и в его окрестностях.

Комсомольцы техникума провели эту морозную ночь на запруженных улицах, примыкающих к Дому советов. Но наше траурное настроение было шокировано внезапной инициативой техникумовского начальства – ходатайствовать о присвоении техникума имени Ленина. Помню бурное собрание ячейки. Затея начальства была признана неискренней, конъюнктурной, лукавой! Создалась парадоксальная ситуация – комсомол против наименования своего учебного заведения именем Ленина. В высших инстанциях не поняли наших доводов.

В связи с этим ячейка пригласила Н.К. Крупскую прийти к нам на вечер памяти Ленина. Она согласилась, но по болезни не смогла. Приехали Мария Ильинична и Дмитрий Ильич Ульяновы. Нужного нам разговора не получилось. Но был интересный вечер воспоминаний. Мария Ильинична рассказала о Ленине-юноше. Не одобряя, видимо, комсомольский нигилизм в отношении парней и девушек, она вспомнила, как Ленин-гимназист переживал, читая толстовскую «Крейцерову сонату»...

Имя Ленина было, в конце концов, присвоено техникуму, а комсомольцам сказано: извольте хорошо учиться (ученики мы были мало успевающие), чтобы сделать техникум достойным имени, ему присвоенного». ¹ Б. Ливчак увлёкся радикально-авангардным театром Всеволода Эмильевича Мейерхольда (1874-1940).

«Москва тогдашних лет просто кипела жизнью. Вели

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 160-161.

бесконечный спор о будущем земного шара – руководимые и направляемые центром тогдашней футурологии РАНИО-Ном¹ и Комакадемией², где тогдашние пророки Преображенский, Бухарин, Радек бросали лучи в будущее... В Московском университете, кипевшем тогда, как РАНИОН, сотрясаемом теми же волнами, дискуссии были особенно остры. Всякое решение правительства обсуждалось тут же, как в Конвенте...

Эти споры велись буквально обо всём: и о том, будут ли духи при коммунизме – фабрика Брокера стояла с революции, и работники не были уверены, что её пустят. И о том, существует ли общность жён в фаланге Фурье, и о воспитании детей. Обсуждали не формы брака, обсуждался сам брак, сама семья – нужна ли она. Или детей должно воспитывать государство и только государство. Нужны ли адвокаты при новом праве. Нужна ли литература, поэзия, живопись, скульптура... И если нужны, то в какой форме, не в форме же старой».³

«В мои университетские годы в Москве нередко бывали публичные диспуты, ныне совсем забытые. Помню, например, дуэль Луначарского с главою «живой церкви» Введенским⁴, диспут Бухарина и Луначарского – с одной

¹ РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924-1930).

² Коммунистическая академия (1918-1936).

³ Шаламов В.Т. Воспоминания // Шаламов В.Т. Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка. – М.: Эксмо, 2009. С. 141.

⁴ Александр Иванович Введенский (1889-1946) - один из лидеров раскольнического «обновленческого» движения в русской православной церкви. В.Т. Шаламов вспоминал: «Блестящие качества обоих диспутантов привлекали на сражение Луначарский – Введенский большое количество людей. На диспуте «Бог ли Христос» в бывшей опере Зимина (филиал Большого театра) на Б. Дмитровке Введенский в своём заключительном слове (порядок диспута был таков: доклад Луначарского, содоклад Введенского, прения и заключительные слова: сначала Введенского, потом Луначарского) сказал: “Не принимайте так горячо к сердцу наши споры. Мы с Анатолием Васильевичем большие друзья. Мы – враги только на трибуне. Просто мы не сходимся в решении не-

стороны и литературоведа, академика Сакулина¹ и юриста профессора Ключникова² – с другой, на тему – “Революция и интеллигенция”. Я их не пропустил».³

Б. Ливчак слушал выступления высших партийных руководителей Льва Давидовича Троцкого (Бронштейна) (1879-1940) – на учредительном съезде общества «Доброхим», Льва Борисовича Каменева (Розенфельда) (1883-1936) – о Парижской Коммуне (инструктивный доклад для лекторов) и Григория Евсеевича Зиновьева (Радомысльского) (1883-1936) – на активе комсомола, первого наркома (министра) просвещения РСФСР (1917-1929) Анатолия Васильевича Луначарского (1875-1933) – лекцию «В чём счастье и

которых вопросов. Например, Анатолий Васильевич считает, что человек произошёл от обезьяны. Я думаю иначе. Ну что ж - каждому его родственники лучше известны”. Аплодисментам, казалось, не будет конца. Все ждали заключительного слова Луначарского, как он ответит на столь удачную остроту. Но Луначарский оказался на высоте - он с блеском и одушевлением говорил: да, человек произошёл от обезьяны, но, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, он далеко опередил животный мир и стал тем, что он есть. И в этом наша гордость, наша слава!» (*Шаламов В.Т. Воспоминания // Шаламов В.Т. Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка. – М.: Эксмо, 2009. С. 37-38*). Как язвительно выразился по этому поводу советский диссидент Андрей Донатович Синявский (1925-1997): «Обезьяна поднялась на задние ноги и начала своё диалектическое и победное шествие к коммунизму».

¹ Павел Никитич Сакулин (1868-1930) – академик, выдающийся русский литературовед.

² Юрий Вениаминович Ключников (1886-1938) – профессор международного права Московского университета, кадет, управляющий Министерством иностранных дел Правительства адмирала А.В. Колчака в Омске, эмигрант, в 1923 году вместе с писателем А. Толстым вернулся на Родину. Наряду с Н.В. Устряловым, ведущий идеолог «сменовеховства» – движения, представители которого надеялись на национально-государственную эволюцию большевизма в национальных интересах России. В 1938 году был расстрелян за «шпионско-террористическую деятельность».

³ *Ливчак Б.Ф. Храни меня...* С. 168.

смысл жизни». «Эти личные впечатления от названных лиц исключали какое-либо доверие к процессам над ними в 1936-1937 гг.». ¹

Вывод Бориса Фёдоровича нелицеприятен: «Хотя срок обучения в университете был пятигодичным, из-за нехватки кадров по общественным наукам в вузах нас осенью 1931 г. аттестовали по окончании трёхлетнего обучения (год я был в академическом отпуске). Таким вот недоучкой я был распределён на преподавательскую работу по общественным дисциплинам в вузы г. Свердловска». ² В этом не было ничего страшного, так как в свердловских технических вузах тогда обучались в основном малокультурные студенты из рабочих и колхозников.

В Свердловске (1931-1939)

С 1931 по 1936 годы Б.Ф. Ливчак работал преподавателем диалектического и исторического материализма на кафедре общественных наук Уральского политехнического института. Борис Фёдорович искренне признавал: «Одиозный тезис Сталина об усилении классовой борьбы по мере успехов социализма, я, признаться, разделял, находя близкие к этому суждению Ленина. Неохотно, но приходилось критиковать Бухарина, оставаясь под обаянием «любимца партии», автора книг, приобщивших меня к марксизму. Основные положения марксизма-ленинизма я тогда разделял. Моё заявление о вступлении в партию весной 1932 г. не было вызвано ни приспособленчеством, ни карьеризмом. Это было логическим завершением моего политического развития с 1922 г. В первой инстанции (в ячейке) я был принят. Но к моменту утверждения в райкоме вышло постановление ЦК об ограничении приёма в РКП (ВКП (б) – Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков – *Р.Н.*) слу-

¹ Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 168.

² Там же.

жащих».¹ Борис Фёдорович остался беспартийным.

Сомнения в коллективизации с её голодом (об этом он знал), в политических процессах 1936-1938 годов над большевистскими руководителями «не заходили так далеко, чтобы препятствовать моей профессии – внедрению в головы будущих технологов основ марксистско-ленинского мировоззрения».²

В 1936 году «по прищитому ранее к моему личному делу “троцкистскому колебанию” я был исключён из комсомола, и, понятно, снят с работы. Около полугода я был не у дел. Убивал время охотой за грибами и дичью, зимней рыбалкой – благо лес и озеро находились довольно близко от моего жилья. Семье, а у нас уже было двое детей³, приходилось жить на заработок жены, школьной учительницы. Но и её таскали по линии комсомола, предлагая развестись со мной».⁴

После увольнения Б. Ливчак работал с 1936 по 1939 годы – преподавателем истории в вечерней школе для взрослых, а затем, когда Свердловский обком комсомола восстановил его в комсомоле, и в обычных школах.

«Вторая половина 30-х годов – разгар массовых репрессий – ежовщина. Повседневно узнавали мы об арестах соседа, сослуживца, родственника. Среди близких мне людей, бессудно осуждённых “тройками”, люди, которых знал как самого себя – мужа моих сестёр Володя⁵ и Симон¹,

¹ *Ливчак Б.Ф.* Храни меня... С. 170-171.

² Там же. С. 172.

³ Жена – Коган Раиса Исааковна, еврейка, 1908 года рождения, уроженка г. Орша. Дочь Галина (1930 года рождения) и сын Яков (1934 года рождения). Третий сын Александр – старший научный сотрудник НИИ физики и прикладной математики Уральского отделения АН РФ, правозащитник (1946-2011).

⁴ *Ливчак Б.Ф.* Храни меня... С. 173.

⁵ Владимир Робертович Расс (1903-1950) – муж Надежды Фёдоровны Ливчак (1903-1994), выходец из московской аристократической семьи,

мои друзья Яша Гродзенский² и Виктор Ивахов. Всё это ещё

живший своим трудом, бывший для Бориса как бы старшим братом, погиб в лагере. Б.Ф. Ливчак отправлял ему в лагерь из Свердловска посылки.

¹ Симон Александрович Долгопоск – муж Веры Фёдоровны Ливчак (1905-1992). Она поехала к супругу в лагерь в Ухту и сразу после его освобождения (через 8 лет) устроилась работать по профессии – врачом-терапевтом в лагерную больницу, чтобы быть ближе к осуждённому мужу. После реабилитации мужа вернулась в Москву.

² Гродзенский Яков Давидович (1906-1971) – друг Б.Ф. Ливчака с детдомовских времён и репрессированного русского писателя-классика, автора трагических «Колымских рассказов» Варлама Тихоновича Шаламова (1907-1982) со студенческих лет, репрессирован в 1935 г., отбывал срок заключения в лагерях Воркуты до 1950 г. «Я прожил в Воркуте с 1935 до 1950 года, – писал Я.Д. Гродзенский, Отбыл трёхгодичный срок заключения, потом, без суда и следствия, без дела и преступления, получил «довесок» – ещё 5 лет, и отработав в качестве з/к (заключённого – Р.Н.) 8 с лишним лет, вместо трёх, был освобождён за хорошую работу 17 апреля 1943 года – в первый день приезда нового начальника Воркутстроя генерал-майора (тогда инженера-полковника) М.И. Мальцева. Вольные люди нашего типа считались «директивниками», т. е. по директиве сверху были закреплены за строительством. Мы считали счастьем быть не в зоне, окружённой колючей проволокой, а по другую сторону её, пусть с ограничениями, без права выезда и без многих других фактических прав. Но такая «свобода» казалась кое-кому слишком большой для «врагов народа», добросовестно добывавших уголь и строивших город: 13 декабря 1949 года меня в числе десятков (а, может быть, и сотен) других арестовывают. И лишь летом 1950 года после следственно-тюремных испытаний этапным порядком выдворяют из Воркуты – города, создававшегося главным образом трудами людей 58-й статьи». – *Шаламов В.Т.* Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка. – М.: Эксмо, 2011. С. 694-695. Давид Яковлевич вновь оказался в заключении до июня 1954 г., 20 апреля 1955 г. – реабилитирован.

В 60-е гг. XX века он помогал Шаламову в житейских заботах. Благодаря хлопотам Я.Д. Гродзенского, В.Т. Шаламов стал с 1965 г. получать пенсию – 72 рубля 60 копеек вместо пенсии инвалида 3 группы – 26 руб. в месяц. Это было чрезвычайно важно для неустроенного Шаламова. – *Шаламов В.Т.* Переписка с Гродзенским Я.Д. // *Шаламов*

и ещё раз убеждало в том, что сталинские репрессии – это та самая судорога, пускать которую для поддержания власти над Россией намеревался литературный предтеча Сталина, Петруша Верховенский из “Бесов” Достоевского».¹

Борис Фёдорович любил навещать Андрея Петровича Глинского (1888-1938)² – первого мужа своей тёти Веры Иосифовны (1888?-1962?). Это очень колоритная фигура. Он – князь, из тех самых Глинских, из которых и мать Ивана Грозного. Андрей Петрович, говорят, был внешне очень похож на своего державного предка. По слухам, он даже служил моделью для выдающего антрополога и скульптора Михаила Михайловича Герасимова (1907-1970), реконструировавшего облик Грозного царя.

А.П. Глинский окончил кадетский корпус в Петербурге (1906) и Петроградский институт гражданских инженеров (1916). В каникулярное время проходил практику по огнестойкому строительству и бетону на строительстве в Симбирске под руководством Ф.И. Ливчака. Много радости приносил его детям, с которыми играл в «казаки-разбойники», устраивал состязания по бегу так, что дух захватывало. Весёлый, общительный светский спортивный красавец князь Андрей пользовался большим успехом у симбирских женщин.

После окончания института он работал строительным

В.Т. Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка. – М.: Эксмо, 2011. С. 687-715.

Всё это знал Б.Ф. Ливчак, который в 1950-1960-е годы встречался в Москве с Я.Д. Гродзинским и от него получил «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, которые впервые опубликовали только в конце 1980-х годов. Эти рассказы потрясли Б.Ф. Ливчака. По его просьбе Д.Я. Гродзинский познакомил его с писателем В.Т. Шаламовым.

¹ *Ливчак Б. Ф. Храни меня...* С. 174.

² При написании об А.П. Глинском использовались материалы, собранные А.Б. Ливчаком на его сайте livchak.narod.ru; *Ливчак Н.Ф., Ливчак Б.Ф. Воспоминания брата и сестры* // URL: livchak.narod.ru; Андрей Петрович Глинский // URL: iie-uran.ru; Андрей-Петрович Глинский // URL: nenuda.ru; Glinsky // URL: livchak.narod.ru.

техником, занимался снабжением Красной армии, организацией восстановления разрушенного производства. По семейному преданию, он помог Главе Временного правительства Александру Фёдоровичу Керенскому (1881-1970) бежать от большевиков. В 1923 году Глинский был выслан в административном порядке (без суда) ОГПУ (Объединённым государственным политическим управлением – политической полицией – *Р.Н.*) в Екатеринбург (Свердловск).

Но и там он быстро пошёл в гору: работал сотрудником и управляющим Уральской Поверочной палаты – палаты мер и весов (ныне институт метрологии), в Областной Плановой Комиссии. Позже он организовал один из первых в стране научно-исследовательских строительных институтов – Опытную Станцию Рационального Строительства. Великолепный организатор, крупный изобретатель в строительстве. Например, он разработал технологию беспомольного цемента, построил опытный завод этого цемента.¹

Б.Ф. Ливчак обожал Андрея Петровича – остроумного собеседника, большого любителя литературы. Он свободно цитировал М. Зощенко, И. Эренбурга, Л. Леонова, В. Катаева, И. Ильфа и Е. Петрова и др. Являлся меломаном, любил свердловскую оперу и был знаком с ведущими артистами этого театра. Сам он обладал приятным баритоном, любил классическую музыку, а также современных композиторов, часто напевал арии из опер.

Профессор, екатеринбургский инженер-химик Наталия Павловна Беднягина (1913 года рождения!) вспоминает как глубоко интеллигентный и отзывчивый А.П. Глинский помогал бедствующей семье своего друга: «Обстоятельства сло-

¹ По его инициативе в Свердловске был построен первый в Советском Союзе крупноблочный дом. Строительство этого дома вела дочь брата Ф. И. Ливчака Николая техник-строитель дома Татьяна Николаевна Ливчак (1907-1998). Дом возводился из крупных блоков из специального опокобетона. Строительство велось в течение двух месяцев (декабрь 1929 – январь 1930) при морозах до - 40°C, без лесов, при помощи крана «Кайзер» грузоподъемностью до 5 тонн. Дом сохранился без ремонта до настоящего времени на улице Генеральской.

жились так, что мы с мамой и Вадимом бедствовали без жилья в Свердловске. Андрей Петрович нас отыскал, прописал у себя и предоставил комнатку в своём трёхкомнатном коттедже на Генеральской».¹

В пролетарском бурно растущем Свердловске, который, как официально считалось, под руководством мудрой партии Ленина-Сталина с энтузиазмом строил социализм, вёл довольно-таки барский образ жизни. Как-никак князь! Страстный охотник, Андрей Петрович держал охотничью собаку по кличке пан и лошадку Марьюшку, участвовал в охоте на лисиц, зайцев, медведей и дичь. Очень редко добывал дикого горного козла. Они тогда ещё водились. Сам разделявал трофеи и готовил. У него имелось два великолепных ружья, в том числе 3-ствольное ружье фирмы «Бох».

К нему в гости из Москвы приезжал первый Прокурор СССР (1933-1935) Иван Алексеевич Акулов (1888-1937). Они тут же устраивали медвежью охоту. Иван Алексеевич – старый большевик, один из организаторов массовых репрессий в СССР, первый заместитель Председателя ОГПУ (1931-1932) Генриха Ягоды (1891-1938).

Заместителем Прокурора СССР Акулова был Андрей Януарьевич Вышинский (1883-1954), сменивший в 1935 году Акулова на его посту. Именно Вышинскому на открытых московских судебных процессах 1936-1938 годов, как прокурору СССР, выпала роль обвинителя бывших большевистских вождей, в том числе и «любимца партии» Бухарина. Именно он взывал к их расстрелу. Не стала ли для них эта казнь страшной расплатой, возмездием за массовое истребление невинных людей? Б.Ф. Ливчаку суждено было работать в Свердловском юридическом институте в ту пору (1955-1961), когда он носил имя Вышинского.

В 1937 году И.А. Акулов был расстрелян по обвине-

¹ Беднягина Н.П. «Если хочешь быть счастливым...» // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 3 (45). С. 174.

нию в участии в контрреволюционном военном заговоре в Красной армии и реабилитирован в 1954 году.

В феврале 1938 года А.П. Глинский по ложным доносам был арестован.¹ На настойчивые запросы его близких последовал ответ из органов: он направлен в ссылку в Магадан, где и скончался от сердечного приступа. В действительности, как то следует из архивных материалов, его расстреляли уже в мае 1938 года. С такими родственниками и друзьями Борису Фёдоровичу приходилось быть особенно осторожным.

¹ А.Б. Ливчак ознакомился с «делом» Глинского и привёл выдержки из агентурного сообщения (май 1927 г.), фигурирующего в его «деле»: «Нельзя обойти молчанием Глинского А.П. Он – из дворян, о воинском звании неизвестно, весьма развит, до мозга костей хитрый, разбирается великолепно в политических и экономических вопросах, как говорят “человек видит сквозь землю на два метра”... Глинский А.П. был прежде главный нерв в Уральской Палате, ... он перетаскил из Ленинграда всех нужных ему людей ... насаждает Палату надёжными людьми, старым и новым офицерством. Много лет существует Палата и в ней господствует прежний заскорузлый тон и обычаи дворян (не секрет – на глазах сотрудников целовали руки высоким дамам в служебное время). Вы всматриваетесь в сводку и видите, что лицо (Глинский) никакого отношения к Уральской Палате не имеет, а он живёт по Ленина, д. 20 (старое здание Уральской Палаты), где вместе с ним проживают сотрудники Палаты... Не покажется ли опытному глазу, что в доме № 20 по ул. Ленина свилось “дворянское умное гнездо”, которое в нужный момент [распространит] парочку тёплых слов по адресу существующего строя, а в моменты дворянских оргий (они имели место в здании новой поверочной палаты с участием Глинского)... писали письма вредного характера своим людям в разные концы Союза. На подобных вечеринках, конечно, бывать не приходилось, следовательно, знать их частную жизнь трудно; у этих людей или чутьё хорошее, или как знать – дворяне пренебрегают определённо людей посредственного ума, что, конечно, в их плоти и крови... Напрашивается вопрос – не являются ли умные дворяне... во главе с дворянином Глинским руководителями какой-либо поверительской секты, разбрасывающей свои щупальца для формирования контрреволюционных поверительских вредных гнезд».

В Свердловском юридическом институте. Вторая война Бориса Ливчака

С 1 сентября 1939 года Б.Ф. Ливчак стал преподавать в Свердловском юридическом институте курсы всеобщей истории государства и права, истории политических и правовых учений. В конце 30-х гг. XX века это был небольшой юный вуз¹ с домашней атмосферой, в котором насчитывалось лишь двадцать девять преподавателей, в том числе три профессора и пятнадцать доцентов. И всего триста двадцать пять студентов на всех четырех курсах.²

На кафедре теории и истории государства и права работали всего три преподавателя без учёной степени³: выпускник Института красной профессуры (1935), доцент, завкафедрой, директор Свердловского юридического института (сентябрь 1938 – декабрь 1939), принимавший Б.Ф. Ливчака на работу в институт, Григорий Иванович Баев (1904 года рождения), преподаватель, выпускник Ленинградского института истории, философии и литературы (1934), преподаватель новой истории Свердловского педагогического института, директор Свердловского юридического института (декабрь 1939 – апрель 1941) Афанасий Моисеевич Пат-

¹ Двадцатого апреля 1931 года постановлением верховной российской власти – Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР на базе Иркутского государственного университета был создан Сибирский институт советского права. В 1934 году его перевели в Свердловск, ныне Екатеринбург, а в 1937 году он стал называться Свердловским юридическим институтом. Вуз готовил юристов для Урала, Сибири, Северного Казахстана, Дальнего Востока и для областей российского Нечерноземья.

² Свердловский юридический институт. 1931-1981. – М.: Юридическая литература, 1981. С. 10.

³ См. выдержки из протоколов заседаний кафедры теории и истории государства и права за 1940 год, подготовленные к печати доцентом Н.Н. Зипунниковой: Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГЮА, 2014. Вып. 2-й. С. 370-378.

рик (1907 года рождения)¹, приятель, рекомендовавший Б.Ф. Ливчака на работу в институт.²

С началом войны жизнь института была перестроена на военный лад. Студенты военных лет не имели каникул. Каждое лето и сентябрь они работали в поле. В российском селе после мобилизации оставались только женщины и немногие мужчины: старики, инвалиды, подростки, которые и кормили всю страну. Студенты, а это были в основном городские девушки, которые раньше о сельском хозяйстве могли только слышать, вручную косили сено, овёс, клевер. Норма на каждого такого косца составляла пятьдесят соток в день, то есть целых полгектара. Студентки спали на нарах и на полах деревянных домов. Не было мыла, и вскоре у них появились вши.

Со студентками ездили на сельские работы и преподаватели, в том числе и Б.Ф. Ливчак. Студентка СЮИ 1941-1945 гг., ветеран Свердловской прокуратуры Кира Борисовна Добрынина (1923 года рождения) вспоминает: «Борис Фёдорович Ливчак работал с нами – студентками, копал и убирал картофель, морковь, таскал тяжёлые картофельные мешки, косил сено, ел также с нами».

В феврале 1942 года 36-летний Б.Ф. Ливчак был призван в воюющую армию. Около семи месяцев до октября 1942 года он обучался в Свердловском пехотном училище. Курсанты зубрили многочисленные уставы. Их изнуряли строевой подготовкой, убеждая, что без строевой выправки, умения чётко шагать и отдавать приказы настоящих командиров из них не получится. Практическое же обучение было явно недостаточным.

«В обучении было слишком много муштры, шагисти-

¹ В апреле 1941 года он был освобождён от должности директора СЮИ и перешёл на работу в Свердловский сельскохозяйственный институт заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма.

² *Ливчак Б.Ф. Храни меня...* С. 174-175.

ки, зубрёжки уставов, не очень-то нужных в полевых условиях. Что касается материальной части, оружия, то ограничились винтовкой и пулемётом, а миномёт и сорокопятки (противотанковые сорокапятимиллиметровые пушки – *Р.Н.*) лишь показали... На практических стрельбах я извёл менее двух десятков боевых патронов. Тактика целиком посвящалась полевому бою, и, хотя я кончил училище в октябре 1942 г., когда уже стало ясно, что городской бой имеет в этой войне огромное значение, ни одного занятия, ни слова о весьма специфическом городском сражении».¹

Тридцатисемилетний лейтенант Б.Ф. Ливчак был назначен командиром стрелкового взвода 112-го гвардейского стрелкового полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии Сталинградского фронта. Легендарная шестидесят вторая армия во главе с генералом Василием Ивановичем Чуйковым (1900-1982) особо отличилась в Сталинградской битве. Она оказывала в городе ожесточённое сопротивление яростно наступавшему врагу, стояла насмерть. Сталинград превратился в руины.

Тридцать девятая гвардейская дивизия с 1 октября 1942 года сражалась за крупный металлургический завод «Красный Октябрь». За каждый цех велась ожесточённая борьба. Они несколько раз переходили из рук в руки. Расстояние между атакующими и обороняющимися войсками было предельно малым. К 19 ноября немцы захватили почти всю территорию завода, прижав 39-ю дивизию к Волге, но наступать дальше они не смогли и активные боевые действия прекратились. С этого момента и до середины декабря бои на заводе ограничивались отдельными стычками и попытками захвата мелких опорных пунктов.

Самый страшный период Сталинградской битвы был пройден. В конце ноября 1942 года немецкие войска оказались в окружении. Однако немцы ещё не потеряли своей боевой силы. Победители Европы были способны на многое.

¹ Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 175.

Командующий 62-й армией Чуйков 12 декабря 1942 года отдал приказ – очистить территорию завода «Красный Октябрь» от противника. Но боевые действия возобновились только 15 декабря. В этот день, штурмовые группы 112-го гвардейского стрелкового полка начали штурм опорных пунктов немцев в кузнечном и листоотделочном цехах завода. Эти пункты оборонялись 80-ю немецкими солдатами при 7 пулеметах и 2 минометах. При активном сопротивлении немцев 16 декабря удалось занять кузнечный цех.¹

Утром 14 декабря 1942 года лейтенант Ливчак стал командиром взвода штрафников – в большинстве, узбеков, многие из которых не понимали по-русски. После успешной переправы с левого берега Волги на правый 17 декабря взвод оказался на переднем крае – отбитом у врага кузнечном цехе завода. В просторном подвале располагался командный пункт роты. Ливчак получил первый приказ командира роты – оборонять цех: «Пойми, лейтенант, после таких жертв отбитый цех оборонять решительно некому. Взвод останется пока для оснастки ручных гранат. А ты поползай по цеху, осмотришь, вот тебе проводник». «И я полез в цех с единственным оружием – перочинным ножиком в кармане (офицер был безоружен, а его солдаты-штрафники имели вооружение – *Р.Н.*). Выведя меня ходом подземных городских коммуникаций до воронки, провожатый молча смылся, а я – через дыру-воронку – в цех».²

Лейтенант Ливчак в лёгком осеннем обмундировании в декабрьский мороз пробирался через чудовищно разрушенный заводской цех, в развалинах которого разлагались трупы.

«Темнота, мешавшая мне осмотреться, была так кстати нарушена немецкой осветительной ракетой. Горящий магний, медленно опускавшийся на парашюте, на пару минут

¹ 39-я гвардейская мотострелковая дивизия // URL: ru.wikipedia.org.

² *Ливчак Б. Ф.* Храни меня... С. 176-177.

осветил мне руины цеха. Я, прижавшись к земле, осматриваюсь.

До следующей ракеты я полз в намеченном направлении, а немец, как по заказу, обслуживал меня каждые 5-10 минут. И вот я натыкаюсь на припорошенный снегом труп. Он лежит на спине, и, о везение, под его спиной – автомат ПППШ. Отстёгиваю ремень и вытаскиваю автомат. Ура! Я – вооружён.

Предварительный, до ввода моих солдат, осмотр цеха, конечно, был нужен. Но ни он (командир батальона – *Р.Н.*), ни краткий разговор с комроты не отвечали на вопрос: где противник, откуда его ждать? Вечный вопрос городского боя. Нужна круговая оборона. Понимаю, что для цеха, длиною не менее ста метров, а шириною около тридцати, моих 31 солдата маловато.

Оползав цех, я не обнаружил ни одного живого солдата! Трупов с десятков повидал, и все, как убедился днём, – наши. Неужели немец, оставляя цех, унёс своих убитых. Итак, наша задача – оборона цеха, а взвода Астахова – захват ничейного, по предположению комроты, дома. Располагаю отделения взвода по границам цеха, с предполагаемым фронтом и флангами».¹

«Еда нам доставлялась один раз в сутки, только ночью.

Кроме каши, – не менее килограмма хлеба и по большому куску варёного мяса. Съев кашу, хлеб и мясо запихивали за шинель, на суточное пропитание. Получали и табак. Водка штрафникам не полагалась, хотя мы бессменно лежали на снегу и не смели (да и не из чего было) разводить костёр.

Солдаты были в валенках, в ватных штанах, телогрейках, и, разумеется, в ушанках. Я, как был экипирован в училище новой шинелью тонкого английского сукна (дар союзного Альбиона), кирзовыми сапогами и пилоткой, так и мёрз. Будучи на командном пункте, попросил старшину

¹ Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 177.

сменить хотя бы столь несезонный головной убор. Он – с хохлацким акцентом: «Так в цеху же як в универмаге». Поняв намёк и вернувшись в цех, снял с мертвеца ушанку и надел на его голову свою пилотку.

На командном пункте мне дали ещё одного солдата, предупредив, что за ним должен быть присмотр: он пытался дезертировать, но его пощадили. Чтобы иметь его перед глазами, назначил своим связным. И дёрнул же чёрт его, получив пайку, встать во весь рост. Слышу совсем близко выстрел немца, и мой связной оседает – спиной об стенку. Подползаю с санитарным пакетом, а у него изо рта выползает разжёванный хлеб, а из виска – мозг. Это – первая, а потому так запечатлевшаяся смерть в моём взводе».

Во время перестрелки 19 декабря лейтенант Ливчак получил первое ранение.

«Осколки одной из следующих мин попали в незащищённую часть – в правую голень и левую ягодицу. Они сильно кровоточат. Оставив за себя соседа (лейтенанта Астахова – *Р.Н.*), ползу к подземному ходу на командный пункт на перевязку. Не успела штрафница Маша, наш санинструктор, завязать бинты, вбегает ротный: “Лейтенант! Немцы у тебя в цеху!” Отстранив сестру, натягиваю на недобинтованную задницу штаны и, получив от ротного подкрепление – шесть солдат – в цех. “Ура!” Эта контратака оказалась сомнительной. Бежал я в рост, кричал ура до срыва голоса, видел впереди две-три мелькнувших между станками фигуры. Но когда контратака кончилась, обнаружил только одного убитого немца».²

Вечером 19 декабря на командном пункте лейтенант Ливчак получил новую задачу: «“Задача роты на завтра – штурм листоотделочного цеха. Учитывая твоё ранение, оставляем твой взвод в обороне. Но стрельбой, а то и гранатами, держи противника, отвлекай на себя”. Ночь была очень трудной. Раны давали себя знать, и очень клонило ко

¹ Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 177-178.

² Там же. С. 178.

сну – это была вторая бессонная ночь».¹

Утром 20 декабря начался штурм листоотделочного цеха. Здесь лейтенант Ливчак получил второе тяжёлое ранение.

«Я ещё ранее присматривался к бетонной стенке, что между нашим цехом и листоотделочным. До неё – шагов 30. Зная уже огневые точки противника, думал, что место до стенки не простреливается. Поднял пятерых солдат – и бегом!

Но мои сведения об огневых точках оказались неполными. На половине нашей перебежки пулемётная очередь уложила одного насмерть, а меня и ещё одного солдата ранило. На этот раз пуля пробила мне левую голень. А когда я упал, близко разорвалась мина и добавила ещё осколок в левое бедро.

Когда я пытался ползти к своим, ещё одна мина лопнула совсем рядом и угостила парой осколков и в правую лопатку. Очнувшись после оглушившего меня разрыва мины, подумал: жив ли? И вот, не совру, ответил себе дескартовой, да ещё и на латыни, аксиомой: *cogito ergo sum* – мыслю, значит существую.

Рядом оказались штабеля листового железа. Между ними я и забился и, как у Христа за пазухой, пролежал на этом клочке ничей земли до темноты.

Мороз крепчал. Потеря крови, неподвижность, кирзовые сапоги – всё это грозило обморожением. Когда полз обратно, кто-то хватал меня за полы шинели. Соображаю – намокши кровью, они пристают к промёрзшему металлу заводских станков. Но вот меня подхватывают солдаты и по подземному ходу доставляют на командный пункт.

Комроты уступает место у печи, наливает стакан водки. С сожалением наблюдаю, как режут по шву мой сапог – чтобы добраться до раны и остановить кровь. Тем временем приносят лист кровельного железа, привязывают к нему проволоку. На этой волокуше транспортируют меня

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 178.

по ночному Сталинграду к Волге в медсанбат.

Ночью кладут на саночки, покрывают простынёй, и два санитар в белых халатах берутся за длинную верёвку. Войдя на лёд ночной Волги, почему-то расходятся шага на 3-4. Догадываюсь – перволёдок, разошлись, чтобы лёд не сломался под тяжестью обоих. Гляжу на звёздное небо и думаю: из огня живой выбрался, неужели утону?»¹

Рота, в которой воевал Ливчак, 20 декабря освободила от врага листоотделочный цех. После упорных боёв 11 января 1943 года вся территория завода «Красный Октябрь» была очищена от немцев. Непроступной крепостью стал завод для врага. Битва за крепость-завод продолжалась более трёх месяцев – 103 дня (1 октября 1942 – 11 января 1943 годов), а война Германии с самой сильной державой континентальной Европы – Францией – 42 дня (10 мая – 22 июня 1940 года). Вся война во Франции продолжалась меньше, чем сражение за один сталинградский завод. Второго февраля бои в городе прекратились. Сталинградская битва завершилась. Победоносная Красная Армия овладела инициативой и начала изгнание врага.

Для лейтенанта Ливчака война закончилась. На передовой он провоевал шесть дней. Семь долгих месяцев офицера Ливчака лечили в полевых, а затем в двух стационарных госпиталях – Саратовском и Свердловском. «Для столь мало провоевавшего офицера, с его военно-историческими интересами – тема моей кандидатской, начатой ещё до войны, “Отечественная война 1812 г.” – госпитальные байки давали большой материал для размышлений»². Мальчиком Борис Ливчак пережил Первую мировую войну, 37-летним лейтенантом воевал в Великой Отечественной войне в Сталинградской битве.

По общему правилу на передовой долго не проживёшь. В наступлении рядового пехотинца хватало в сред-

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 178-179.

² Там же. С. 179.

нем на пару атак, командир взвода жил день, командир роты – неделю, командир батальона – месяц. Пехотные дивизии сменили солдат по много раз, сохранив лишь номера.¹

«Люди, которые на войне действительно воевали, обязательно должны были либо погибнуть, либо оказаться в госпитале. Не верьте тому, кто говорит, что прошёл всю войну и ни разу не был ранен. Значит, либо ошивался в тылу, либо торчал при штабе.

Меня от смерти спасало не только везение, но главным образом ранения. В критический момент они помогли выбраться из огня. Ранение – только не тяжёлое, не в живот и не в голову, что равносильно смерти – это очень хорошо! Идёшь в тыл, там тебя моют, переодевают, кладут на чистые простыни, кормят, поят. Хорошенькие сестрички заботятся о тебе. Ты спишь, отдыхаешь, забываешь об ужасах и смерти... О ранении мечтали. О лёгком. Как об отпуске. Хрустальной мечтой была не слишком тяжёлая рана, но такая, чтобы демобилизовали вчистую. Вот если бы оторвало кисть левой руки (правая нужней) или стопу! Но такое доставалось немногим. Мои ранения были, к счастью, не тяжёлыми, но, благодаря им, девять месяцев из четырёх лет, я, по меткому армейскому выражению, ошивался в госпитале. То есть одна пятая войны меня миновала. У других этот период был ещё больше».²

В августе 1943 года Б.Ф. Ливчак демобилизовался по последствиям ранения и вернулся к преподавательской работе в Свердловский юридический институт.³

После войны в Свердловском юридическом институте

В 1946 году Б.Ф. Ливчак защитил кандидатскую дис-

¹ Михин П.А. Глава двадцатая. Комбат – это командир батальона // *Он же. Артиллеристы, Сталин дал приказ.* – М.: Эксмо, 2006. // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_tragedia_myasnogo_bora/index.html.

² Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. – М.: АСТ, 2015. С. 202-203.

³ О военном периоде смотри подробнее воспоминания Б.Ф. Ливчака в данном сборнике.

сертацию, став кандидатом юридических наук. В 1947 году его утвердили в учёном звании доцента по кафедре теории и истории государства и права.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX века свобода преподавания серьёзно ограничивалась. Точнее даже говорить о той или иной степени несвободы в преподавании и научных исследованиях. В ходе борьбы с космополитизмом вынуждена была оставить преподавание политэкономии в институте жена Б. Ливчака – Р.И. Коган.¹

В аттестации доцента института Б.Ф. Ливчака 1950 года отмечалось: «В 1949-50 уч. г. стенографировалась лекция “Политические взгляды декабристов” и была проведена открытая лекция в присутствии членов кафедры на тему: “Утопический социализм XVI–XVII вв.”. Все эти лекции обсуждались на заседании кафедры, причём отмечено, что лектор хорошо владеет материалом, излагает его последовательно и живо по форме. По содержанию лекции признаны удовлетворительными, в целом, предъявляемым требованиям. Одновременно обращено внимание Б.Ф. Ливчака на необходимость большей увязки взглядов отдельных политических мыслителей с конкретными условиями классовой борьбы рассматриваемого периода, т.е. более чёткой классовой характеристики отдельных политических учений». ² Этот недостаток с современных позиций выглядит скорее как достоинство лекций Ливчака.³

¹ О крайностях борьбы с космополитизмом в институте см.: *Ливчак Б.Ф.* Храни меня... С. 180-182.

² Архив УрГЮУ. Личное дело Б.Ф. Ливчака. Ф. Р-2143. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 103.

³ Заместитель директора института, профессор Б.Б. Черепяхин в характеристике доц. Б.Ф. Ливчака от 27 января 1948 г. признавал: «Тов. Ливчак с большим успехом ведёт преподавание, его лекции стоят на высоком теоретическом уровне, насыщены богатым фактическим материалом, отмечаются строгостью изложения. Стенограммы лекций тов. Ливчака по всеобщей истории государства и права и по истории

Доценту Ливчаку, признанному соответствующим занимаемой должности¹, рекомендовалось «в части дальнейшего идейного роста надлежит продолжить углублённое изучение трудов классиков марксизма-ленинизма», ибо «тов. Ливчак самостоятельно работает над изучением И.В. Сталина, а также над изучением русской общественно-политической мысли».²

Б.Ф. Ливчак предпочитал читать не курс истории государства и права СССР, а – истории государства и права зарубежных стран как менее идеологизированный, менее подверженный политической злобе дня.

«Она (история государства и права зарубежных стран – Р.Н.) не девственна по части догматической тенденциозности, но не так распутна, как отечественная историография. И, что ещё важнее, в первых изданиях программы она хронологически доводилась только до второй мировой войны.

Безнравственная и развращающая необходимость

политических и правовых учений получали вполне положительные отзывы рецензентов (профессор Кечекьян, профессор Черепяхин и др.). Тов. Ливчак принимает деятельное участие во всех методических мероприятиях, проводимых в институте, в качестве руководителя академического сектора методического кабинета Института. Среди студентов и профессорско-преподавательского состава т. Ливчак Б. Ф. пользуется авторитетом». (Архив УрГЮУ. Личное дело Б.Ф. Ливчака. Ф. Р-2143. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 17).

¹ Вывод аттестации: «Занимаемой должности Ливчак Б.Ф. соответствует, является квалифицированным лектором, проделавшим за последние годы значительную работу по овладению большим и сложным материалом по двум научным дисциплинам: история государства и права и история политических учений. В научной работе несколько разбрасывается, после защиты кандидатской диссертации не остановился на какой-либо определённой теме для серьёзного научного исследования». – Архив УрГЮУ. Личное дело Б.Ф. Ливчака. Ф. Р-2143. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 104.

² Архив УрГЮУ. Личное дело Б.Ф. Ливчака. Ф. Р-2143. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 104.

учить тому, во что ни веришь сам, господствовала в параллельном курсе истории государства и права СССР. “Враки вракаем!”, – говорили в тесном кругу кафедры. Внушаем, к примеру, что в СССР – свобода слова, печати, уличных шествий и т.п. Но откровенно это обсуждалось только между собой, за кружкой пива».¹ Такую откровенность проявлять стали только в послесталинский период, со времён «хрущёвской оттепели».

Небольшой Свердловский юридический институт после войны с изданием постановления Центрального комитета ВКП (б) (Всесоюзной Коммунистической партии большевиков) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» стал расти. Заметно увеличился приём студентов. К 1951 году по дневной форме обучалось около 1600 человек.²

В 1951 году на базе Свердловского филиала Всесоюзного заочного юридического института (ВЮЗИ), переданного институту, возникло заочное отделение. В 1952 году его студентами стали 255 человек. Численность студентов заочного отделения составляла в 50-е гг. XX века более тысячи человек.³ В 1956 году появился вечерний факультет. В институте соответственно выросло и число преподавателей. В 1947 году их насчитывалось 63 человека, из них лишь два доктора наук Б.Б. Черепяхин (с 1945 г.) и К.С. Юдельсон (с 1947 г.) и несколько кандидатов юридических наук, один кандидат экономических наук и два кандидата философских наук.⁴

¹ Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 184.

² Свердловский юридический институт. 1931-1981. – М.: Юридическая литература, 1981. С. 14.

³ Свердловский юридический институт. 1931-1981. С. 16-17.

⁴ Кандидаты юридических наук: доцент кафедры теории и истории государства и права Б.Ф. Ливчак, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доцент Лев Самойлович Галесник (1910-1964), директор института (1943-1954) Дмитрий Николаевич Исупов (1903-

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX века Б.Ф. Ливчак работал учёным секретарём диссертационного совета. К этому времени институту было предоставлено право защиты кандидатских диссертаций. Организационная сторона этой процедуры легла на плечи учёного секретаря. Успешно защитили в 1951-1952 годах кандидатские диссертации пятеро учеников (все они участники Великой Отечественной войны) Бориса Борисовича Черепяхина (1894-1969) – выдающегося русского учёного-цивилиста с энциклопедическими знаниями, основоположника уральской школы цивилистики, заведующего кафедрой гражданского права и процесса, заместителя директора института по учебной и научной работе.¹ Б.Ф. Ливчак осваивал новую для него юридическую науку самостоятельно, регулярно посещая именно лекции по гражданскому праву Б.Б. Черепяхина.²

Среди них «Теория юридических фактов в советском гражданском праве» (1951) Октября Алексеевича Красавичкова (1923-1984) – заведующего кафедрой гражданского права института (1954-1984), организатора уральской школы гражданского права, выдающегося российского учёного-цивилиста; «Акцептная форма расчётов между социа-

1975), доцент кафедры уголовного права и процесса, фанатичная большевичка, вступившая в коммунистическую партию ещё до Октябрьской революции 1917 года, Александра Модестовна Быстрова (1899-1954), выпускник Московского юридического института (1945) и его аспирантуры (1949) Борис Авраамович Стародубский (1925-2003), выпускница СЮИ, доцент и заведующая кафедры государственного права Завзьян Галеевна Еникеева (1908 – после 1965). Кандидат экономических наук, преподаватель кафедры политэкономии, участница Великой Отечественной войны Дора Соломоновна Карасик (1914-1994). Кандидаты философских наук – профессор (1941) Георгий Алексеевич Курсанов (1914-1977) (в конце 1940-х гг. покинул Свердловский юридический институт, стал в 1951 г. доктором философских наук, работал в московских вузах и академических институтах) и доцент Степан Иванович Силкин (1909 – после 1956 гг.).

¹ Смотри о Б. Черепяхине очерк в данном сборнике.

² Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 175.

листическим организациями по советскому гражданскому праву (1952) Сергея Сергеевича Алексеева (1924-2013) – заведующего кафедрой теории государства и права института (1963-1988), основателя уральской школы теории государства и права, выдающегося теоретика советского права, члена-корреспондента Российской академии наук (1987), лауреата Государственной премии СССР (1977), Председателя Комитета конституционного надзора СССР (1989-1991), одного из основных разработчиков действующей российской Конституции и Гражданского кодекса; «Исковая давность по советскому гражданскому праву» (1952) Марии Яковлевны Кирилловой (1921 года рождения) – профессора кафедры гражданского права института, подвижницы уральской школы цивилистики; «Договор подряда на капитальное строительство по советскому праву» (1952) Емельяна Дмитриевича Шешенина (1925-2002) – доцента кафедры гражданского права, известного российского цивилиста; «Основные проблемы сделки по советскому гражданскому праву» (1952) Владимира Пантелеймоновича Шахматова (1924-2000) – профессора, заведующего кафедрой гражданского права юридического факультета Красноярского госуниверситета.

В 1952 году успешно защитили кандидатские диссертации два ученика профессора, основателя уральской школы гражданского процесса Карла Сергеевича Юдельсона (1904-1991): «Преюдициальное начало в советском гражданском процессе» (1952) Владимира Михайловича Семёнова (1926-2011) – профессора, выдающегося организатора, проректора института (1954-1988); «Основные вопросы теории особого производства по закону от 11 апреля 1937 года» (1952) Александра Фроловича Козлова (1924-1999) – профессора, участника Великой отечественной войны, инвалида без одной руки, заведующего кафедрой земельного и колхозного права и прокурорского надзора (1971-1988).¹

¹ В 1949 году была защищена М.Г. Стучинским диссертация «Безвестное отсутствие и гражданское право». В 1952 году преподаватель института П.Н. Тарасов защитил одну из первых диссертаций по финан-

Так при участии Б.Ф. Ливчака начиналось превращение Свердловского юридического института из небольшого вуза третьей категории в первоклассный центр образования и науки.

В 50–60-е гг. XX века в институте преподавали участники Великой Отечественной войны, многие из которых стали впоследствии докторами юридических наук, профессорами. Это такие выпускники Свердловского юридического института как Сергей Сергеевич Алексеев (1924–2013) – основатель уральской школы теории государства и права; Октябрь Алексеевич Красавчиков (1923–1984) – создатель уральской школы гражданского права; Юрий Григорьевич Судницын (1925–1979), заложивший фундамент уральской школы конституционного (государственного) права; Василий Степанович Якушев (1922–2014), положивший начало уральской школе хозяйственного (предпринимательского) права, Леонид Яковлевич Драпкин (1924 года рождения) – один из организаторов уральской школы криминалистики, а также процессуалисты Юрий Кузьмич Осипов (1924–1993), Александр Фролович Козлов (1924–1999), Павел Павлович Якимов (1919–2015), Кузьма Иванович Комиссаров (1923–2009), теоретик права Александр Фёдорович Чердάνцев (1925 года рождения).

Из Москвы и Ленинграда приехали в институт по распределению фронтовики – молодые кандидаты наук, будущие профессора: ректор Дмитрий Демьянович Остапенко (1918–1998), Митрофан Иванович Ковалёв (1922–2002) – основатель уральской школы уголовного права, Вениамин Евгеньевич Чиркин (1924 года рождения), Борис Константинович Бегичев (1924–1986) – основоположник уральской школы трудового права, Платон Михайлович Давыдов (1918–2008), ставший создателем уральской школы уголовного

совому праву в стране на тему: «Правовое положение оборотных средств государственного промышленного предприятия в СССР».

процесса.

Среди них достойное место занимает профессор Борис Фёдорович Ливчак (1906-1993), ставший одним из организаторов уральской школы истории государства и права. Именно они своим талантом, подвижничеством, стремлением к правде и справедливости превратили Свердловский юридический институт в первоклассный центр образования и науки.

Преподаватели Свердловского юридического института продолжали лучшие традиции дореволюционных учебных: профессоров-цивилистов Бориса Борисовича Черепанина (1894-1969), Александра Марковича Винавера (1883-1947), специалиста по гражданскому процессу Карла Сергеевича Юдельсона (1904-1991) и других исследователей.

С 1960 по 1975 год в институте, руководимом ректором Дмитрием Демьяновичем Остапенко (1918-1998) и проректором Владимиром Михайловичем Семёновым (1926-2011), построено три общежития и новый учебный корпус на улице Комсомольской, д. 21. Если в 1954 году в институте обучалась тысяча четыреста студентов, то в 1976 году – более шести тысяч. В 1965 году появился диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций, а в 1971 году – по защите докторских. В 1954 году насчитывалось пятьдесят восемь преподавателей (из них пятнадцать кандидатов наук и один доктор наук, профессор Юдельсон), а в 1970 году – 225 преподавателей (102 кандидата наук и 14 докторов).¹

В 1965 году Ливчак стал седьмым в институте доктором наук. Раньше него защитились Черепанин (1945 г.), Юдельсон (1947 г.), Алексеев (1960 г.), Красавчиков (1961

¹ Свердловский юридический институт. 1931-1981. С. 17-25; Остапенко Д.Д. (1918-1998 гг.) // Воспоминания выпускников и ветеранов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. С. 5-8.

г.), Ковалёв (1962 г.), Чиркин (1964 г.).¹ К 1976 году преподавательский коллектив увеличился до 333 человек, из них 187 кандидатов наук и 29 докторов.²

С 70-х гг. XX века научные исследования Свердловского юридического института образуют отдельную юридическую уральскую школу в системе российского правоведения. В рамках этой школы на кафедре истории государства и права зародилась уральская школа истории государства и права СССР и зарубежных стран.

Глава кафедры истории государства и права Свердловского юридического института

Научные, организаторские и человеческие качества Бориса Фёдоровича особенно ярко проявились в те годы, когда он возглавлял кафедру истории государства и права Свердловского юридического института (1963-1971). В 1963 году он был избран первым заведующим кафедрой истории государства и права института. Беспартийный заведующий кафедрой в политическом вузе Ливчак смотрелся белой вороной. И это был в те годы единственный такой случай.

Сам Борис Фёдорович являлся прекрасным лектором, умным воспитателем, скрупулёзным исследователем. Высок и непререкаем был его авторитет. Сотрудники и преподаватели института с удовольствием как на праздник ходили в праздничных одеждах на его открытые лекции о Бородинском сражении, Отечественной войне 1812 года, о Чрезвычайной следственной комиссии Временного прави-

¹ После защиты диссертации «Народное ополчение в вооружённых силах России 1806-1856 гг.» в Институте истории Академии наук СССР в 1965 году. Б.Ф. Ливчак получил учёную степень доктора исторических наук. Высшая аттестационная комиссия только через два года в июне 1967 году присвоила Ливчаку степень доктора исторических наук. За это время успели защитить докторские диссертации В.М. Семёнов (1965), Б.А. Стародубский (1966) и Д.Д. Остапенко (1967).

² Свердловский юридический институт. 1931-1981. С. 25.

тельства для расследования противозаконных по должности действий бывших высших должностных лиц царского режима глазами А. Блока, который был главным редактором семитомных стенографических отчётов комиссии.¹

Автору данной статьи, студенту-первокурснику Свердловского юридического института в октябре 1987 года посчастливилось слушать открытую лекцию восьмидесятилетнего профессора Ливчака в переполненном актовом зале института. Он в элегантном костюме, свободно и убеждённо, без каких бы то ни было записей, рассказывал, стоя на сцене, на трибуне больше часа, цитировал Ленина.

Тема лекции была необычна: «Октябрьская революция и «мировой пожар»».² Слушатели узнали, что, оказывается, большевики захватили власть, чтобы поспособствовать мировой революции, которая в течение нескольких месяцев вот-вот должна была совершиться. Как писал Ленин, «мы и начинали наше дело исключительно в расчёте на мировую революцию». Большевистские руководители, как и герой романа М. Шолохова «Поднятая целина» коммунист Макар Нагульнов, жили религиозной верой в мировую революцию. «Я ведь заострённый на мировую революцию, – говорил Макар председателю колхоза Давыдову, – Я её, любушку, жду...». Но эта мировая революция не произошла. Ленин с его товарищами после победы в гражданской войне пришли к выводу, что социализм в отдельной стране построить невозможно. Но якобы можно переждать, продержаться и дожидаться до какой-то мировой революции в более развитых странах.

Эрудит, любимец студентов, выпускник СЮИ 1951 года, доцент СЮИ–УрГЮА (1964–2010), преподававший финансовое право, Лев Сергеевич Малокотин (1929 года рождения) сделал совершенно неполиткорректные, антисоветские выводы: «Следовательно, Великий Октябрь –

¹ Ливчак Б. Ф. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами А. Блока // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 111–123.

² Ливчак Б. Ф. Октябрь и «мировой пожар» (перечитывая Ленина) // Урал. 1989. № 11. С. 116–127.

это авантюра даже по меркам самих большевиков. Для них главной целью была мировая революция, а не построение социализма в Советской России, не – мир народам, ни – земля крестьянам, ни фабрики рабочим, а авантюрное разжигание мировой революции». Это вызвало крайнее недовольство одной преподавательницы – убеждённой коммунистки. Она покачала головой: «И это накануне 70-летия Октябрьской революции!».¹

Борис Фёдорович с таким подъёмом говорил о мировой революции, что Л.С. Малокотин даже пришёл к выводу: «Не думал, что Борис Фёдорович, скрытый троцкист, сторонник перманентной революции». Не без оснований, получается, бдительные комсомольцы Свердловского индустриального института пятьдесят лет назад исключили Ливчака из комсомола за “троцкистские колебания”...».

Кафедра истории государства и права была создана приказом № 114 от 13 сентября 1936 года. Её возглавляли в 1936-1938 годах видные российские учёные, профессора Серафим Владимирович Юшков (1888-1952)², в 1938-1939

¹ В стране тогда началась перестройка. В консервативном политическом Свердловском юридическом институте в том же октябре 1987 года, вскоре после лекции Б.Ф. Ливчака, на сцене всё того актового зала состоялся концерт модных тогда запрещённых неформалов – местечковых металлистов-любителей. Публика недоумённо безмолвовала: «Не стреляйте в музыкантов! Они играют, как могут». А эрудит, энциклопедист, доцент кафедры истории государства и права института Вадим Викторович Баженов (1941-2002) рассказал притчу: «Античный мудрец среди улюлюкающей толпы вдруг стал хвалить бездарного музыканта: «Я восхищаюсь мужеством человека, который будучи абсолютным ничтожеством, всё же не идёт на воровство, а пытается честно заработать на хлеб». Оказывается, издеваться можно, даже сочувствуя.

² Смыкалин А. С. Основоположник курса «История государства и права СССР» профессор Серафим Владимирович Юшков – первый завствующий нашей кафедрой // Помним, думаем, спорим...: сборник статей, посвященный 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 5-15.

годах – Иосиф Демьянович Мартысевич (1905-1990).¹ В 1939-1963 годах существовала объединённая кафедра теории и истории государства и права. В 1963 г. была восстановлена специальная кафедра истории государства и права.²

Педагогический и научный коллектив кафедры истории государства и права института сложился под руководством Б.Ф. Ливчака. Он умело формировал коллектив кафедры из лучших выпускников исторического факультета Уральского госуниверситета и Свердловского юридического института.

Занятия по истории государства и права СССР вели доценты Николай Николаевич Дедов (с 1952 года заведующий кафедрой теории и истории государства и права), участник Великой Отечественной войны, выпускник СЮИ Владимир Васильевич Ножкин (1920 – после 1993), выпускница исторического факультета Уральского госуниверситета (1968), Татьяна Милославовна Баженова (на кафедре работает 46 лет – с 1969 года до сего дня, старейший по стажу работы преподаватель кафедры), выпускник СЮИ 1964 года, доцент (на кафедре с 1966 г.) Михаил Иванович Сизиков (1941-2000). Долгие годы единственным преподавателем истории политических и правовых учений являлся участник Великой Отечественной войны, доцент Михаил Александрович Барласов (ленинградец, участник тяжелей-

¹ В 1938 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «О феодальной поземельной собственности в Московском государстве XVI–XVII вв.». С 1940 года – в Москве, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета Московского госуниверситета (1969-1979).

² Об истории кафедры истории государства и права СЮИ см.: Свердловский юридический институт. 50 лет. 1931-1981. – М.: Юрид. лит.-ра, 1981. С. 83-87; История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ–УрГЮА / Отв. ред. В.А. Бублик, В.Д. Первалов. – Екатеринбург: ИД «УрГЮА», 2011. С. 493-497; Помним, думаем, спорим....: сборник статей, посвященный 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 367 с.

ших боёв за Ленинград, в 1971 году вернувшийся в родной город), которого в 1971 году заменил выпускник СЮИ 1968 году, доцент (1971-2011) Владимир Степанович Воробьёв (1942 года рождения).

Лекции и семинары по всеобщей истории государства и права (истории государства и права зарубежных стран) вели профессор Б.Ф. Ливчак; доцент (на кафедре с 1963 года), выпускница исторического факультета Московского госуниверситета (1950), ученица академика, ученика В.И. Герье и В.О. Ключевского – Роберта Юрьевича Виппера (1859-1954), выдающихся романистов Николая Александровича Машкина (1900-1950), Александра Васильевича Мишулина (1901-1948) и Сергея Львовича Утченко (1908-1976), известный российский романист, доктор юридических наук (1982), профессор (1988) Аргира Валериановна Игнатенко (1927-2012)¹, доцент (на кафедре с 1967 г.), выпускница исторического факультета Уральского госуниверситета (1959) Ираида Павловна Никитина (1937-2014).

Несколько аспирантов Б.Ф. Ливчака стали кандидатами юридических наук: Д.Н. Миронов «История способов комплектования вооружённых сил феодальной Англии от середины XII по XV век» (1969), М.И. Сизиков «Становление регулярной полиции в России (1718-1741 гг.)» (1972), Ф.Г. Тимербаев «Становление советской национальной государственности башкирского народа и её конституционные основы (1917-1925 гг.)» (1972), И.П. Никитина «Институт проксении в межгосударственных отношениях древней Греции» (1977). В течение многих лет профессор Б.Ф. Ливчак был членом учёных советов по защите диссертаций.

¹ Игнатенко А.В. Избранное. – М.: Норма, 2013. – 464 с.; *Она же. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики.* – Свердловск: Средне-уральское кн. изд-во, 1976. – 208 с.; *Она же. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре (историко-правовое исследование).* – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 160 с.; *Она же. Политическая власть в Древнем Риме: становление и эволюция // Правоведение. 1988. № 5. С. 45-51.*

С января 1971 по октябрь 1975 гг. Б.Ф. Ливчак работал профессором-консультантом кафедры, занимаясь руководством аспирантов и наукой.

Борис Фёдорович Ливчак сорок лет самоотверженно служил благородному делу обучения и воспитания юношества. Он стал любимцем нескольких поколений студентов Свердловского юридического института. Общение с этой незаурядной личностью, русским интеллигентом в третьем поколении доставляло огромную радость. Его отличали бескорыстная преданность науке, исключительная порядочность, непримиримость к любой несправедливости, отзывчивость.

Значительную часть жизни Б.Ф. Ливчак с семьёй прожил в коммунальной квартире, в которой каждая семья или отдельный человек занимают одну или несколько комнат, вместе пользуются «местами общего пользования», к которым, как правило, относятся общие ванная, туалет и кухня, а также коридор и прихожая. Фронтоник, профессор только в 70 лет получил отдельную квартиру по улице Чекистов (!).

В 70-е гг. XX века В.С. Воробьёв нередко навещал гостеприимный и хлебосольный дом Ливчаков: «Профессорская квартира с многочисленными полками книг, бумагами повсюду, нестандартной мебелью, старой, но удобной, и подлинными картинами его сестры, талантливой художницы Надежды Фёдоровны на стенах. Моему взору предстала трогательно патриархальная картина. Борис Фёдорович был одет в забытую русскую домотканую одежду: мужскую белую рубаху-косоворотку с шикарной вышивкой по низу изделия, низу рукавов, горловине, подпоясанную семицветным поясом, неширокие белые штаны (порты), беленькие носочки. Он гладил многоцветную кошку. Роза Исааковна поглаживала чёрную кошку с белой мордочкой и белой лапкой. Кругом цветы как в дендрарии.

Слава в вышних Богу, и на земле мир и во человецех (в человеках) благоволение».¹

Профессор Б.Ф. Ливчак, как и многие мыслящие русские интеллигенты, давно перерос советский политический режим, те узкие рамки несвободы, которые установила коммунистическая власть.

Друг семьи Иосиф Вайсбурд вспоминал: «Помню, как я радовался, добравшись от трамвайной остановки до тёплой, уютной квартиры Ливчаков, что было совсем недалеко, но уж очень мерзко было на дворе. Через некоторое время пришёл Борис Федорович. Он был явно взволнован: “Саша, выйди-ка, посмотри. На асфальте у аптеки что-то краской написано. Кажется, ‘Свободу слова!’”. Я не разобрал. Выйди, посмотри, пожалуйста”. – “Голодной курице всё просо снится”, – ответил мой старший друг, но натянул куртку и вышел. Вскоре вернулся. Там написано “Свободу Лучо!” – буркнул он».²

В 1976 году лидера чилийских коммунистов «товарища Лучо» – Луиса Корвалана (1916-2010), политзаключённого чилийского концлагеря обменяли на заключённого

¹ Сообщение В.С. Воробьёва. Невольно вспоминаются первые русские мыслители - сторонники русской самобытности - славянофилы Хомяков, Аксаков, которые отпустили православные бороды и надели русскую национальную одежду. Из Министерства внутренних дел последовал незамедлительный выговор. В циркуляре 1849 года для провинциальных предводителей дворянства объявлялось: «Государю не угодно, чтобы русские дворяне носили бороды: ибо с некоторого времени из всех губерний получают известия, что число бород очень умножилось». Далее пояснялось, что на Западе бороды - «знак, вывеска известного образа мыслей; у нас этого нет». Государь, как говорилось в конце циркуляра, «считает, что борода будет мешать дворянину служить по выборам»¹. (*Барсуков Н.М. Жизнь и труды М.П. Погодина*. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. С. 250-251). В «западнической» системе представлений Николая борода была знаком не русского человека, а радикала, революционера.

² Иосиф Вайсбурд о Борисе Фёдоровиче Ливчаке // URL: livchak.narod.ru/Joseph_Vajsburd_s_memoirs.doc.

советского диссидента Владимира Константиновича Буковского (1942 года рождения). После чего Л. Корвалан получил в СССР политическое убежище, а В. Буковский переехал в Англию. Откликом стала частушка:

Обменяли хулигана на Луиса Корвалана.

Где б найти такую б...,

Чтоб на Брежнева сменять.

Борису Фёдоровичу суждено было пережить не только становление, расцвет, закат, но и стремительное крушение казалось бы несокрушимой коммунистической власти в 1987-1991 годах. В России надо жить долго! С воодушевлением, надеждой, эйфорией он принял гласность, опубликовал свои оригинальные работы.¹ Восьмидесятилетний профессор, всю сознательную жизнь проживший в отсутствии внешней свободы, посещал заседания свердловской правозащитной организации «Мемориал», заседания политического клуба Дискуссионной трибуны, где открыто обсуждались острые политические вопросы, сборник статей о русской интеллигенции «Вехи» (1909), звучали не прошедшие цензуру речи. Руководитель Дискуссионной трибуны Геннадий Эдуардович Бурбулис 8 декабря 1991 года подпишет Беловежские соглашения вместе с президентом Б. Ельциным от имени РСФСР.

Мне вспоминается как во Дворце культуры на улице Сурикова, где открылась бесцензурная выставка художников, осенью 1988 года проходила встреча с молодым профессором кафедры теории государства и права (любимым учеником члена-корреспондента АН СССР, основателя уральской школы теории государства и права, Председателя Комитета Конституционного надзора СССР Сергея Сергеевича Алексеева [1924-2013]), известным публицистом – Владимиром Борисовичем Исаковым (1950 года рождения).

¹ Ливчак Б.Ф. Октябрь и демократия // Урал. – 1989. № 2; Он же. Октябрь и «мировой пожар» (перечитывая Ленина) // Урал. – 1989. № 11. С. 116-127.

Борис Фёдорович приехал на эту встречу, хотя это очень далеко от его дома. Ему было тогда 82 года! Когда Исаков появился на сцене и увидел среди многочисленных слушателей Бориса Фёдоровича, он сказал: «Я хочу начать эту встречу с глубокой благодарности моему учителю, фронтовику Борису Фёдоровичу Ливчаку, за то, что он сегодня находится здесь, в этом зале. Это большая честь для меня». И мы все зааплодировали Борису Фёдоровичу.¹

В.Б. Исаков был избран народным депутатом РСФСР (1990-1993), Председателем палаты Совета Республики Верховного Совета РСФСР (1990-1991), председателем Комитета по конституционному законодательству. Один из шести депутатов, голосовавших на сессии Верховного Совета РСФСР 12 декабря 1991 года против утверждения Беловежских соглашений о ликвидации СССР и создании СНГ. Один из лидеров сопротивления антиконституционному перевороту президента Б.Н. Ельцина в сентябре-октябре 1993 года, находился в Белом доме, в здании Верховного Совета России во время расстрела парламента из танков 3-4 октября 1993 года, был избит омовцами.² Борис Фёдорович до этого не дожил...

До последних дней Борис Фёдорович работал над своими воспоминаниями, которые не успел завершить³.

¹ Об этом времени см.: *Исаков Владимир*. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990-1991. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. С. 5-88.

² *Бабурин С.Н.* Страж нации. От расстрела парламента – до невооружённого восстания РГТЭУ (Серия «Служить России»). – М.: Книжный мир, 2014. С. 21-22; *Исаков Владимир*. Госпереворот. Парламентские дневники 1992-1993. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. С. 436-438.

³ Воспоминания Б.Ф. Ливчака были опубликованы посмертно в журнале «Урал» в 12-ом – декабрьском номере 1993 г. (Храни меня, мой талисман // Урал. – 1993. № 12. С. 141-185) младшим сыном, старшим научным сотрудником НИИ физики и прикладной математики Уральского отделения АН РФ, правозащитником Александром Борисовичем Ливчаком (1946-2011). Именно он убедил отца и его сестру Надежду

Главные события XX века, о которых многие только читали или слышали, Борис Фёдорович Ливчак видел и пережил. В его феноменальной памяти сохранились картины дореволюционной жизни. Он принял свою чашу страданий во времена революции и гражданской войны, которые перевернули всю его жизнь. Борис Фёдорович в подробностях помнил бурлящую нэповскую Москву 20-х гг., прорывы и террор 30-х гг. XX века, трагические судьбы русской интеллигенции, Сталинградскую битву, разрушение и подъём юридического образования, научную, преподавательскую и политическую несвободу, крушение коммунистической власти. Век, спрессованный в пространстве одной жизни.

Б.Ф. Ливчак ушёл из жизни 22 июля 1993 года, не дожив десяти дней до своего 87-летия.

Научное творчество

Война пробудила у Б.Ф. Ливчака интерес к истории армии. В аспирантуре института (1943-1946) им была подготовлена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Народное ополчение

Фёдоровну (1903-1994) написать воспоминания, опубликовал их на своём сайте: livchak.narod.ru. Безвременная кончина одинокого бесребренника Александра Борисовича в ноябре 2011 года привела к гибели архива Б.Ф. Ливчака.

Социально-экономическая политика президента Б.Н. Ельцина привела к почти полной ликвидации в 90-е гг. XX века отраслевой технической науки и маргинализации технической интеллигенции. Двадцать лет учёный-математик Александр Борисович материально бедствовал, еле сводил концы с концами. Профессиональные правозащитные «грантоеды» не подпускали его, бескорыстного правозащитника с 70-х гг. XX века, к живительным западным денежным грантам. Я помню, как он, отчаянно нуждаясь, предлагал Уральскому государственному юридическому университету (тогда академии) купить книги из библиотеки Б.Ф. Ливчака. Это Б.Ф. Ливчак предлагал вскоре после дефолта 1998 года, когда академия как бюджетное учреждение сама с трудом выжиwała и вынуждена была пойти даже на сокращение преподавателей и сотрудников, и не смогла ему помочь.

1812 г. (организация и формы)», которая была защищена 11 июня 1946 года в Ленинградском юридическом институте.

Этим на долгие годы определились научные интересы учёного – военное законодательство и организация вооружённых сил России в XIX–XX вв., нашедшие отражение в статьях, монографии и диссертации «Народное ополчение в вооружённых силах России 1806-1856 гг.»¹, после защиты которой в Институте истории Академии наук СССР в 1965 году Б.Ф. Ливчак получил учёную степень доктора исторических наук. Высшая аттестационная комиссия только через два года – в июне 1967 г. присвоила Ливчаку степень доктора исторических наук, а в декабре 1967 г. – звание профессора по кафедре истории государства и права.

Работы Б.Ф. Ливчака отличает богатая источниковая база – нормативная и архивная.

Б.Ф. Ливчак отмечал трудности работы в политических архивах и в специальных хранилищах в советское время. «Во второй половине 40-х гг. в одном из ленинградских архивов заказал протоколы комитета министров за 1812 г. Протоколы эти были типографски отпечатаны и сброшюрованы за каждый год.

“Какой именно протокол?” – “Надо посмотреть за ряд месяцев”. – “Нельзя”. – “Дайте за июль” (интересовался народным ополчением 1812 г.). Получаю книжку с прошитыми и сургучом опечатанными страницами за все месяцы, кроме июля! И это документы столетней давности!

В спецхране Ленинградской библиотеки получаю подшивку “Новой жизни” за 1917 г. Разложил подшивку на большом столе, рассчитанном на двоих читателей. Заведующая залом подзывает: пересядьте за другой стол. – “Почему?” – “Сосед читает выданную вам газету”.

В общем каталоге Свердловской областной библиотеки нахожу Ренана “Жизнь Христа”. Даю заявку – библио-

¹ Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в вооружённых силах России 1806-1856 гг. // Учёные труды (Серия «История государства и права»). – Свердловск, 1961. Т. 4. – 276 с.

текарша мнётся. Советует подойти к директору библиотеки. Тут же из любопытства иду к директору. Спрашивает, зачем нужна книга.

При мне рукопись моей статьи о Блоке. Показываю, что Блок, пользуясь исследованиями Ренана, писал о Христе. Рекомендует – ушам не поверил – обратиться в обком КПСС за разрешением.

И тут меня осенило: ведь я имею доступ к спецхрану этой библиотеки. Звонит в спецхран и, по подтверждении моего допуска, накладывает резолюцию: выдать.

Я забыл сказать, что при работе в архиве выписки, сделанные исследователем, нельзя так просто положить в портфель и унести домой. Их оставляют на просмотр заведующему читальным залом и уносят лишь с его разрешения.

Таковы лишь мелкие штришки всесторонней партийно-государственной опеки в доступе к информации».

Работы профессора Б. Ливчака, особенно монография «Народное ополчение в вооружённых силах России 1806-1856 гг.» [Учёные труды (Серия «История государства и права»). – Свердловск, 1961. Т. 4. – 276 с.], по-прежнему востребованы историками. Так, С.В. Белоусов отмечает: «Изучая роль народного ополчения в вооружённых силах России, Б.Ф. Ливчак впервые в отечественной исторической науке проанализировал правовые основы формирования, финансирования и снабжения ополчений в 1812 г., а также попытался определить правовой статус ратников и степень участия в боевых действиях всех ополченческих формирований, в том числе и ополчений III округа в заграничных походах русской армии».²

А.И. Шепарнёва подчёркивает: «Хотя историография Крымской (Восточной) войны достаточно обширна, к сожа-

¹ Ливчак Б. Ф. Храни меня... С. 184-185.

² Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (на материалах Среднего Поволжья). Автореферат дисс... докт. истор. наук. – Самара, 2007. С. 9.

лению, до настоящего времени не написано ни одной специальной работы, посвящённой вопросу формирования Государственного и подвижного ополчения. Единственной серьёзной работой по данному вопросу является исследование Б.Ф. Ливчака, однако и в ней ополчению времён Крымской войны посвящена только одна из глав».¹

До последних дней жизни Б.Ф. Ливчак сохранял интерес к историко-правовой науке, живо откликался на происходящие изменения и проблемы своего времени. Он опубликовал ряд статей, которые свидетельствуют о том, что у него было собственное видение Октябрьской революции, роли Ленина в истории России.

Журналисты литературно-художественного и публицистического ежемесячного журнала «Урал» признавали: «Профессору отечественной истории Борису Фёдоровичу Ливчаку было уже за восемьдесят, когда он, автор многих научных статей и монографий, опубликовал в “Урале” свои первые (по собственному его признанию) публицистические статьи: “Октябрь и демократия” (1989. № 2), “Октябрь и ‘мировой пожар’ ” (1989. № 11). Безупречная выверенность фактов, безбоязненное течение мысли и взвешенность позиции сделали их заметным явлением в потоке публицистики того времени: сотрудничество с учёным стало вехой и в биографии журнала».²

В последние годы Б.Ф. Ливчак занимался проблемами городского боя в условиях Второй мировой войны. Помню дискуссию, состоявшуюся в мае 1992 года на традиционной ежегодной встрече преподавателей и сотрудников института – ветеранов, участников Великой Отечественной войны. Борис Фёдорович утверждал, что при освобождении городов артиллеристам следует всячески оберегать памятники архитектуры от обстрела, их повре-

¹ Шепарнева А.И. Правовые основы развития ополченческого движения в России в середине XIX века // Наука и практика. – 2010. № 3 (44). С. 88.

² Ливчак Б.Ф. Храни меня... С. 187.

ждение и разрушение недопустимо.

Ему ответил майор, командир артиллерийского дивизиона, прошедший войну с августа 1941 по май 1945 гг., доцент и заведующий кафедрой политэкономии института (1955-1989) Александр Семёнович Добров (1923-2010), который как человек вполне оправдывал свою фамилию: «Конечно, при выборе огневых точек следует избегать использования для этих целей памятников архитектуры. Оберегать их надо, но не любой ценой. Цена такой доблести – дополнительно погибшие солдаты. Если из памятника архитектуры непрерывно стреляет прямой наводкой вражеское артиллерийское орудие, я, как командир артиллерийской батареи отдам приказ подавить эту смертоносную точку, спасая драгоценные солдатские жизни.

Для понимания бережного отношения наших войск к памятникам архитектуры Европы в процессе её освобождения от нацизма достаточно сопоставить два очевидных примера. Это дополнительные жертвы Красной армии при освобождении польского Кракова без предварительной артиллерийской подготовки ради спасения его исторической архитектуры и безжалостные ковровые бомбардировки союзниками Дрездена – города с уникальной средневековой архитектурой, где в тот момент подавляющее большинство населения было мирным. Кстати, благодарности, спустя годы, от тех же русофобски настроенных поляков никакой. Наоборот, только плевки и вечные требования извинений и компенсаций. Это вы спасли мою не умеющую плавать, тонущую в реке дочь? Да. Простите, а где же её панама?»

Источники и использованная литература:

1. *Бабурин С.Н.* Страж нации. От расстрела парламента – до невооружённого восстания РГТЭУ (Серия «Служить России»). – М.: Книжный мир, 2014. – 704 с.
2. *Барсуков Н.М.* Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. – Кн. 10. – 598 с.
3. *Беднягина Н.П.* «Если хочешь быть счастливым...» // Вестник Уральского отделения РАН. – 2013. № 3 (45). С. 171-189.
4. *Белоусов С.В.* Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (на материалах Среднего Поволжья). Автореферат дисс...

- докт. истор. наук. – Самара, 2007. – 40 с.
5. Большая советская Энциклопедия. 2-е изд. М.: Гос. науч. изд-во “Большая сов. энц-я”, 1954. С. 105. – 632 с.
 6. Брачев В.С. «Дело историков». 1929-1931 гг. – 2-е изд., доп. – СПб.: Нестор, 1998. – 125 с.
 7. Гнедовский Ю.П. Предисловие к изданию (Мастера архитектуры Симбирска. Федор Ливчак) // Вестник. «Зодчий. 21 век». – 2007. № 1 (23). – См.: Вестник. “Зодчий. 21 век” // URL: <http://www.zodchiy21.ru/index.php?id=143>.
 8. Исаков Владимир. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990-1991. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. С. 5-88.
 9. Исков Владимир. Госпереворот. Парламентские дневники 1992-1993. – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997. С. 436-438.
 10. История, настоящее, будущее: 80 лет СЮИ–УрГЮА / Отв. ред. В.А. Бублик, В.Д. Перевалов. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – 800 с.
 11. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (Классика русской мысли). – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 1200 с.
 12. Касаткина С.С., Свешиникова О.А. Фёдор Ливчак (Мастера архитектуры Симбирска). – Ульяновск: Типография Облучинского, 2006. – 200 с., ил., фот.
 13. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии // Он же. Трагедия свободы: избранные произведения / Вступ. статья, составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. С. 816-842.
 14. Ливчак Б.Ф. Октябрь и «мировой пожар» (перечитывая Ленина) // Урал. – 1989. № 11. С. 116-127.
 15. Ливчак Б.Ф. Храни меня, мой талисман // Урал. – 1993. № 12. С. 141-185.
 16. Ливчак Н.Ф., Ливчак Б.Ф. Воспоминания брата и сестры // URL: livchak.narod.ru.
 17. Немировский Е. Изобретатель Ливчак // Знание – сила. – 1952. № 2. С. 2-4.
 18. Михин П.А. Артиллеристы, Сталин дал приказ. – М.: Эксмо, 2006. – 576 с.
 19. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. – М.: АСТ, 2015. – 352 с.
 20. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. – СПб.–Пг.: Изд-во Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1915. Т. 24. – 8 с, 960 стб., 2 с, 26 л.
 21. Остапенко Д.Д. (1918-1998 гг.) // Воспоминания выпускников и ветеранов. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. С. 4-10.
 22. Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные учёные

- академии наук СССР. – М.: Наука, 1995. С. 201-235.
23. Помним, думаем, спорим...: сб. ст., посвящённый 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права Урал. гос. юрид. академии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 367 с.
 24. Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГЮА, 2014. – Вып. 2-й. С. 370-378.
 25. Сахаров А.Д. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2011. – 1277 с.
 26. Свердловский юридический институт. 1931-1981. – М.: Юридическая литература, 1981. – 176 с.
 27. Смыкалин А.С. Основоположник курса «История государства и права СССР» профессор Серафим Владимирович Юшков - первый заведующий нашей кафедрой // Помним, думаем, спорим...: сборник статей, посвященный 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 5-15.
 28. Шаламов В.Т. Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка. – М.: Эксмо, 2009. – 1072 с.
 29. Шафаревич И.Р. Русский вопрос (Классика русской мысли). – М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. – 992 с.
 30. Швидковский Д.О. Симбирск – это не только Ленин // Культура. – 2007. № 1 (7562).
 31. Шепарнева А.И. Правовые основы развития ополченческого движения в России в середине XIX века // Наука и практика. – 2010. № 3 (44). С. 88-91.

Nasibullin R.A.

Two wars of Boris Livchak

About life and Boris Fyodorovich Livchak's activity (02.08.1906 – 22.07.1993) – the son of the large Simbirsk territorial architect, the engineer and the inventor, the graduate of historico-philosophical faculty of the Moscow State University (1931), the participant of the Great Patriotic War, the teacher, professor (1939-1975), the head of the subdepartment of history of state and law of Sverdlovsk law institute (1963-1971), the doctor of historical sciences (1967), the candidate of jurisprudence (1946).

Keywords: Livchak, Fyodor Iosifovich, war, revolution, orphanage, university, Marxism, teacher, party, repressions, institute, lieutenant, professor, head of the subdepartment, organization of armed forces.

Приложение

Список публикаций Б.Ф. Ливчака¹

1. Принципы комплектования и правовое положение ратника в народном ополчении 1812 года // Ученые записки Свердловского юридического института. – Свердловск: Свердловгиз, 1947. – Т. 2. С. 3-31.
2. Организационные формы народного ополчения 1812 года // Вопросы теории и истории государства и права и государственного права. – Свердловск: Кн. изд-во, 1957. Т. 4. С. 249-277.
3. Народное ополчение в вооружённых силах России 1806-1856 гг. // Учёные труды (Серия «История государства и права»). – Свердловск, 1961. Т. 4. – 276 с.
4. Рецензия на кн.: *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. – 211 с. // Вопросы истории. 1963. № 9.
5. Государственное ополчение по Уставу о воинской повинности 1874 г. и законодательству 1880-1890 гг. // Сборник ученых трудов. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – Вып. 4. С. 420-445.
6. Государственное право буржуазных стран и правовые основы организации вооружённых сил // Вопросы государства и права. Материалы теоретической конференции по плановым работам, выполненным в 1963 году; кандидатские и докторские диссертации. – Свердловск, 1964. С. 146-149.
7. Основы военной организации и их место в науке истории государства и права // Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки. – Кишинёв, 1965. С. 83-85.
8. Институты военного устройства в науке истории государства и права // Правоведение. – 1966. № 2. С. 140-142.
9. *Воробьев В.С., Ливчак Б.Ф., Стародубский Б.А.* [Рец. на]: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. – М.: Юрид. лит., 1971. – 638 с. // Советское государство и право. 1973. № 1. С. 143-145.
10. Крах планов «охраны» Москвы от революции // История СССР. – 1972. № 2.
11. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами А. Блока // Вопросы истории. – 1977. № 2. С. 111-123.
12. О политической роли масонов во второй русской революции² // Политическая организация общества (история и современность):

¹ Составлен доцентом Р.А. Насибуллиным.

² Опубликовано в данном сборнике.

- Межвуз. сб. научн. тр. – Свердловск: СЮИ, 1977. – Вып. 56. С. 135-141.
13. Октябрь и демократия // Урал. – 1989. № 2.
14. Октябрь и «мировой пожар» (перечитывая Ленина) // Урал. – 1989. № 11. С. 116-127.
15. Давний спор и современность // Новый мир. – 1993. № 12 (О споре Ленина и Суханова: Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х томах. – М.: Республика, 1991-1992. – Т. 1. – 383 с.; Т. 2. – 394 с.; Т. 3. – 414 с.).
16. Храни меня, мой талисман // Урал. – 1993. № 12. С. 141-185.
17. Законодательство о народном ополчении 1812 года // Помним, думаем, спорим...: сборник статей, посвященный 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 38-56.

Ливчак Б. Ф.
Война¹

При призыве, принимая, видимо, во внимание возраст (36 лет) и не очень крепкое здоровье, мне был предложен выбор: либо военно-медицинское училище – на военфельдшера, либо пехотное училище – на командира взвода. Я выбрал последнее.

Обучался я около семи месяцев. На мой взгляд, в обучении было слишком много муштры, шагистики, зубрёжки уставов, не очень-то нужных в полевых условиях. Что касается материальной части, оружия, то ограничились винтовкой и пулемётом, а миномет и сорока пятки лишь показали. (Будучи в резервном офицерском полку, в балках Средней Ахтубы, стою я на посту у оружейного склада. Вижу, на снегу – железяка цилиндрической формы, цвета хаки. Проходит мимо солдат в замасленном ватнике – видно, оружейный мастер. Спрашиваю (хотя по уставу запрещено), что за предмет? Тот, внимательно посмотрев на мои знаки различия: «Ручка от противотанковой гранаты,

¹ Публикуется по: Ливчак Б. Ф. Храни меня, мой талисман // Урал. – 1993. № 12. С. 175-179.

товарищ лейтенант!» Сгораю, как говорят, от стыда. В училище я видел только цельнометаллическую болванку, которую мы метали, тренируя руку. Противотанковую гранату нам в пехотном училище даже не показывали!) На практических стрельбах я извёл менее двух десятков боевых патронов. Тактика целиком посвящалась полемому бою, и, хотя я кончил училище в октябре 1942 г., когда уже стало ясно, что городской бой имеет в этой войне огромное значение, ни одного занятия, ни слова о весьма специфическом городском сражении.

По окончании училища я был отправлен на Сталинградский фронт. Вызвали в штаб батальона утром 14 декабря. Принял взвод штрафников, на мою беду – в большинстве узбеков. Я сказал «на беду» не из националистических предрассудков, а потому, что тут же убедился, что они не все понимают по-русски.

Ко мне, как к старшему по возрасту, подошли мои товарищи, также принимавшие взводы, и предложили напомнить в штабе, что, хотя наши штрафники вооружены, мы, офицеры, не имеем никакого оружия. Комбат ответил: «Вы сопровождаете взводы до переправы через Волгу. Оттуда вернётесь обратно на попутных машинах».

Дело военное – приказ есть приказ. Маршируем без личного оружия. Километра за полтора до переправы немец поприветствовал нас артогнём, ни обошлось без жертв. И, вот, она, Волга!

Переправа, переправа.

Берег левый.

Берег правый.

А между ними не менее полутора километров открытой водной глади. Ледостава пока нет. На той, правой стороне – дымящийся силуэт разбитого города, неумолкаемый артиллерийский рёв. Через наши головы, откуда-то из-за нашей спины, летят над Волгой, шипя и оставляя струи света, катюшины сюрпризы. В полосе их падения – сплошное пламя, озаряющее развалины строений.

Ждём полной темноты. Садимся на два поскрипывающих на волнах деревянных баркаса, прицепленных к брошированному буксиру, и трогаемся. Много на наслышанный о жертвах этой переправы, чувствую полную обреченность в случае прямого попадания в баркас. Я неплохой пловец, но в сапогах, если даже успеешь скинуть шинель, при близкой к нулю температуре воды – не выплыть. Однако всё обходится благополучно. С полчаса маневров между островами, и мы тихо причаливаем к мостикам сталинградского берега.

В обрывистом высоком берегу вдруг появляется светящаяся щель – чуть приоткрывшаяся дверь большой землянки – штаба, по-видимому, полка. Оттуда – неожиданный в этой ночи сильный женский голос. Поёт без аккомпанемента – не патефон, не радио. Неужто живая актриса?

Вышел офицер, в темноте не разглядеть чина. Слушаю сквозь спиртное дыхание наставление, столь же лаконичное, сколь и бесполезное: «Воевать не числом, а умением». Получаем проводника. Вслед за ним два взвода – мой и младшего лейтенанта Астахова, цепочкой пересекаем балки. Кое-где по команде проводника – по-пластунски, что тут же оправдывается очередью трассирующих пуль над нами.

На одном из крутых склонов балки останавливаемся – землянка штаба батальона. Вхожу. Сильные керосиновые лампы освещают две довольно благоустроенные, натопленные комнаты. На столе, в солонку опрaвленная, несомненно, трофейная, бутылка с дорогим вином. Указывая на неё, комбат поясняет: «Будем обмывать награды за отбитый цех завода “Красный Октябрь”. Передайте командиру роты, чтобы вас сразу не пихал».

Другой проводник, с ещё большими предосторожностями, ведет нас на передний край – в цех старого металлургического завода. Просторный подвал – командный пункт роты. Представляюсь командиру, передаю ему приказ «не пихать». Возмущенный комроты: «Как вы мне можете го-

ворить такое?» – «Дословно передаю приказ комбата». Хватает телефонную трубку. Получает подтверждение. Тоном теперь убеждения: «Пойми, лейтенант, после таких жертв отбитый цех оборонять решительно некому. Взвод останется пока для оснастки ручных гранат. А ты поползай по цеху, осмотришь, вот тебе проводник».

И я полез в цех с единственным оружием – перочинным ножиком в кармане.

Выведа меня ходом подземных заводских коммуникаций до воронки, провожатый молча смывся, а я – через дыру-воронку – в цех. Темнота, мешавшая мне осмотреться, была так кстати нарушена немецкой осветительной ракетой. Горящий магний, медленно опускавшийся на парашюте, на пару минут осветил мне руины цеха Я, прижавшись к земле, осматриваюсь.

До следующей ракеты я полз в намеченном направлении, а немец, как по заказу, обслуживал меня каждые 5-10 минут. И вот я натываюсь на припорошенный снегом труп. Он лежит на спине, и, о везение, под его спиной – автомат ППШ. Отстегиваю ремень и вытаскиваю автомат. Ура! Я – вооружён.

Предварительный, до ввода моих солдат, осмотр цеха, конечно, был нужен. Но ни он, ни краткий разговор с комроты не отвечали на вопрос: где противник, откуда его ждать? Вечный вопрос городского боя. Нужна круговая оборона. Понимаю, что для цеха, длиною не менее ста метров, а шириною около тридцати, моих 31 солдата маловато.

Оползав цех, я не обнаружил ни одного живого солдата! Трупов с десятков повидал, и все, как убедился днем – наши. Неужели немец, оставляя цех, унёс своих убитых?

Итак, наша задача – оборона цеха, а взвода Астахова – захват ничейного, по предположению комроты, дома. Располагаю отделения взвода по границам цеха, с предполагаемым фронтом и флангами. Вновь и вновь озираюсь при освещении немецкими ракетами. Минут через 20 появляются, увиденные сквозь тьму на чуть более светлом фоне сне-

га, гуськом идущие, метрах в 70 от нас, десятка два солдат. Коль скоро они впереди нашей линии обороны – ясно, немцы! Мои солдаты щёлкают затворами. Решил скомандовать: «Залпом!» Но направляется-то группа не к нам, а в сторону. Притом пригнувшись, т.е. наступая в противоположную от нас сторону, Не Астахов ли ведет свой взвод? Не расстрелять бы своих. В итоге этих моментальных размышлений – команда: «Отставить!» Мои солдаты озадачены.

С Астаховым так и не удалось повидаться, узнать, ошибся я или нет.

Еда нам доставлялась один раз в сутки, только ночью. Кроме каши – не менее килограмма хлеба и по большому куску вареного мяса. Съев кашу, хлеб и мясо запикивали за шинель, на суточное пропитание. Получали и табак. Водка штрафникам не полагалась, хотя мы бессменно лежали на снегу и не смели (да, и не из чего было) разводить костер.

Солдаты были в валенках, ватных штанах, телогрейках и, разумеется, в ушанках. Я, как был экипирован в училище новой шинелью тонкого английского сукна (дар союзного Альбиона), кирзовыми сапогами и пилоткой, так и мерз. Будучи на командном пункте, попросил старшину сменить хотя бы столь несезонный головной убор. Он – с хохлацким акцентом: «Так в цеху же як в универмаге». Поняв намёк и вернувшись в цех, снял с мертвеца ушанку и надел на его голову свою пилотку.

На командном пункте мне дали ещё одного солдата, предупредив, что за ним должен быть присмотр: он пытался дезертировать, но его пощадили. Чтобы иметь его перед глазами, назначил своим связным.

И дернул же чёрт его, получив пайку, встать во весь рост. Слышу совсем близко выстрел немца, и мой связной оседает – спиной об стенку. Подползаю с санитарным пакетом, а у него изо рта выползает разжёванный хлеб, а из виска – мозг. Это – первая, а потому так запечатлевшаяся смерть в моём взводе.

С восходом солнца солдаты мои стали постреливать. Сосед приподнимает ствол винтовки выше, чем по наземной цели. Спрашиваю. Говорит: «Видишь, лейтенант, в заводской трубе дыра, из неё поблескивает?» В самом деле, похоже, что в пробоине – либо бинокль, либо стереотруба. Даю очередь по предполагаемому корректировщику. Ответ не замедлился: над нами, ударившись о балку заводского перекрытия, взорвались мина.

Рядом со мной железнодорожная платформа (внутризаводского транспорта). Продвигаюсь под неё и сгибаюсь возле сплошного чугунного колеса, защищая им голову и грудь. Осколки одной из следующих мин попали в незащищенную часть – в правую голень и левую ягодицу. Они сильно кровоточат.

Оставив за себя соседа, ползу к подземному ходу на командный пункт на перевязку. Не успела штрафница Маша, наш санинструктор, завязать бинты, вбегает ротный: «Лейтенант! Немцы у тебя в цеху!» Отстранив сестру, натягиваю на недобинтованную задницу штаны и, получив от ротного подкрепление – шесть солдат – в цех. «Ура!» Эта контратака оказалась сомнительной. Бежал я в рост, кричал ура до срыва голоса, видел впереди две-три мелькнувших между станками фигуры. Но когда контратака кончилась, обнаружил только одного убитого немца. По его солдатской книжке сумел прочесть, что он поляк и служит *zweite russische Winter*.¹

Вечером я был вызван на командный пункт. «Задача роты на завтра – штурм листоотделочного цеха. Учитывая твоё ранение, оставляем твой взвод в обороне. Но стрельбой, а то и гранатами, держи противника, отвлекая на себя». Ночь была очень трудной. Раны давали себя знать, и очень клонило ко сну – это была вторая бессонная ночь.

Утром слева от нас пальба – начался штурм листоот-

¹ Вторую русскую зиму.

делочного. Я ещё ранее присматривался к бетонной стенке, что между нашим цехом и листоотделочным. До неё – шагов 30. Зная уже огневые точки противника, думал, что место до стенки не простреливается. Поднял пятерых солдат – и бегом!

Но мои сведения об огневых точках оказались неполными. На половине нашей перебежки пулеметная очередь уложила одного насмерть, а меня и ещё одного солдата ранило. На этот раз пуля пробила мне левую голень. А когда я упал, близко разорвалась мина и добавила ещё осколок в левое бедро.

Когда я попытался ползти к своим, ещё одна мина лопнула совсем рядом и угостила парой осколков и в правую лопатку. Очнувшись после оглушившего меня разрыва мины, подумал: жив ли? И вот, не совру, ответил себе декартовой, да ещё и на латыни, аксиомой: *cogito ergo sum* – мыслю, значит существую.

Рядом оказались штабеля листового железа. Между ними я и забился; и, как у Христа за пазухой, пролежал на этом клочке ничейной земли, до темноты.

Мороз крепчал. Потеря крови, неподвижность, кирзовые сапоги всё это грозило обморожением. Когда полз обратно, кто-то хватал меня за полы шинели. Соображаю – намокши кровью, они пристают к промёрзшему металлу заводских станков. Но, вот, меня подхватывают солдаты и по подземному ходу доставляют на командный пункт.

Комроты уступает место у печи, наливает стакан водки. С сожалением наблюдаю, как режут по шву мой сапог – иначе не снимется – чтобы добраться до раны и остановить кровь. Тем временем приносят лист кровельного железа, привязывают к нему проволоку. На этой волокуше транспортируют меня по ночному Сталинграду к Волге в медсанбат.

Ночью кладут на саночки, покрывают простыней, и два санитар в белых халатах берутся за длинную верёвку. Войдя на лед ночной Волги, почему-то расходятся шага на

3-4. Догадываюсь – перволёдок, разошлись, чтобы лёд не сломился под тяжестью обоих. Гляжу на звёздное небо и думаю: из огня живой выбрался, неужели утону?

Далее семь месяцев полевых, а затем двух стационарных госпиталей (Саратовского и Свердловского). Для столь мало провоевавшего офицера, с его военно-историческими интересами – тема моей кандидатской, начатой ещё до войны, «Отечественная война 1812 г.» – госпитальные байки давали большой материал для размышлений.

Содержание

World wars in the history of mankind	C. 3
Мировые войны в истории человечества (А.С. Смыкалин)	C. 5

Часть I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Насибуллин Р.А.

Первая мировая война и Февральская революция 1917 года в России: для успеха войны с внешним врагом нельзя развязывать споры о государственном строе и сменять власть	C. 11
--	-------

Смыкалин А.С.

Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Урале	C. 46
--	-------

Шамсумова Э.Ф.

Высшее образование в период Первой мировой войны и Великой Отечественной войны	C. 62
---	-------

Ливчак Б.Ф.

О политической роли масонов во Второй русской революции	C. 74
--	-------

Часть II. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Гоцуленко А.В.

Об основных направлениях деятельности органов государственной безопасности СССР Уральского региона по защите и укреплению промышленного потенциала страны в предвоенные годы	C. 86
--	-------

Фомин А. А.

Политико-правовые причины и условия проявлений военного коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны	C. 102
---	--------

<i>Константинов С.И.</i>	
Вневойсковая подготовка резервов в Свердловске в годы Великой Отечественной войны	С. 115
<i>Мотревич В.П.</i>	
Развитие земледелия на Урале в условиях Великой Отечественной войны	С. 128
<i>Запарий В.В.</i>	
Металлургия Урала на этапе Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)	С. 149
<i>Каплюков В.В.</i>	
К вопросу о коррупционных проявлениях на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны	С. 176
<i>Ильченко В.Н.</i>	
Русская Православная Церковь и советское государство в годы Великой Отечественной Войны	С. 197
<i>Старикова О.Н.</i>	
Деятельность специальных лагерей НКВД/МВД СССР на оккупированной территории (1945–1950 гг.)	С. 217
<i>Кудоярова Г.Р.</i>	
Основание, расположение и функционирование лагеря для военнопленных № 197 Свердловской области в годы Великой Отечественной войны	С. 234
<i>Насибуллин Р.А.</i>	
Две войны Бориса Ливчака	С. 249
<i>Ливчак Б.Ф.</i>	
Война	С. 314
Содержание	С. 322

Научное издание

ДВЕ ВЕЛИКИХ ВОЙНЫ

Сборник научных трудов
к 100-летию начала
Первой мировой войны
и 70-летию победы в
Великой Отечественной войне

Ответственный редактор
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович